

В ЗАЩИТУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СВОБОД

Выпуск 10

Составители: В. Грин
И. Никифоров

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. От составителей	1	1
АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ		
2. И.Бирман "Экономический детектив"	4	4
ИСТОКИ		
3. Б.Д.Брункус "Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе"	20	20
4. Н.Горчаков "Ревензия-обсуждение книги Ласло Самуэли "Первые модели социалистической экономики. Принципы и теории."	70	70
ШАБАШКИ, ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИИМАТЕЛЬСТВО		
5. П.Цепенко "Свободные строители в СССР"	82	82
6. Н.Н. "Опять эти проклятые частники"	94	94
ПРИЛОЖЕНИЕ		
7. В. Сорокин "Золотые россыпи"	104	103 104

В связи с арестом и осуждением на три года условно Виктора Сокирко, а также в связи с участвовавшими обысками, арестами и допросами составители заявляют о прекращении издания сборников ЗЭС. Номера 10 и 11, в которые включены все имеющиеся в наличии материалы, являются последними.

Одна из причин, побуждавших к такому решению, заключается в том, что к составителям перестали поступать новые материалы. Разумеется, этот факт не означает отсутствия интереса к экономическим проблемам. В среде профессиональных экономистов, без сомнения, есть немало людей, которые имеют свою точку зрения и могли бы стать авторами настоящего сборника. Однако, репрессии против редакции журнала "Поиски", сборников ЗЭС и иных диссидентских групп сделали свое дело: они испугали потенциальных авторов из среды профессионалов. В настоящий момент люди, по-видимому считают, что опубликование даже безобидной статьи в самиздательском сборнике может слишком дорого обойтись.

В последнее время следователи КГБ и прокуратуры откровенно говорят и на допросах, что диссидентское движение неперспективно, и что в ближайшее время с ним будет покончено. Мы не хотим обсуждать здесь вопроса о том, каковы перспективы диссидентского движения, и легко или трудно его подавить. Но подавить инакомыслящих — это еще не значит навести порядок в стране и решить наболевшие социально-экономические проблемы. Ведь сами работники КГБ отлично понимают, что нарастающие экономические затруднения, бюрократизм, взяточничество и вытекающее отсюда недовольство населения никак не связаны с существованием диссидентов. Нынешнее диссидентское движение, возможно, неперспективно — но по большому счету неперспективна сама деятельность КГБ, потому что она не предполагает никакой конструктивной альтернативы. Репрессиями можно заткнуть глотки недовольным, но нельзя наладить общественное производство.

Деятельность КГБ неконструктивна еще по одной причине: подавляющая часть публикаций сборников ЗЭС носит характер не намного более острый, чем публикации в журнале ЭКО, Литгазеты и даже газеты "Правда". На

суде над Виктором Сокирко в качестве клеветнических были названы обзоры экономических фальсификатов советских газет, статья Карла Лисперса "О тотальном планировании", издания ВНИИТИ ротационным способом и тому подобные материалы. В конечном счете получается, что арестовывают не за содержание статей, а за сам факт их опубликования в самиздатском сборнике. ~~Эт~~ Но отказ рассмотреть проблему по существу и хотя бы для себя решить, где лежат границы дозволенного — это политика страха, и она остается таковой несмотря на то, что сопровождается человеческими жертвами.

Почему КГБ проводит такую политику? Ответ прост: комитет государственной безопасности не несет никакой ответственности за работу нашего народного хозяйства, не разбирается в экономических проблемах и не желает в них разбираться. Его задача — сажать, и это он умеет делать в совершенстве. Но сажать, как известно, — не сеять, и поднять урожайность советских полей арестами невозможно.

Составители сборника придерживаются мнения, что советская система ныне дошла в своем развитии до логического конца. Коммунистический эксперимент близится к завершению. Продлится агония системы 20 или 50 лет — в принципе не столь уж важно. Конечно, за это время работники КГБ смогут посадить немало людей, но в историческом масштабе их дело уже проиграно.

В удущее рисовывается нам в виде двух альтернатив. Бить может, власти рано или поздно пойдут на широкие социально-экономические реформы, которые де-факто упрасднят существующую систему. Получится или в итоге система, аналогичная западной демократии, или какая-то иная — это вопрос особый, но необходимость децентрализации экономики и системы управления обществом представляются несомненными. При этом не подлежит сомнению, что положительный эффект реформ может быть достигнут как минимум лет через 10 — 15 после начала или их развертывания, тогда как первым их следствием будет обострение всех возможных противоречий.

В настоящее время, однако, власти не имеют никакой отчетливой позитивной программы, и внутренняя политика характеризуется проведением в жизнь ряда бессистемных и халтурно спланированных реформ /нормативная

чистая продукция, бригадный подряд, макинский метод и т.д./, не скоординированных в рамках единого плана. Механические репрессии, направленные на укрепление плановой и исполнительской дисциплины, если властятся пойти по этому пути, только усугубят царящее повсюду неразбериху и хаос. Производственно-административный аппарат превратился ныне в гигантский аппарат фальсификации, и бороться с этим методами укрепления дисциплины — по меньшей мере паивно.

Нетрудно представить себе, что будет, если такая политика будет проводиться в дальнейшем. Разрушенная неправильной расправкой почва, отравленные промышленными стоками реки и водоемы, вырубленные леса, разбазаренное или проданное за границу минеральное сырье, озлобленное и деморализованное население, не способное осуществить конструктивный политический выбор — таков будущий итог экономического и социального развития советской системы, и ныне мы уже вплотную подошли к этому итогу. Организованных польских забастовок у нас в ближайшие 10 — 15 лет, очевидно, не будет, но вместо них возникнут забастовки-бунты и забастовки-погромы, которые наряду с возрастающей коррупцией, национальной правдой и некомпетентностью аппарата довершат процесс разложения.

На фоне всего этого власти не придумали ничего лучшего, как арестовывать диссидентов. Это было бы странно, если бы за каждым арестом не стояла конкретная человеческая судьба.

В. Грин, И. Никифоров,

Москва, 1980 год

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Я стал экономистом случайно и среди многих коллег знал лишь одного, который еще на пороге юности, заинтересовавшись устройством цен, стал экономистом /и все еще этим устройством интересуется/. Изучают стать дрессировщиками и дрессируемыми космонавтами, врачами и шпионами, таксистами и полководцами по разным причинам, но главное — потому что эти профессии такие интересные, романтические. Скольких из нас захватили в детстве перипетии научного поиска по Полю де Край /теперь он стал Крайфом/. А вот экономика — какое скучное, отнюдь не романтическое занятие, чего-то они там высчитывают...

Правда, в конце хрущевских времен, когда публике позволили обсуждать и даже немножечко осуждать не только ладные дела в экономике, появился и стал нарастать интерес к ней, тем паче что тогда же экономисты начали использовать таинственные /а потому вполне романтические/ электронные мозги. И — резкий поворот, конкурсы в экономические вузы теперь едва ли не наибольшие. Но будущие Адамы Смиты и Кейносы скверно знают, что именно им предстоит /говаривал с ними/, да и ты, сегодняшний мой читатель, давайте прямо, вполне сознаешь, что экономика — это важно, но вот чтобы интересно... Наверняка не поверил ты и заголовку, помилуйте, какие там еще детективы с этими счетами, подсчетами и просчетами.

Журнал этот не для выпускников советских школ /а жаль/, и не собираюсь я увеличивать конкурсы в вузы, но, соревнуясь в Поле де Крайфом и Агатой Кристи, хочу рассказать историю, в которой будет и тайна, и поиск, и смертоубийство, и шпион, и даже ЦРУ /без сомнения, ее прочтут и в КГБ/, — словом, детектив как детектив.

Начелась эта история лет 15 назад. Я пытался расспросить знакомого профессора физики о чем-то атомном, всегда интереснее говорить со специалистами об их профессии, но, видно, по тому же самому принципу, он упорно сворачивал на экономику. Среди прочего он спросил — почему советский государственный бюджет всегда сводится, так сказать, с прибылью, то есть, почему бюджетные доходы всегда хотя бы немножечко, а часто и вполне множечко, на миллиарды рублей, больше расходов? "Ну, это не хитро..." — снисходительно начал я объяснять, но физики люди точные, и он припер меня к стенке просто¹, отнюдь не диалектической, логикой — зачем, действительно, государству эта самая прибыль, солить ее, что ли? Благо советский бюджет, как и все денежное обращение в стране, был бы в золотых рублях или же в так называемой конвертируемой валюте², тогда государство подкапливало бы таким способом на черное время. Но ведь бюджет-то исполняется в рублях, которые вполне бумажные

¹ Наша приятельница — недавняя эмигрантка — все время жалуется, никак

и нигде за пределами страны хождения не имеют. Да и в черные времена, особенно после неурожаев, все равно объявляется об этом самым призывом².

Ответить я не сумел и задал этот вопрос близкому своему другу, как раз тому, кто стал экономистом по детскому влечению. Не знает. Потом мы уже вместе задавали этот вопрос и так же безуспешно. Потом были у меня и иные заботы, я обо всем этом подзабыл.

В 1974 году я эмигрировал, приехал в США и решил не менять профессию, продолжать заниматься советской экономикой, стать "советологом". Надо сказать, что публика знает о советологах, пожалуй, даже меньше, чем об экономистах. Это весьма интересная, но отдельная тема³, а здесь скажу, что советологи-экономисты занимаются среди других вещей советскими военными расходами. Приходится заниматься, потому как в любой западной стране военные расходы — предмет самых широких общественных обсуждений, в СССР же это один из наиболее тщательно охраняемых государственных секретов. Правда, каждый год показатель затрат на оборону официально провозглашается, но есть серьезные сомнения в его верности — точнее говоря, нет никаких сомнений, что он сильно занижен. При всем том занимаются этим вопросом, по-моему, недостаточно и без особого успеха.

Почему это вообще интересно? Тут несколько причин. Во-первых, именно военные расходы составляют один из главных видов затрат советского государства, а посему без знания их крайне трудно, если вообще возможно, составить представление о состоянии и перспективах советской экономики в целом. А как без такого представления строить, скажем, торговую политику? К примеру, СССР упорно выпрашивает кредиты для оплаты импорта, и надо оценить, сможет ли он эти кредиты выплатить⁴.

Во-вторых, в многолетних уже переговорах о разоружении, как известно, одна из основных прецедентов — контроль. Каждая сторона должна иметь возможность проверить, как выполняются соглашения, и как раз экономический контроль мог бы оказаться здесь неовенно полезным. Не надо быть экономистом, чтобы понять, что чем больше страна тратит на оборону /и иснаждение/, тем она мощнее в военном отношении.

В-третьих, вопрос имеет громадное политическое значение, и для иллюстрации — два примера. В самом конце 40-х годов советский министр иностранных дел, проклято памяти Вышинский, произносил с трибуны ООН пламенные речи о миролюбивой сталинской внешней политике и заявлял, что удельный вес военных расходов в советском бюджете меньше, чем в

не может привыкнуть даже картонку покупать на валюту.

² Вот, например, в "Известиях" от 15 декабря 1977 г. можно прочитать, что за 1978 г., далеко не самый лучший год для советской экономики, превышение доходов бюджета над расходами составило пять с половиной миллиардов рублей.

³ Вот, вкратце, в нас представление, что основное занятие советологов — антисоветская пропаганда и, разумеется, все они находятся на содержа-

американском. Само по себе это утверждение было верно /я не о сталинской политике/, но Вышинский забывал при этом сказать, что американский бюджет, в отличие от советского, не имеет затрат на развитие экономики /они производятся фирмами и компаниями/, и коли это учесть, то картина будет иной, даже если поверить официальным советским данным о расходах на оборону. И ~~еще~~ уж тем более иной, если им не поверить.

Сравнительно недавно, опять-таки в ООН, на этот раз Громыко выступил с очередной мирной инициативой⁵. Давайте, дескать, договоримся, что все страны уменьшат свои военные расходы, скажем, на 10 %. Не правда ли, прекрасное предложение? Если вот так просто выступить против, то прослывешь агрессором и атом, как его, поджигателем войны. Заковка — предложение Громыки прекрасно, только если доверять официальным советским данным.

В-четвертых, вопрос, а вернее — ответ на него, весьма важен при обсуждениях в западных парламентах ассигнований на военные цели. В США теперь выделяется Пентагону много более 100 млрд. долларов в год, и в жарких дебатах "ястребов" и "голубей" очень полезно сопоставить эту фантастическую сумму с советскими военными затратами⁶.

Итак, надеюсь, важность определения действительных советских военных затрат очевидна; так почему же я утверждаю, что занимаюсь этим недостаточно и без большого успеха? Недостаточность видна из простого факта: при обилии западной литературы по советской экономике есть только одна недавно опубликованная книга на эту тему /воздержусь из вежливости от ее оценки/ и очень мало статей. Не надо думать, что это из-за секретности, ведь, скажем, открыто публикуются материалы дебатов в комиссиях и подкомиссиях конгресса с участием представителей военно-разведки и ЦРУ /помните, я обещал, что в моем рассказе будет фигурировать ЦРУ/, и мы об этом будем скоро говорить.

А неуспешность видна из того, что, как показывают эти материалы, специалисты сходятся лишь в одном: советские официальные публикации сильно занижают военные расходы — на сколько же именно, тут мнения сильно расходятся. Если же сказать это проще, то мы не знаем, сколько именно тратит СССР на военные цели.

По советским публикациям получается, что за последние 10 лет эти затраты составляют ежегодно одну и ту же сумму 17 млрд. р. в год. Поскольку общая сумма расходов всего бюджета непрерывно возрастает,

ниги у западных разведок. А мне довелось встретиться с несколькими советологами — убежденными социалистами. Один с гордостью говорил мне, что ездил в Чили консультировать Альенде. Недавно в Министерстве коммерции США я познакомился с советологом из... Венгрии. Он налаживал здесь деловые контакты, расспрашивал про наши работы, рассказывал о своих. Очень я сомневаюсь, что оба они "на службе западных разведок". И "анти-советской пропагандой" они отнюдь не занимаются.

⁴ Когда я покупал дом и просил у банка 50 тыс. долларов в долг, банк тщательно проверил мой доход и семейное положение, удостоверился в моей кредитоспособности. А вот СССР, почти требуя многомиллиардных креди-

удельный вес военных затрат снизился с 13 до 7 %. Соответственно меньший процент составляют они от национального дохода, что-то порядка 4 %. Что вызывает здесь подозрения? С одной стороны, представляется совершенно невероятным, что при таком небольшом проценте военных затрат, да еще при том, что общие объемы советской экономики значительно меньше американских, СССР вооружен теперь едва ли не лучше, чем Америка⁷. С другой стороны, непонятно, как сумма военных расходов остается стабильной, несмотря на то, что за это время, как известно, происходили циклы перевооружения. Более того, когда Хрущев объявил о сокращении военных расходов и в очередной публикации о бюджете это было продемонстрировано, именно в это самое время, по всем признакам, происходило очередное перевооружение — значит, реальные затраты должны были не снизиться, а возрасти. Есть и другие признаки искусственности этого показателя.

Долгое время экономисты ЦРУ утверждали, что реальные военные расходы СССР лишь не намного превышали официальные показатели и составляли к началу 70-х годов что-то порядка 25 млрд.р. А экономисты из Пентагона доказывали, что на самом деле их реальная величина намного больше. Правда, недавно ЦРУ сильно пересмотрело свои оценки, но расхождение все равно осталось⁸.

Подробное объяснение всего большого комплекса относящихся сюда вопросов потребовало бы чересчур много места и имеет слишком специальный характер, да я и не занимался профессионально этим. Поэтому — очень схематично.

В чем, собственно, трудности определения действительно величин советских военных расходов? Относительно людей под рублем /точнее — под автоматами, а еще точнее — под ракетами/ есть более или менее надежные оценки, и понятно, что содержание ракетного ядра обходится довольно дешево. Как мы все знаем, советский солдат одет просто /но без особого вкуса/, кормят его без затей, получает он какую-то мелочь на курево. Многочисленное офицерство довольно хорошо /по советским меркам/ оплачивается, но элементарными подсчетами можно показать, что содержание всего военного персонала /включая медицину, обучение и т.п./ обходится в сравнительно скромные суммы порядка нескольких миллиардов рублей в год. Так что не здесь основ-

тов, хочет, чтобы ему поверили на слово, что вот с экономикой все в порядке, что есть возможности кредиты отдать. К тому же за свой долг я плачу 9 с лишним процентов в год, банк вполне хорошо на мне зарабатывает, СССР же хочет много меньший процент.

5 Подобные вещи делаются теперь столь часто, что в газетно-политическом жаргоне слово "инициатива" стали употреблять во множественном числе.

6 Стоит оговорить, что непосредственное сравнение рублей с долларами практически невозможно, такие сравнения представляют собой отдельную и очень сложную проблему.

7 По этому поводу есть различные оценки, тем более, что соотношения

ная масса затрат, понятно, что в современных условиях они идут главным образом на вооружение.

Количество ракет и танков, подводных лодок и самолетов в западных странах известно, такие данные публикуются. Известно, сколько такого добра и у СССР, есть ведь спутники, и, кстати сказать, будь это не так, были бы невозможны соглашения об ограничении гонки вооружений. Загадка поэтому не в этих числах. Крайне сложно понять, сколько стоит производство каждой такой единицы, и, пожалуй, еще труднее определить, сколько стоят соответствующие научные и конструкторские работы, сколько затрачивается на производство и испытания экспериментальных образцов. И уж совсем трудно подсчитать расходы на создание современных систем обороны. Как же быть?

Один из возможных подходов основывается на вроде бы вполне естественном предположении, что затраты на оборону могут производиться только лишь за счет бюджета. Поэтому если публикуемые показатели расходов на оборону занижены, то тогда часть их запитана в других статьях бюджета. Значит, надо проанализировать бюджет и выделить то, что идет на мирные цели, а остальное и даст искомую величину. Так, собственно, и пытались сделать в течение многих лет, для чего и анализировали возможно более тщательно все имеющиеся данные о расходах советского государственного бюджета¹⁰. Однако при самом внимательном рассмотрении имеющихся данных /их очень немного/ оказывается, что в других статьях бюджета нет места для больших военных расходов. Очевидно, ясно, что ряд расходов бюджета /в частности, на науку и на народное хозяйство/ идет

неодинаковы по разным видам оружия, но в целом почти все специалисты сходятся /это видно по печати/, что военная мощь двух сверхдержав примерно одинакова.

8. В июне 1977 г. на одном из слушаний в сенате директор ЦРУ адмирал Тэрнер говорил, что советские военные расходы должны теперь быть порядка 50-60 млрд. р. в год. Шеф военной разведки генерал Вильсон, ссылаясь, в частности, на пекинскую газету, утверждал, что эти расходы должны быть порядка 60-70 млрд. р. - Hearings before the subcommittee on Priorities and Economy in Government of the Joint Economic Committee. Congress of the United States. Ninety-fifth Congress. First session. Part 3. June 23 and 30, and July 6, 1977.

9. Я все время отвлекаюсь, но тут действительно важный момент. Помню, еще в Москве мы ясно осознавали, что разрядка необходима СССР экономически, что продолжение гонки вооружений оставит страну без штанов. После известных вояжей мистера Никсендгера кое-какие соглашения были достигнуты, но СССР наращивает производство вооружений, которые этими соглашениями не охвачены. Выходит, что СССР не воспользовался возможными средствами уменьшить бремя вооружений? Как мне кажется /точно я знать не могу/, объяснение таково. Благодаря разрядке СССР избежал необходимости истратиться вразг на создание средств защиты, а вот на производство средств нападения нужны относительно меньшие средства, и это ему пока еще под силу.

не только на мирные цели^{II}; но, повторяю, обнаруживается здесь не так много, чтобы все объяснить. Как я понимаю, именно на этом в известной мере основывались ранее довольно скромные оценки ЦРУ общей величины военных расходов.

При анализе бюджета не получается также вот что. Я уже сказал выше, что реально военные расходы должны "скакать" по годам в соответствии с циклами перевооружения. Так как официальные данные остаются на протяжении длительного времени стабильными, то приходится думать о какой-то регулирующей части, но в других местах бюджета не просматривается такая регулирующая часть.

Итак, по бюджету вроде бы не получается, что СССР тратит много на войну. Между тем, читатели этого журнала не надо убеждать в том, что СССР тратит чудовищно много на военные цели. Все мы, бывшие и не бывшие советские граждане, хорошо знаем, что крупнейшие и лучшие предприятия находятся за высокими заборами, увенчанными колючкой, знаем, как много ученых и инженеров работают в научно-конструкторских ящиках. Поэтому для и моя, и других недавних эмигрантов реакция на западные оценки советских военных расходов была вполне критической — нам представлялось очевидным, что даже низвершие из них были занижены.

В 1975 г. мы обсудили проблему с другим бывшим советским экономистом, а теперь профессором Пенсильванского университета А. Канцеллинбойеном и рассмотрели, в частности, такую гипотезу. Разгадка должна заключаться в том, что реальная величина всех расходов бюджета больше, чем публикуется, и вот это самое "больше" и составляет регулируемую часть, идет на покрытие дополнительных затрат на военные цели. Что же, гипотеза неплохая, и у нее есть только одно "но" — надо при этом указать, откуда же бюджет берет дополнительные средства. Допустим, что, так сказать, нигде, что советский бюджет является на самом деле дефицитным, то есть тратит больше, чем на самом деле получает. И такая гипотеза вполне допустима, однако она противоречит всем официальным публикациям, которые говорят, что — Помилосе вопрос физика в начале? — каждый год бюджет сводится с превышением доходов над расходами, бюджет, так сказать, дает прибыль.

Продвигу скептическую улыбку просвещенного читателя: вы что, всерьез доверяете советским публикациям? Ясно ведь, что они бессовестно врут. Позвольте не согласиться. И не собираюсь здесь обсуждать моральный облик советских экономистов /хотя должен сказать, что знал среди них весьма достойных людей/, я не писатель, а экономист. И

IO Разумеется, определение величины военных расходов — лишь одна из целей анализа бюджета, который необходим практически для любых исследований советской экономики.

II По оценкам западных специалистов, никак не менее половины всех советских научных исследований связаны с военными задачами. Что же касается затрат на народное хозяйство, то именно за их счет строится

Вот как раз будучи экономистом, думаю, что все это немного сложнее. Прежде всего официальные советские публикации предназначены не для советологов и не для скептических читателей этого журнала, а для самих советских экономистов. Если снабжать их заведомо ложными данными, то как они вообще смогут расчитать, что за польза будет от их стараний? Задумаемся также над тем, что если бы это действительно было так, то в секретную деятельность по злонамеренному искажению экономических показателей пришлось бы вовлечь слишком много людей, и тайна обязательно просочилась бы. Да ведь надо и объяснить тем, кто в этом участвовал бы, для чего все делается. К примеру, каждый год более тысячи депутатов Верховного Совета СССР получают на руки довольно подробные материалы о бюджете. Именно потому, что они более подробные, чем официально публикуемые данные, в них, видно, есть всякое не для нашего сведения. Но крайне невероятно, что в этих материалах есть нечто такое, что на завтра во всех газетах сообщается совсем наоборот. И последнее. Как известно, если уж врать, то последовательно, иначе сразу поймают. В экономике все показатели так тесно связаны друг с другом, что если, исказив один показатель, не тронуть другие, то все сразу разлезется, и вранье вылезет наружу.

Всем этим я отнюдь не хочу сказать, что мы должны слепо верить советской статистике, видели мы в ней и видим и непоследовательности, и достаточно грубое вранье. Так, явно ложны показатели темпов развития экономики¹², а также показатели изменения цен¹³. Однако все же главным образом применяется ложь умолчанием¹⁴, а также, так сказать, ложь методологическая¹⁵. Поэтому мы, советологи, видим массу дыр в советской статистике, которые приходится заполнять /таким образом, нам есть чем заниматься/, причем для заполнения этих дыр применяем прежде всего всякого рода сопоставительный анализ.

Да, так вот порассуждали мы тогда с Каценелинбогеном на эту тему.... и оставили ее, ибо сразу ничего не получилось, а ни ему, ни мне за исследование советских военных расходов никто денег не платил и не платит¹⁶, живем же мы в так называемом капиталистическом обществе, и здесь не как в СССР, где наука есть, по известному определению, способ удовлетворения собственного любопытства за государственный счет.

новые предприятия по производству военной техники и реконструируются старые.

¹² Впрочем, за последние годы показатели темпов развития стали весьма низкими, так что если они теперь и врут, то не очень.

¹³ Достаточно сказать, что, по официальным данным, в 1976 г. розничные цены были чуть-чуть меньше, чем в 1965. Это такое очевидное вранье, что даже не хочется это обсуждать.

¹⁴ Так, не публикуются данные о производстве водки и о затратах на космические исследования, о числе несчастных случаев и пожаров, о за-

Прошло какое-то время, и мне довелось прочитать очень интересную публикацию ЦРУ о советской экономике¹⁷. Я обратил там внимание на то, что уже давно я тригует западных специалистов, а сам я раньше как-то упустил из виду. Дело в том, что во всех советских публикациях как расходы, так и доходы бюджета немного распырываются. Если просуммировать по этим распыркам доходы как от населения, так и от государственных предприятий, то остается громадный и все возрастающий разрыв /я уже отметил, что это обычный прием для советской статистики/, который никак не удается объяснить. Не утомляя читателя излишними подробностями, просто скажу, что, например, для 1976 г. этот разрыв, то есть, иначе говоря, какие-то таинственные доходы бюджета, составляет ни много ни мало, а 50 млрд. р. Громадная сумма - она равна примерно четверти всех расходов бюджета, она почти в три раза больше всех прямых налогов, собираемых с населения¹⁸, она в три раза больше официальных затрат на оборону¹⁹. Из чего же она состоит?

Меня заинтересовала вот эта тайна советского бюджета. Пришлось подумать, почитать советскую литературу, посчитать, и в результате я написал доклад для Министерства коммерции США. Оказалось, что вот эта тайна связана с тайной военных расходов. Но прежде чем рассказать обо всем этом, еще раз отвлечемся в сторону.

Вашингтон, где я работаю, - настоящий космополитический город, кого только здесь не встретишь. И недавно я встретил одного советского экономиста. "Послушайте, господин Бирман, - сказал он /не могу объяснить почему, но "господин" меня несколько коробит, а вот "мистер" вполне устраивает/, - не возникал ли перед вами /раньше мы были на ты/ аттический вопрос - пристойны ли ваши занятия здесь? Ведь объективно они направлены против страны, где вы родились, получили образование, прожили столько лет. Как это вы стали советологом?" Такой вот вопрос. Да, он передо мной возникал, не мог не возникнуть, и у меня есть ответ.

Вообще говоря, можно было бы ограничиться ссылкой на Эйштейна, без письма которого Рузвельту не начался бы Манхэттенский проект. Эйштейн, простите за напоминание, родился и учился в Германии, а бомба первоначально предназначалась не для Японии. Или можно было бы вспомнить известное стихотворение Олега Чухонцева, где он объясняет, что Иван вынудил Курбского на союз с врагами России. Недо ли разъяснять, что смысл этих примеров - различие между страной и господствующим в ней режимом. Но можно и без примеров.

траты на содержание МВД и КГБ - список этот бесконечен.

¹⁵ Самый распространенный прием вообще не объяснить методологию - догадаться, мол, сама. В о многих случаях за этим скрывается нечто, что иначе пришлось бы признавать. Самый, пожалуй, известный случай, когда еще при Сталине пуликовали показатели объема урожая /не объясняя это/ "на

Рассуждая как экономист, ~~вышедший~~ я не думаю, что задолжал что-то этой великой и несчастной стране. И родители мои работали на совесть всю жизнь, но капиталов не нажили. Да и я не только учился и, верно, не очень уж бесполезно работал, если дважды выдвигали меня на государственную премию и если до сих пор иногда итируют мои книги. А вот взял с собой лишь книги, да и те не все разрешили взять. Перед великой же страной, где я живу теперь, страной, которую отнюдь не идеализирую, но из которой по доброму воле не эмигрирую, страной, где учатся трое моих детей, я, пожалуй, действительно в долгу: мой достаток, счастье моих детей — это в известном смысле аванс.

Рассуждая же чисто этически, я тоже многое могу сказать. И что космополитизм — символ веры многих. И что не привез я сюда в тайниках своей памяти какие-то доверенные мне секреты. И что работаю я не та-ясь, мне нечего скрывать и нечего стыдиться. И что раскрываю я сакральные тайны советского режима по советской же литературе. И что, тут я отнюдь не шучу, пора нам поговорить про смертоубийство, как бы-ло в начале обещано. Ибо если советские правители будут и дальше в тайне не тольк о от ЦРУ, но и от собственного народа длить гонку во-оружений, производить вместо масла, мяса и картошки пушки и бомбы, то не миновать смертоубийства всего человечества. К чертовой матери все эти секреты! Чем могу, помогу человечеству, а тем самым и стране, где родился, но где отчаялся в надеждах, а потому и уехал навсегда. Вот так, господин советский экономист.

И еще одно. Пару лет назад в "Вашингтон пост" появилась статья очень известного и вроде бы серьезного журналиста Джозефа Олсона. В ней о самым серьезным видом рассказывается такая захватывающая дух и поразжающая воображение история. Оказывается, на Западе незадолго до того появился какой-то бывший сотрудник Госплана. Он обладает фотографическо-ю памятью /ну, чем вам не Джеймс Бонд или майор Пронин?/ и как-то случайно /?/ видел в Госплане военный бюджет. Разумеется, им сразу же заинтересовались "специальные службы". Доставили милого друга в Вашингтон и долго его там расс- /до- / прашивали. Сначала ему не понрави-ли и испытатели на детекторе лжи. Провалился. Потом конкурирующая с ЦРУ разведка узнала про все это, и ее тогдашний шеф лично беседо-вал с ним. Его опять испытатели на детекторе лжи, и дальше все примерно

орню", а не "в амбарах". Во многих случаях публикуются показатели с разрывами, то есть сложение частей не дает целого, а что в разрыве — не говорится.

Рассуждая по шаблонам советской пропаганды, концерны по производст-ву оружия — "продавцы смерти" — должны быть донельзя заинтересованы в показателях больших советских военных расходов, дабы влиять по-мощью ассигнований из собственных парламентов. Оказывается, что и в этом шаблоне советской пропаганды негожи.

Central Intelligence Agency. "USSR: Gross National Product Accounts, 1970". November 1975.

В таком же духе.

К чему я все это рассказываю? Отнюдь не из черной зависти к Джозефу Олсопу, чай, детектив куда занимательнее моего. Вот обещаю вам в начале шмюна — пожалуйста, получите. Ну, а если серьезно, то эта история поучительна в двух отношениях. Во-первых, как я думаю, "военного бюджета СССР" не существует в природе, он там никому не нужен. Затраты на оборону слагаются из множества затрат многих ведомств, и вряд ли произойдет суммирование всех этих затрат, что уже само по себе чрезвычайно усложняет нашу задачу. Во-вторых, что еще более важно, допустим даже, что такой бюджет есть и "наш человек в Москве" сумел заглянуть однажды в него. Разумеется, какие-то конкретные числа там неинтересны, но ведь на следующий год они изменятся, и что делать тогда? Как я понимаю проблему /кстати сказать, не только проблему действительной величины советских военных затрат/, нам в первую голову нужны не числа, а методология, а уж зная ее, зная конкретные финансово-экономические механизмы, мы уж как-нибудь вычислим числа, и не понадобится прибегать к детекторам лжи и прочим детективным аксессуарам.

Поэтому, кстати сказать, по-моему, нет на Западе людей специально занимающихся военными расходами /может быть, кто-то и есть, но они мне неизвестны/, мы все в меру наших сил и умения изучаем состояние советской экономики и ее перспективы, изучаем различные экономические механизмы и в результате можем ответить и на вопрос о перспективах советского экспорта, и на вопрос об экономическом неравенстве различных советских республик, и — может быть, не слишком уверенно — о величине военных затрат. А начав заниматься описанной выше тайной доходов бюджета, я и не думал, что она окажется связанной с военными затратами.

Так вот, мы остановились на том, что в 1976 г. какие-то неизвестные доходы бюджета составили 50 млрд. р. Покопавшись в различных справочниках и в специальной литературе, я нашел примерно 9 млрд. р. доходов, которые собираются республиканскими бюджетами: различные арендные доходы, местные сборы и многое другое. Среди них, заметим это, остатки бюджетных средств, то есть деньги, которые были выделены, но по каким-то причинам не израсходованы, эти остатки обращаются в доходы бюджета следующего года.

18. Сумма косвенных налогов с населения /так называемый налог с оборота/ значительно больше прямых налогов, теперь порядка 70 млрд. р. в год.

19. Я избегаю здесь формальных ссылок на советскую литературу, но практически все используемые мною показатели /кроме специально оговоренных/ есть в статистических справочниках.

Далее. Я уже вскользь заметил выше, что советский рубль не конвертируется, то есть не имеет международного хождения. У советских властей есть для этого вполне серьезные причины, и одна из них непосредственно относится к нашей теме — благодаря изолированности рубля удается держать в стране совершенно отличное от других стран соотношение цен на разные товары. Дешевы книги /в обложках!/, бензин /даже после недавнего подорожания/, общественный транспорт, жилище, зато дико дороги одежда и обувь, курево, апельсины, так называемые предметы длительного пользования /например, автомашины/ и т.д. В результате государство может покупать на международном рынке то, что там дешево, но зато дорого внутри страны, и здорово зарабатывать на разнице в ценах. На советском юридическом языке эта операция именуется спекуляцией и уголовно наказуема. Но то, за что преследуются советские граждане, о большой охотой и не меньшей выгодой делает государство.

Сам по себе этот факт довольно широко известен среди специалистов неизвестны лишь числа, ибо многое в статистике внешней торговли — тот секрет. Все же, используя ту статистику, которая доступна, а также некоторые подсчеты западных специалистов /в особенности Б.Костински и В.Тремля/, я вычислил, что, постепенно возрастая, этот заработок достиг середины 70-х годов 20 млрд.р. /в сравнительно недавней статье министра финансов Гарбузова эта моя оценка косвенно подтверждена/. Именно такую сумму советские финансисты зачисляют теперь в доходы бюджета. Итого из таинственных 50 млрд.р. остается теперь "только" 21 млрд.

Любому внимательному наблюдателю и, прежде всего, советским людям, которым поневоле приходится наблюдать очень внимательно, очевидно, ясно, что в стране растут цены и происходит инфляция. Словарь говорит, что "инфляция — это чрезмерное увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, вызывающее их обесценение". В советских официальных публикациях, разумеется, об этом нет ни словечка /они прикрывают тут ложью умолчанием/, но ясно, что инфляция происходит. Не совсем ясно лишь, в каких именно размерах и что это даст режиму. Однако если немного подумать и кое-что посчитать, что я в меру моих сил и сделал²⁰, то приходишь к ряду интересных заключений. Прежде всего мне удалось примерно определить, так сказать, размеры инфляции. По самым скромным оценкам, за последние лет 15 в обращение было выпущено миллиардов на 50 больше денег, чем это на самом деле нужно. Эти деньги население вынуждено было накопить, так как истратить их нет возможности: в стране не хватает товаров. Нужно сказать, что это лишь часть общих

20 Мне очень помогли в этом профессор Вирджинского университета Гертрауд Лрудер и скончавшийся в 1978 г. один из виднейших специалистов по советской экономике Раш Гринслед.

15
денежных накоплений населения, дополнительно теперь примерно 130 млрд.р. во вкладах в сберкассы, 5 млрд.р. в облигациях "старых займов", выплаты по которым недавно начались /разумеется, без процентов/. Поскольку основная масса денег, которыми располагает население, предназначена для покупок различных товаров и услуг у государства, мы можем сказать, что внутренний государственный долг составляет теперь, грубо говоря, 200 млрд.р. Чтобы понять, что это значит, достаточно сказать, что население может 8 месяцев не работать, ибо сбережения как раз равны 8-месячному заработку. Или можно указать, что накопления в три с половиной раза больше всех запасов потребительских товаров в торговле и на складах в промышленности. Если /когда/ население захочет истратить, скажем, половину денег, произойдет неминуемая катастрофа. Последствия таких чрезмерных накоплений многообразны, а с точки зрения людей теми они таковы: как мне удалось доказать, дополнительный выпуск денег в обращение обращается в доход бюджета, работа печатных станков монетных дворов Госзнака дает бюджету 3-5 млрд.р. ежегодно, если не больше. Итак, еще 3-5 миллиардов рублей, но это не 20, которые мы ищем. Сейчас найдем.

Это движение наличности представляет собой лишь относительно небольшую часть общего денежного оборота страны. Более девяти десятых его происходит не между государством и населением, а между государством и предприятиями и последним между собой. Этот оборот называется "безналичным", так как деньги, наличность как таковая, в нем не используются: передача средств происходит путем бухгалтерских записей с участием банка. По своей глубокой сути безналичный оборот — это не просто формальные записи, пользя, чтобы просто так банк выдал на какие-то нужды несколько миллиардов рублей; если делать это без счета, без соблюдения некоторых важных балансовых соотношений, наступят весьма неприятные экономические последствия. Более точно говоря, как в наличном обороте при эмиссии денег неизбежно наступает инфляция, точно так же и в безналичном обороте происходит нечто вроде инфляции. Если сказать это очень просто — банк не может /не должен/ выдавать больше денег, чем у него есть. Не может, но есть одно исключение — банк может дать деньги, так сказать, авансом, в кредит, рассчитывая на будущие поступления. Именно такой тип финансовых отношений развивается очень быстро: за последние лет пятнадцать общая сумма выданных банками кредитов возросла в 5 раз.

Само по себе кредитование вполне нормально, вся мировая экономика держится на кредите. Одна финансовая акула с Уолл-стрит как-то сказал /ничего не могу поделать здесь с грамматикой/ мне: "Мы, банкиры, отличаемся от остальных торговцев только одним — мы продаем деньги, именно деньги, предоставляемые в кредит, составляют наш товар". Однако для советской экономики примечательно, что общая сумма выданных кре-

16
 дитов, ~~попрощившись~~ то есть задолженность предприятий банку достигла немислимой суммы более 250 млрд.р. Сколько кредитов может выдать вот эта самая акула? Не больше, чем она имеет средств. А вот для советских фиансистов даже теоретически неясен вопрос о пределах кредитования /это хорошо видно по литературе/, а коли так, их можно выдавать /и их выдают! / чуть ли не сколько хочется²¹.

Уже само по себе данное обстоятельство — резкое, малоконтролируемое возрастание сумм кредитов, а значит, и излишнее количество денег, серьезно расстроило безналичное денежное обращение, а значит, всю экономическую жизнь страны, но и этого оказывается мало. Не только предприятия получают все больше кредитов от банка. Мой анализ почти документально доказывает, что еще с предвоенного времени государственной бюджет получает в возрастающих размерах от банка нечто вроде кредитов /или займов/, и именно этот кредит и составляет тот самый, таинственный доход бюджета, о котором мы рассуждаем. Для 1976 г. это составляет, грубо говоря, 15 млрд.р.

Вот, собственно, и вся тайна, и, если бы это была экономическая статья для экономистов, на том следовало бы и кончить, а так, для читателей, которые не занимаются профессионально советской экономикой финансами, нужен ряд пояснений и объяснений²².

Прежде всего пора теперь ответить на вопрос знакомого физика — напомню читателю, что он не понимал, зачем ежегодно доходы бюджета превышают его расходы. Правильно не понимал, такого превышения нет в природе. На самом деле таким превышением объявляются суммы, которые были выделены, но по каким-то причинам не истрачены /я говорил об этом немного выше относительно республиканских бюджетов/. Однако ежегодно выделяется /предназначается для расходов/ больше средств, чем имеется доходов, и даже с учетом вот этих остатков фактические расходы бюджета всегда больше его фактических доходов. Иначе говоря, советский государственный бюджет постоянно дефицитен, причем размеры дефицита постоянно возрастают. А то, что дефицит покрывается /пожалуй, тут лучше сказать "оформляется" / кредитами банка, не имеет большого значения. Практически такое же значение имеют и кредиты предприятиям, о которых я говорил немного выше, и можно сказать, что не только государственный бюджет, но и финансовая система в целом являются дефицитными, тратят больше, чем имеют.

²¹ Речь не о сумме кредитов для каждого отдельного предприятия, здесь есть довольно строгие лимиты, а об общей сумме всех кредитов всем предприятиям.

²² Мне также стала понятной еще одна вещь. В 60-х годах мне довелось пару раз встретиться с А.Г.Зверевым — министр финансов в течение 20 лет, начиная с конца 30-х годов, — и я поразился его интеллектуальности и профессиональному убожеству. Как же тогда такая карьера? По всей видимости, именно он предложил /уверен, по подсказке/ вот этот трюк, и он оказался успешным. Впрочем, действительно ли успешным?

Надо сказать, что дефицитность бюджета в некоторые периоды, на ограниченный срок, в строго дозированной мере вполне допустима, и в бедном к этому средству прибегают и западные государства. Однако здесь нарушены вот эти самые дозировки, советский бюджет хронически дефицитен, и дефицит /вместе с кредитами предприятиям/ превзошел допустимые по любым меркам размеры. Последствия очевидны. Описание экономической ситуации в стране не входит здесь в мою задачу, но ясно видно, как все более нарастают трудности, что Россия не может теперь обойтись без ввоза зерна, что все более низкими становятся темпы развития промышленности — некогда гордость советских правителей, — что все более кризисна ситуация с транспортом, топливом и т.д. Решающее значение имеет то, что все более разительным становится разрыв между тем уровнем жизни, который могли бы обеспечить современная техника и неисчислимые природные богатства страны, и реальным жизненным уровнем советского населения. Можно сказать, что тяжелая финансовая ситуация в СССР есть следствие серьезных экономических неудач, а с другой стороны, полное расстройство финансовой системы, громадный государственный долг²³ делают экономическое положение еще хуже. Коренные недостатки советской системы хозяйствования проявляются все более зримо и неизбежно ведут, если не бояться точных наименований, к катастрофическим последствиям. Да ведь и известно такое точное наименование для явления, когда тратишь больше, чем имеешь /зарабатываешь/: и не в экономическом, и не повседневном языке это именуется банкротством.

Мне можно возразить, указав на дефицит западных бюджетов и инфляцию, — живут ведь здесь как-то. Верно, живут, но не так, как хотелось бы, и никто не считает ни инфляцию, ни чрезмерный бюджетный дефицит злом. А после крайне трудной ситуации, возникшей недавно из-за резкого роста мировых цен на нефть, опасность была вполне осознана, и инфляция начала уменьшаться. Хочу это подчеркнуть — по мнению большинства специалистов, именно рост цен на нефть, а не какие-то структурные причины вызвал инфляцию, а вслед за ней и депрессию. А в СССР прямо противоположная ситуация, советская экономика лишь выиграла от роста мировых цен на нефть, и в то же время инфляция возрастает. Значит, дело здесь не во временных, а в постоянных, глубинных причинах.

Но вернемся к военным расходам. Напомним, мы уперлись в то, что в бюджете оказалось слишком мало места для них, поскольку мы считали, что не должно быть военных расходов вне бюджета. Давайте взглянем теперь на проблему шире. Как мы выяснили, расходы бюджета не лимитиру-

23 В дополнение к внутреннему долгу, страна в долгу как в шелку и во внешней торговле.

ются реальными доходами, систематически тратится больше, в доходы бюджета простым росчерком пера записывается 15 млрд. р. Улавливаете? Если это так, то никто не мешает советским правителям делить этот сумасшедший росчерк на значительную сумму, производить расходы на военные цели сверх бюджета и не покрывать их какими-то реальными доходами.

Иначе говоря, в подсчетах военных затрат мы можем и должны уйти от предпосылки об их ограничении более или менее узкими рамками бюджета, и в принципе наши полуинтуитивные /это не значит, что они неверны/ представления о затрате чудовищных сил и средств не противоречат теперь расчетам, основанным на данных о бюджете. Разумеется, от этого далеко еще до точного определения суммы таких трат, но мы можем двигаться дальше, освободив себя от данного ограничения.

Я назвал мой рассказ экономическим детективом и обращал по ходу рассказа внимание читателей на его обязательные атрибуты. Все же главный атрибут детектива — преступление и его раскрытие. Преступление nämlich — за счет постыдно низкого уровня жизни советских людей их правители тратят на военные цели колоссальные средства, разрушая экономику страны, угрожая миру на планете. Раскрыть это преступление в полном его объеме — необходимый шаг для торжества справедливости, для возмездия.

II примечание к статье И. Бирмана:

Статья перепечатана из журнала "Континент".

Б.Д. ГРУШКУС

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОЕ

I. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода — утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать неск. олько резким; можно указать на учение элементы в т. наз. утопическом социализме и ненаучные — в т. наз. научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего политического деятеля и мыслителя социализма — Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении; и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы уверовавших в его блага небольших общественных групп, которые своей вдохновенной деятельностью увлекут все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя — социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а проявление сознания и организацию пролетариата, как класса, призванного в определенный момент социально-экономической эволюции — в момент конечного кризиса капитализма — взять в свои руки перестройку всего общества в целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание главным образом на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предвещала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно также не уделяли последней заглаве своего внимания. Даже такой разносторонний и исключительно плодотворный писатель как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе остался бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма, Н. Бухарин, в своей "экономике переходного времени" ограничился утверждением старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм как положительное учение, то она принадлежит покойному М. И. Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя назвать ортодоксальным марксистом. Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал.

Между тем от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцип эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К. Каутским и В. И. Лениным о том, предусматривает ли Маркс превращение капиталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, состоящегося из ряда частичных реформ, как полагает первый, или в форме одновременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В. И. Ленина. Да и сам Каутский еще не так давно, когда он писал свою брошюру "На другой день после социальной революции", держался той же точки зрения. Признанная Марксом диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют совершившиеся вследствие накопления количественных изменений качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Прямая эта аналогия и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок рождается только тогда, когда все его органы уже чреве матери уже сформировались; тем не менее его рождение не есть только механический акт, — он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброшенного на свет Божий существа. Для жизни в новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания, и эти акты возникают инстинктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Иску-

щий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инстинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами.

Если капиталистическое общество, которое предоставляет личной инициативе граждан удовлетворение важнейших его нужд и ограничивает функции государства некоторым регулированием хозяйственной деятельности своих граждан, создало науку экономической политики, то во сколько же раз такая наука более необходима социалистическому обществу, в котором деятельность государства и бесконечно более ответственна, и бесконечно более многообразна, и бесконечно более сложна!..

Тот факт, что социализм как положительное учение остался в марксизме неразработанным, мы не можем себе объяснить только тем, что у марксистов не было смелости братья за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самим Марксом. Для практической задачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь, — для организации единого интернационального рабочего движения — углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для того чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитализма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих заглаживающих контурах. Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, и вопрос о социальном перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались неподготовленными, не может не иметь отрицательных последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда в связи с последствиями несбывшей по своей разрушительной силе мировой войны вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной и капитализм переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социалистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманентной оппозиции к власти. И вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европейского социализма, в полном сознании тяжелой ответственности перед руководимым им рабочим классом, уже не решаются призывать их к социальной революции. У них ослабела вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые недуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянном опасении окончательной дезорганизации и без того расстроенной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть, русские социалисты, будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, после социального переворота вынуждены

переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда, ввиду совершенно критического положения народного хозяйства, следовало бы действовать наверняка.

Принимая во внимание столь важные отрицательные последствия отсутствия разработанной теории народного хозяйства применительно к условиям социалистического строя, приходится, конечно, признать, что этот факт не есть какая-то случайность. Очевидно, должны быть глубокие причины этого замечательного явления. Они выяснятся в дальнейшем нашем изложении...

Марксизм не разработал теории социалистического хозяйства, но он определил его основные принципы как вытекающие частью из того, что социализм должен возникнуть путем трансформации капитализма, частью из того, что они являются постулатами класса, организующего социализм, — промышленного пролетариата.

Марксистский социализм прежде всего не является социализмом мелких общин, это социализм в крупном масштабе — государственный, национальный. Он отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства, как регуляторы распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства с точки зрения марксизма является несостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает "анархию капиталистического производства", неизбежно приводящую к периодическим кризисам. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении с капитализмом, социализм является высшей формой хозяйственной организованности. Социализм ведет хозяйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобно рыночным ценам и другим категориям капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме — в форме затрат труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд, и только труд, обладает силой ценности образующей ценность в капиталистическом обществе, — так утверждает Маркс в 1-ом томе "Капитала"; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот.

Таковы руководящие идеи марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства. Удается ли нам решить задачу теоретического конструирования социалистического хозяйства — покажет наше дальнейшее изложение, но во всяком случае соответствующая работа имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистического хозяйства. Исследование проблем социалистического хозяйства

даст нам надобно, осветить с новых точек зрения проблемы капиталистического хозяйства.

П. Хозяйственный принцип и социализм

Едва ли какой-либо экономист решится оспорить то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального, капиталистического или же социалистического хозяйства, должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами. Недаром этот принцип считается ^{конститутивным} хозяйственную деятельность, отличающим ее от всякой иной деятельности человека. Надо только догадаться, что принцип этот в социализме должен проявиться в своеобразных для него формах.

В натуральном хозяйстве механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшое количество лиц, тесно связанных между собой узами кровного родства и совместной жизни, они же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами, преимущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими же трудящимися и их близкими. Небольшие размеры и полная обзорность всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия.

В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов, пользуется естественными силами, к которым приходится устанавливать совсем не то отношение, какое устанавливается в натуральном хозяйстве. Тем не менее и здесь при чрезвычайно более сложном хозяйственном процессе устанавливается соответствие между затратами и результатами производства, выражаемое даже отчетливее и последовательнее, чем в натуральном хозяйстве. Все элементы производства: труд, материалы, машины, пропит и капитал, оценка оценена обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства; он получает свою отставку безжалостно и безотговорочно, ибо и она дается в стихийном процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему как предпринимателю предъявляет общество, он не сумел так комбинировать элементы производства, чтобы они окупались в рыночной цене произведенного с их помощью продукта. Зато некое капиталистическое общество не оценивает своими мерами так обильно, ни теня науки, ни теня искусства, как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя бы самым общими потребностями общества. Благодаря этому предприниматель

тель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства. Одних он заинтересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дисциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принцип в расчлененном на классы и имущественные группы капиталистическом обществе.

Какими же путями хозяйственный принцип может быть осуществлен в социалистическом обществе? Социалистическое общество в отличие от капиталистического не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Лица, возглавляющие социалистические предприятия, материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Не они платят за использованные в производстве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом.

Но будем далее останавливаться на тех трудностях субъективного порядка, которые, в связи с этим, встречает строительство социализма, ибо исследование субъективных элементов хозяйственной деятельности есть задача самая трудная, и результаты такого исследования будут всегда вызывать споры. Мы сделаем лишь объективный вывод, который из сказанного становится очевидным: соотношение субъективных и объективных элементов в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом. Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него, он будет работать вслепую. Но перед народным хозяйством его ответственность этим несколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке, и все у него принимается обществом по оценке. "И не увидит он от суда мирского..." За растрату производительных сил он ответит своим достоинством и своим общественным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащего учета и расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощением, и из того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болят. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России, параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отрицанию рынка и денежной сис-

теми. Уже в упомянутом труде Н. Бухарина "Экономия железнодорожного транспорта" на примере железнодорожного транспорта убедительно доказывается, что честный учет, проводимый старыми методами, который всякий смысл. Однако это обстоятельство, по-видимому, не вызвало никакой тревоги в духе теоретика социализма. Н. Бухарин сознает необходимость какой-то другой системы учета, но не останавливается на выяснении ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое большое место нашего социалистического хозяйства. Мы получаем молоко, выжимаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выжатка хлеба, починка вагонов, перевозка угля. Такое положение вещей должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к изъ и привело.

Государство, лишенное прежнего денежного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношении оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался массовый контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материалов, машин, инвентаря. Нагромождалась ревизия на ревизии, и устанавливалось уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства никоим образом не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершенно не имеет того решающего значения, которое имел денежный учет. К огорчению моралистов приходится даже сказать, что честность руководителей предприятия, которую такой учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народного хозяйства от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой. Все зависит от удачной или неудачной организации производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так далеко вести хозяйство нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в денежном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходящих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжелого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистического хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Нам интересно разрешение проблемы хозяйственного учета, именно, в пределах марксистского социализма.

Н. Бухарин, констатируя строение старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А. В. Чаянов^{1/}. Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий.

^{1/} Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии. В. 2, М., 1921.

тей социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 ед. труда, 90,0 ед. продовольствия, 8,6 ед. земли, 0,0 ед. тяги, 25,0 ед. построек, 0,4 ед. инвентаря, 1,0 ед. материалов, 0,03 топлива. Для того чтобы получить ту достаточно сложную формулу, А.В.Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, что все эти единицы совершенно условны, если не сказать произвольны. Если же они имеют какое-нибудь реальное значение, то лишь постольку поскольку они произведены путем какого-то общего принципа оценки, которого автору не удалось сформулировать. Далее, если глава совхозов получит результаты лишь в указанной форме, то ему с этими сводками нечего будет делать. Если же все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец, назвать.

Неудивительно, что опыт А.В.Чаянова не имел успеха. С.Струмелин и Е.Варга, которые на страницах "Экономич. жизни" подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А.В.Чаянова и оба пришли к заключению, что подобно тому как капиталистическое хозяйство имеет в рублях единицу для измерения всех ценностей, существующих в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. С этим нельзя не согласиться: без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование и при каком социально-экономическом строе невозможно. И в полном согласии с принципами марксизма Е.Варга и С.Струмелин признали, что труд должен явиться мерилом ценности. Если и в капиталистическом обществе, по Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их рыночной ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме концепций экономической действительности.

III. Проблема трудового учета в социалистическом хозяйстве

Попытаемся себе представить учет трудовой стоимости продуктов.

Мерилом количества труда является в немем социалистическом обществе время. Однако и в социалистическом обществе невозможно отвлечься от такого основного свойства труда как его производительность. Нельзя же измерять труд по количеству времени, которое рабочий провел на заводе, в мастерской или хотя бы даже за станком! Даже наше социалистическое государство, глубоко проникнутое эгалитарными настроениями, вынуждено было от этого отступить, вводя премиальную оплату труда. Таким образом,

учетной единицей становится не просто рабочее время, напр. рабочий день, а рабочий день определенной производительности, условно признанной в качестве нормальной. Эта производительность выразится в определенном количестве выделанных продуктов — распиленных бревен, обструганных досок, выточенных подшипников и т.д. Так как даже в отдельном предприятии, производящем определенные продукты, применяется труд различных специалистов, и каждый из них может производить различные работы, то придется, конечно, весьма условно, приравнять между собой различные нормальные рабочие дни для всех многообразных форм труда. Но в пределах каждого данного производства применяются и труд разной квалификации, — низшей и высшей. Наряду с трудом, не требующим большой выучки и изобретения у общества в изобилии, приходится пользоваться трудом, требующим долголетней выучки, и иногда даже и некоторого дарования или хотя бы естественного предрасположения. Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве и которым оно не может не дорожить, мы засчитаем врасход день за день — по такой же норме, как труд неквалифицированный? Как бы сильны ни были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также найдем указание, что единицу времени такого труда высшей квалификации надо приравнять к единице времени труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно мы стали бы искать способа определения этих коэффициентов у Маркса. Обычно для этого предлагают сравнить стоимость воспитания простого и квалифицированного рабочего. Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Если же высшая квалификация обусловлена природными дарованиями, хотя бы и не какого-либо исключительного свойства, то указанный метод совсем неприменим. Очевидно, что коэффициенты всегда будут весьма условны, если не произвольны.

Так как каждое производство пользуется материалами и орудиями, полученными извне, то очевидно, что ни одно производство не может быть учтено, если одновременно не будет произведен учет трудовых затрат на всем протяжении народного хозяйства, если не будет сделано приведение к единице труда всевозможной формы и квалификации. Мы видим, что тот учет трудовой стоимости, который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень объективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным. Хотя он, судя по газетным сообщениям, уже сделан обязательным, мы сомневаемся, чтобы его удалось провести, настолько он таинен и неясен. И невольно у нас всплывает вопрос, каким образом, согласно исходному положению марксизма, формулированному на первых же страницах 1-го тома "Капитала", удастся потребителям, которые ничего не знают и ничего не хотят знать об условиях производства продукта, удастся оценивать товары в соответствии с количеством затраченного на них труда, когда для нас, желающих проникнуть в самый процесс производства, это измерение количества труда вырисовывается

всего сего рассматриваю, так условно?

Но оставим эти сомнения. Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства, в бесчисленных его предприятиях, так или иначе осуществлен. Дает ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?

Учету трудовых затрат в данном предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что же составит его кредит? Если мы будем следовать Марксу, то результаты производства определяются трудовой ценностью, которую имеют произведенные продукты не в условиях данного производства, а с точки зрения условий, которые, вообще, следует признать нормальными; ценность продукта определяется общественно необходимым временем для их производства. Но спрашивается, как нам найти это общественно необходимое время производства продукта? Здесь мы опять — так и от Маркса — не получим определенных указаний. Мы знаем, что здесь была бы неуместна какая-либо отвлаченная конструкция нормального производства. Нам придется признать общественно необходимой ту стоимость производства, которая является средней из стоимости производства отдельных предприятий, и из полученных таким образом вычисленных стоимостей взять среднюю арифметическую или, что еще лучше, — взять среднюю стоимость в соотношении с учетом размера производства.

Если мы так попытаемся подойти к решению занимающего нас вопроса, /в этот путь нам представляется наиболее согласованным с учением Маркса/, то, поскольку народное хозяйство обслуживается одним предприятием, наш трудовой учет нам все-таки ничего не может дать. Он также мало плодотворен при ограниченном числе предприятий, обслуживающих народное хозяйство. Но предположим, что таких предприятий много. Что же в таком случае нам даст этот учет?

В этом случае наши предприятия разделились на две группы. Из них одна группа покажет превышение кредита над дебетом, другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Казалось бы, что в этом случае, при наличии большого числа предприятий, мы, наконец, получим ценные указания не то, какие именно из наших предприятий ведутся рационально, и какие — нерационально.

Тот Однако эти указания могли бы претендовать на объективное значение лишь в тех случаях, которые не часто имеют место, — в случаях, когда все предприятия построены по более или менее сходному плану, т.е. с более или менее сходной комбинацией труда различной формы и различной квалификации. Только в этом случае условности приведения к единому труду различной формы и различной квалификации не подрывали бы значения нашего учета. Но эти случаи редки и не представляют особенно instructивными. Большой интерес представляют те более многочисленные случаи, когда имеются существенные различия в организации производства того же самого продукта, и когда, следовательно, в различных предприятиях имеются своя особая комбинация труда различной формы и различной квалификации. Но именно в этих случаях услов-

ности приведения к единице труда разной формы и разной квалификации подрывают значение всего учета. Если в одном производстве усиленно используется труд такой формы, который в обществе слабо представлен и в котором оно остро нуждается для отправления своих наиболее существенных функций, если труд этот, в соответствии с господствующими в социалистическом обществе экаитарными тенденциями, будет зачитан в расходы производства по оценке, лишь немногим превышающей труд низкой квалификации, который имеется у общества в изобилии, если при этом трудовая стоимость производства продукта окажется низкой, то все же было бы весьма сомнительно, чтобы именно в этом направлении следовало в дальнейшем развивать производство. Последнее быть может, как раз следовало бы развивать в направлении максимального использования форм труда, которыми общество располагает в изобилии, что бы нам учет трудовых затрат ни говорил.

Но трудовой учет теряет какое бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия, или если они в различных соотношениях используют капитал. Представим себе ряд сельскохозяйственных предприятий, которые поставляют однородные продукты на один и тот же рынок, но которые расположены на почвах различного плодородия и для которых транспортные затраты различны. Какое значение имеет для таких хозяйств сравнение трудовых затрат с точки зрения контроля правильности их организации. Да решительно никакого, ибо в первом случае не введено в расчет значения выгод естественных условий и положения по отношению к рынку.

Представим себе далее, что какой-нибудь промышленный продукт, напр. пеньковые канаты, производятся, с одной стороны, на хорошо оборудованных канатных фабриках и, с другой, в кустарных мастерских. Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развивать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершенно неправилен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве канатдела. К сожалению, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного капитала конкурируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно ли его направлять именно на канатные фабрики, а не на заводы сельскохозяйственных орудий, — это еще подлежит рассмотрению. Таким образом, из-за того обстоятельства, что фабричные канаты, согласно трудовому учету, обходятся дешевле кустарных, нельзя сделать вывода, что надо расширять канатные фабрики; ~~нельзя сделать вывод~~ при сильном обесценении народного хозяйства капиталом возможно и так, что канатные фабрики, используя по возможности наличие машины, надо постепенно ликвидировать, а все канаты производить в кустарных мастерских.

37
И наше разоренное социалистическое государство должно так поступало
сплошь и рядом, — и поступало правильно.

Итак, тот факт, что производство пред-
ставляет собою всегда взаимодействие
трех факторов: труда, капитала и приро-
ды, — имеет свое значение и при социали-
стическом строе и игнорировать себя не позволяет. Прав-
да, сознательный научный социализм в I-ом томе "Квинтала" пытался
— этот факт игнорировать и исходил из положения, что труд есть единст-
венная основа меновой ценности. Но в II-ом томе "Капитала" он дал дру-
гую теорию меновой ценности, учитывающую участие в производстве двух
других факторов, а также совместную с теорией ценности I-го тома.
Хотя и вторую теорию с точки зрения современной политической экономики
следует признать устаревшей, но все же она стоит не в столь резком
противоречии с действительностью, как теория, развитая в I-ом томе
"Капитала".

— И еще. Трудовая стоимость и рыночная цена

Итак, трудовую стоимость не мог нам дать да-
же сколько-нибудь ценных указаний о
справедливой выгодности наших пред-
приятий. Но кроме того, мы усматриваем, что он и в лучшем случае
не может нам дать тех реальных указаний, без которых регулирование
общественного производства вообще является неосуществимым, — указаний,
которые в капиталистическом хозяйстве действительный учет дает. капита-
лист в бухгалтерские книги своего конкурента заглянуть не может, они
для него — коммерческая тайна. Да ему это и не необходимо, ибо он от
народного хозяйства получает непосредственную директиву, может ли он
при данной организации вести свое предприятие или не может. Дело в
том, что расчету себестоимости продукта у него противостоит цена про-
дукта, которая рождается на рынке как-то независимо от того, что делает-
ся в мастерской. У нас же себестоимости продукта противостоит величи-
на, которая является производной от себестоимости же продукта, но не
в данном предприятии, а во всех предприятиях, обслуживающих рынок,
ибо, согласно учению Маркса, эта средняя себестоимость и соответству-
ет ценности продукта. Когда анализируется стихийно сложившееся явление,
то при анализе его легко можно впасть в ошибку, но последнюю нетрудно
вскрыть при попытке сознательно воссоздать этот процесс.

Представим себе, что наше социалистическое хозяйство унаследова-
ло от капиталистического все его кружевные фабрики и кружевные мастер-
ские. Представим себе, что мы имеем дело с фабрикой, которая произво-
дит кружева с затратой труда вчетверо ниже, общественно необходи-
мого рабочего времени. Следует ли поддерживать и даже, может быть, рас-
ширять эту кружевную фабрику, или нет? В обществе, члены которого не
могут утолить голода, членам которого не по что одеться, нечем согреть
своего угла, — такого вопроса ставить не приходится. В этом обществе
кружева потеряли... потеряли "ценность". Должен явиться перед чита-
телем: развивая теорию марксистского социализма, я считал долгом поль-
зоваться и его терминологией. Но на этот раз я применил "ценность" не

102
в марксистском смысле, ибо другого слова не придумаешь.

Возьмем другой пример. Предположим, что социалистическое общество, находясь в области, унаследовало от капиталистического общества много фабрик коо. Предположим, что некоторые из них малопродуктивны, а в некоторых производится с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что же, мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при наличии таких условий мы были бы готовы воспользоваться каждой возможностью соорудить даже и менее продуктивные фабрики коо. Эти два примера с полной определенностью нам показывают, что существуют какие-то явления ценности, которые марксизм не знает или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей. Что она может называться, независимо от трудовой стоимости — это ясно из приведенных примеров: ничего не изменилось в кожаных кружевных фабриках, а кружева обесценились; ничего не изменилось в кожаных фабриках коо, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Маргера, Девонна, Вальраса, что подводит под термин ценность *Wert, value, valeur*; то же, что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости *Kosten, cost, frais de production*. Обаче понятия в современной политической экономии, ~~находящиеся~~ в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены, — они не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и связывает непосредственно социальную потребность в товаре. В процессе установления рыночной цены не только рантье /как это готов допустить И. Бухарин/ исходит из своих потребностей, но так поступает и пролетарий. И он, приходя на рынок и найдя там теплые пальто и тончайшие брассельские кружева, не будет интересоваться тем, много ли труда затрачено на пальто и на плетение этих тончайших кружев. Он будет считаться только со степенью настоятельности своих потребностей; если подоспела холодная осень, то он даст владельцу цену за пальто, за кружева он даст очень мало, если он установление цен не зависит от него. Но на рынке заглядывает еще рантье, и он уже наверно не интересуется тем, много или мало трудятся брассельские кружевницы; зато он хорошо знает прихоти дамы его сердца, и его толстый кошелёк позволяет ему удовлетворять им, и он дает цену, которая вознаградится в более или меньшей степени труд брассельских кружевниц.

Вот эти-то, выражающие напряженность спроса на товары вместилища дифференцированного капиталистического общества, рыночные цены фабрикант регистрирует при продаже своего товара и заносит в кредит счета производства. И, определив свой кредит, он уже может судить, велик его дебет или нет. Так капиталистическое общество в рыночных ценах дает повелительные директивы всем организаторам производства и приказывает им регулировать соответственно этим ценам свои затраты. Вот почему под длительным давлением этих директив устанавливается известная пропорциональность между рыночными ценами и издержками производства /но не между ценами и трудовыми затратами, ибо труд — только одна из фак-

торов производства, и, следовательно, он составляет лишь один из элементов затрат/, и вот почему до тех пор, пока наука не последовала за законами субъективных оценок и способа их сложения и объективирования в рыночные цены, даже весьма проницательные умы, как Давид Рикардо, а за ним и Карл Маркс, могли приходить к ошибочному выводу, что издержки производства могут определять рыночные цены.

Впрочем, и творец теории затрат Давид Рикардо не мог ее поддерживать в весьма широкой области образования цен на сельскохозяйственные продукты. Относительно них Рикардо вынужден был признать, что их цена соответствует не средней стоимости, а предельной стоимости производства. Предельная же затрата в сельском хозяйстве определяется напряженностью спроса. Следовательно, здесь он признал приоритет спроса в фиксации цен. Ту же теорию образования цен на сельскохозяйственные продукты признал и Карл Маркс. Современная политическая экономия признает этот последний способ определения цен продуктов, который был в теории Рикардо слишком широким исключением, чтобы не подрывать теорию, — его она признала единственным.

Соотношения рыночных цен в каждый данный момент определяются только общественными потребностями. Вследствие постоянного изменения в условиях потребления полной пропорциональности между рыночными ценами и издержками производства никогда не может быть; она мыслима лишь в фиктивном "стационарном государстве" с его "нормальными" ценами. На рынках нашей социалистической республики товары продаются, как и на всяком другом рынке, по ценам строго соответствующим потребностям нужам общества, но зато без малейшего соответствия со стоимостью их производства, ибо последнее у нас настолько дезорганизовано, что оно не может реагировать на указания рынка. Мало того, у нас на рынках реализуется множество хозяйственных благ, не имеющих никакой стоимости производства, ибо их воспроизвести невозможно, но их цены вполне рационально выводятся из данного состояния общественных потребностей.

Откуда же наше социалистическое хозяйство получит свои директивы для организации производства, каким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Как мы видели, наш трудовой учет в лучшем случае мог бы только указать среднюю выгоду производства продуктов в том или ином предприятии, но он совершенно бессильен дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли вообще данное предприятие, или нет. Правда, в вышеприведенном случае государство могло бы решительно заявить, что кружев ему производить не приходится. Но ведь это случай исключительный. Мы взяли государство, находящееся в исключительно тяжёлом положении, и выбрали предмет, удовлетворяющий исключительно изысканным потребностям. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других затратах. Где же в социалистическом хозяйстве найти марку выгоды производства?

Вопрос этот столь же остро ставится и для внешней торговли. Что покупать на иностранном рынке: муку, сахар, соевые бобы или, может быть, ботаники и медицинские? Где тот механизм, с помощью которого наш импорт

приходит в связь с потребностями страны? Откуда он знает, что такая-то цена на товар является приемлемой, а другая цена является неприемлемой? Эти вопросы остаются без ответа. Это сказал и доктор философии Марксист С. Струмилин, который попытался выкинуть в проблему учета в социалистическом хозяйстве и который, в противоположность нам, настаивает на объективном значении трудового учета, все же вынужден был признать его, в согласии с нашим мнением, совершенно недостаточным для регулирования социалистического производства. Он считает необходимым ввести понятие полезности хозяйственных благ. Трудовые затраты должны распределяться в производстве в соответствии с полезностью произведенных с их помощью благ. Иными словами, таким образом, что С. Струмилину пытается воспроизвести в социалистическом обществе как раз то, к чему, согласно воззрениям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве. Задача им поставлена правильно. Терминология у него при этом остается марксистской. То, что он именует ценностью, в современной политической экономии именуется стоимостью, а то, что он именует полезностью, именуется полезностью. Но это, конечно, не существенно.

Анализируя явления полезности хозяйственных благ, С. Струмилину обнаруживает в них черту, которая довольно знакома экономической науке. Оказывается, что с увеличением каждого хозяйственного блага его полезность понижается. С. Струмилину вспоминает психофизический закон Вебера об уменьшении интенсивности реакции с повторением раздражения. Признаться, читая соответствующий рассуждения С. Струмилины, мы были удивлены, как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности, которое и является перенесением упомянутого закона в область экономики. Мы и С. Струмилину принадлежат к тем несмысленным кругам русской интеллигенции, которые приняли "Капитал" Маркса, как святой коран, и согласно формуле, приписываемой Омару, полагают, что если последняя политическая экономия повторила "Капитал", то она не нужна, а если же она утверждала то, чего нет в "Капитале", то она, напротив, не нужна. Но, как бы странно ни звучали рассуждения С. Струмилины, как бы впервые открывающего истины, которые в политической экономии давно открыты, он верно поставил задачу регулирования социалистического хозяйства.

В противоположность нам, он уверен в том, что регулирования хозяйства вне контакта с рынком вполне возможно. Он берется априорно вычислить полезность хозяйственных благ, пользуясь известной из теории вероятностей формулой Данила Бернулли о моральном ожидании. Он упускает из виду, что формула Бернулли относится к деньгам, т.е. к абстрактному представителю всех хозяйственных благ. Но Даниилу Бернулли не могло прийти в голову, что кто-нибудь применит его формулу для вычисления полезности конкретных хозяйственных благ в зависимости от их количества. Например, хлеба, молока, дров, пальто и т.д. Проблема изучения законов, регулирующих их потребление, поставлена недавно, и материалов по этому вопросу накоплено мало. Во всяком случае, мы

знаем, что у каждого хозяйственного блага проявляется своя закономерность, что имеются хозяйственные блага с эластичным спросом и с неэластичным спросом, и, следовательно, известно лишь то, что одной формулой нельзя объяснить зависимости между полезностью хозяйственных благ и их количеством. А затем С.Струминин упустил показать, как он будет к одной единице полезности различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, подобно коэффициентам при сравнении квалифицированных и неквалифицированных форм труда, останутся называть известными, именно потому, что они неизвестны.

Нас поэтому несколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что, по проекту С.Струминина, признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Бернудди для авторного вычисления полезности хозяйственных благ, а, желая упорядочить государственные предприятия, предложила им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на него — лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме.

Однако, если социалистическое хозяйство не удастся наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его наладивают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров, ответственность решения этой задачи перит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко выпадает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела. Вот и А.В.Чаянов уверен, что придется время и Главки вычислять, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сделать затрат на производство каждого из этих продуктов, и тогда он, базируясь на этих данных, будет иметь прочную почву для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства. К рассмотрению этой проблемы обратимся в следующей статье.

У. Единый план социалистического хозяйства

Единый план социалистического хозяйства, а есть центральная идея марксизма. Благодаря наличию такого плана социализм не только обещает унаследовать высокую технику капиталистического хозяйства, он надеется дальнейшей концентрацией производства и подбором наиболее совершенных типов предприятий поднять ее на высшую ступень и установить такую гармонию между производственной организацией и общественными потребностями, которая в капиталистическом хозяйстве недостижима. Марксизм, как мы указали, говорит об "анархии капиталистического производства", и он берется ее преодолеть.

Капиталистическое хозяйство развилось в результате стихийного процесса, оно не имеет субъекта, творящего его план. Государственная власть в капиталистических странах ведет, конечно, свою экономическую

свою экономическую политику. Но последняя, отвлекаясь от совершенно исключительных моментов, представляет собою систему частичных мер воздействия на народное хозяйство, которые не обладают целью устранить в нем решающую роль частного интереса и частного инициативы. Поэтому можно говорить об анархии капиталистического производства.

Но анархия, в буквальном смысле этого слова, т.е. отсутствие единства, регулирующей определяющие социальные отношения, еще не предвещает того, что эти отношения находятся в хаотическом состоянии. И действительно капиталистическое хозяйство имеет свои, хотя и безличные, регулирующие силы, и последние действуют и весьма отчетливо, и весьма повелительно. Капиталистическое производство регулируется рыночными ценами. Капиталистический строй есть строй свободной конкуренции, находящий свое проявление и на рынке предметов потребления, и на рынке средств производства.

В результате свободной конкуренции между собой потребители, стремящиеся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производителей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительские блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравнивающим спрос и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов.

Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения. Подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек, эти изменения могут исходить из спроса. Неожиданно подскочили ранние холода — покупатели выше оценивают свою потребность в теплой одежде; при количестве ее, заготовленном согласно с обычными условиями, конкуренция потребителей толкает цену теплых вещей вверх. Случился неурожай в какой-либо стране, составляющей значительную часть продуктов питания на международный рынок, — цены на них растут; а так как потребность в них удовлетворяется в первую очередь, то удовлетворение менее важных потребностей откладывается, и цены на соответствующие продукты падают. Изменения в ценах могут исходить и из сферы предложения. Мы только что указали на зависимость цен сельскохозяйственных продуктов от колебаний урожаев. Обычным в капиталистическом хозяйстве является прогресс производства, позволяющий с теми же затратами производить большее количество продуктов. Последние могут быть реализованы на рынке лишь по пониженым ценам. Рыночные цены на предметы потребления определяют объем средств, которые могут быть привлечены для производства каждого из них.

Рядом с рынком предметов потребления существует рынок средств производства, на котором конкурируют между собой предприниматели. При совершенной конкуренции цена на каждый из средств производства устанавливается в соответствии с его предельной производительностью, т.е. в соответствии с тем, насколько повышает его включение в данную производственную организацию продуктивность производства.

Таким образом, устанавливается известное подвижное равновесие между потребительскими запросами и производственной организацией общества.

ва. Оно устанавливается то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых то из сферы спроса, то из сферы предложения — производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люди, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И, в общем, должно признать, что этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъекта народного хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того, рынок способен удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее стихийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени перепроизводства товаров — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаимной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредитную организацию кризисы, возникающие в какой-либо важной отрасли, чаще всего в производствах, изготовляющих основную капитал, в так наз. "тяжелой индустрии", имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы, эти кризисы переносятся из страны в страну и получают мировой характер. Они разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массового безработицы.

Марко основную причину кризисов усматривал в несправедливом распределении — в том, что положение трудящихся ухудшается и, благодаря этому, устанавливается несоответствие между быстро растущими производительными силами общества и понижавшейся покупательной силой народных масс. В связи с этим Марко ожидал, что с поступательным развитием капитализма кризисы будут все более обостряться, пока эта "анархия капиталистического хозяйства" не приведет его к окончательному крушению.

Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не препятствуют капиталистическому производству по их миновании периодически вступать в полосы расцвета, во время коих производство поднимается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса. А затем, как раз в стране перекрестного капитализма, в Англии, кризисы имеют тенденцию смягчаться, — периоды промышленного подъема имеют тенденцию без катаклизмов переходить в периоды промышленной депрессии. Промышленный капитализм не только стадиях развивается в пульсирующем темпе. Переживаемых последовательных кризисов мы здесь, конечно, не имеем в виду. Развитие промышленных кризисов, видимо, и пришло Марку Маркса к решительному отрицанию рынка как регулятора производства.

Система регулирования производства, предлагаемая научным социализмом, не имеет ничего общего с системой, действующей в пределах капиталистического хозяйства. Единый план социалистического хозяйства не представляет собой суммы планов отдельных предприятий, как последние разрабатываются в пределах капиталистического хозяйства, — он строится

на принципиально отличных основаниях. В социалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в специальных органах, действующих согласно плану. Все предприятия социалистического государства работают от дня "облого котла" и снабжаются из "общего котла". Это значит, что котла не существует, а есть только котел, который производит продукты, в особенности поскольку речь идет о продуктах производства, передвигаемых в социалистическом государстве без барьера купли-продажи, — без эквивалентов. Недаром все русские исследователи социалистического хозяйства, Н. Бухарин, А. В. Чаянов, Ю. Дарин, находят в нем черты натурального хозяйства. И действительно, это уподобление следует считать правильным. Мы удивлялись бы социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. И в последнем имеются различные угодья, на разных производятся различные посевы, имеются равнообразные отрасли животноводства, и все эти части хозяйства не ходят между собой в самом тесном взаимодействии. Продукты ослепков, шестов и полень поступают скоту; работа лошадей, навоз используется на полях, ородах и сенокосах; и все эти передачи, передачи из одной отрасли хозяйства в другую совершаются без актов купли-продажи, в крестьянском хозяйстве нет также резкой грани, отделяющей производство от домашнего хозяйства, от потребления, что характерно и для социалистического общества.

Это сравнение, на котором наши исследователи сопоставили как будто усложняются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если бы... если бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства? Именно в таких случаях количественные различия переходят в качественные.

Центральный орган социалистического хозяйства, скажем, ВСНХ, чтобы привести производство в соответствие с общественными потребностями, не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, очевидно, вынужден будет прежде всего собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить характер и количество предметов, нужных для удовлетворения общественных потребностей; затем ему придется учесть различные средства производства, среди которых наибольшее значение имеет такой своеобразный и изменчивый элемент как рабочая сила населения. После этого ВСНХ должен будет распределять различные средства производства между основными отраслями народного хозяйства, и через планы между отдельными предприятиями, предполагая, что самое комбинация средств производства в предприятиях будет производиться местными органами.

У нас вошла в обиход фраза: "Социализм есть учет". И действительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим все стороны общественной жизни, — аппаратом очень удобным и действующим непрерывно, чтобы улавливать все изменения, происходящие в этой жизни. Конечно, таким громадным и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и конечно, таким аппаратом не обладает и Россия. Но не будет останавливаться на этих технических трудностях и обратимся к принципиальной сто-

39
роне рассматриваемого вопроса.

Априорно определить потребности общества в хозяйственных благах? Мы думаем, что у Карла Маркса эта идея возникла под впечатлением безотрадной картины положения английского рабочего класса в первой половине истекшего века, которая нарисована в знаменитой книге его друга, Энгельса. Если капиталистическое хозяйство может дать рабочим только минимум средств существования, да и этот минимум благодаря периодическим наступавшей безработице не обеспечен, то рабочий класс сильно выигрывает даже и в том случае, если социализм твердо обеспечит ему хотя бы только этот минимум.

Более полувека прошло с той поры, когда Фердинанд Лассаль говорил столь драматически о "железном" законе заработной платы. По изданному ряду причин, среди которых сыграла роль и собственная активность рабочего класса, закон заработной платы оказался скованным из какого-то гораздо более мягкого вещества, чем железо. Трудящиеся в Западной Европе, не говоря уже про Новый Свет, давно отвыкли от того, чтобы удовлетворяться тем минимумом хозяйственных благ, который безусловно необходим для удовлетворения их элементарных потребностей. Их потребности... их не измерить, как вообще невозможно измерить потребности культурных людей. Границы им, конечно, положены, но не изнутри, а объективным фактом ограниченности покупательных средств трудящихся.

Поэтому, поскольку социализм задеется целью не понизить, а повысить standard of life трудящихся, его задача совсем не сводится к тому, чтобы определить минимум хозяйственных благ, необходимых трудящимся. Надо создать громадную складку хозяйственных благ, в которую они распределены в соответствии с тем, как потребители эти блага оканчивают. Одни и те же блага будут фигурировать на различных ступенях этой складки, ибо в известных количествах они безусловно необходимы, а в дополнительных количествах их значение понижается. Английский квалифицированный рабочий, член трад-униона, привык есть бифтекс и запивать его кружкой эля, он привык жить за городом в небольшом коттедже, сообщаясь с городом по подземной железной дороге /таб'у/, он в воскресенье выходит на улицу в черном сюртуке и шелковом цилиндре. Вероятно, что уже и в Англии рабочий, подобно его американскому собрату, теперь привыкает пользоваться Фордом. Конечно, докеры и другие чернорабочие вынуждены жить гораздо скромнее.

Сам рабочий, конечно, знает сравнительное значение для него различных хозяйственных благ. Вероятно, от бифтекса он ни в каком случае не откажется, ни от первой кружки эля в день; вместо третьей и четвертой кружки эля он, пожалуй, предпочтет иметь третью комнату в коттедже, если он семейный; дальнейшему расширению коттеджа он предпочтет черный сюртук, праздничное платье для жены, и т.д. Каждый рабочий имеет свои вкусы, — культурные люди не из одного теста сделаны. И все они дают соответствующие директивы капиталистическому рынку, где бесконечно разнообразные запросы суммируются без всякой статистики.

Но как мы, слушающие социалистического ВОНХ, разрешим априорно эти вопросы, каковы мы имеем для этого объективные данные, коль скоро нет рынка, на котором степень напряженности соответствующих потребностей

могли бы получить выражение со стороны самих потребителей. Однако априорное вычисление хозяйственных благ, необходимых для удовлетворения самых минимальных потребностей, при отсутствии рынка не представляет из себя такой легкой задачи, как многие это себе представляют. Начнем с пищи. Пусть статистика даст нам достаточно сведения и точные данные о численности населения, о его половом и возрастном составе, о характере его занятий. Далее физиология даст нам указания о количестве пищевых калорий, необходимых людям разного пола и возраста при различной напряженности труда. Наука укажет нам, какой в пищу должен быть минимум белка, остальные калории могут быть покрыты углеводами и жирами. Зная теперь состав пищевых веществ, мы можем, следовательно, составить рацион, в котором имелось бы достаточное количество калорий, в том числе и в форме белков. Необходимо все же заметить, что свои эти подсчеты весьма приблизительны, ибо количество калорий, необходимых взрослому рабочему, колеблется в очень широком масштабе в зависимости от напряженности работы, в пределах от 2,5 до 8 тыс. в день; пищевые средства имеют весьма непостоянный состав, а анализировать каждую порцию их не представляется возможности. Но главная трудность не в этом.

В 30-х годах прошлого столетия основатель современной энергетической теории питания германский физиолог Губнер выставил такую допущение: если доставлять животному с пищей минимальное количество энергии, необходимое для поддержания его функций, то организм в некоторой степени относится безразлично к тому, доставляется ли эта энергия в той или другой форме. Четверть столетия прошло с той поры. Энергетическая теория питания сохраняет, конечно, свое значение, но в нее внесено множество дополнений. Организму, как это давно известно, необходим известный минимум белков, но оказывается, что белки белкам рознь, — есть белки полноценные и есть белки неполноценные, но и без первых обойтись нельзя. И питаясь обязательно должны заделывать и липиды, и нуклеины, и много исследований дается. Далее оказалось, что и жиры жирам рознь. Поэтому и при достаточном количестве пищевых калорий, и даже при достаточном количестве белков, можно все-таки довести население до массовых заболеваний цингой.

Нам, но это быть, возражат, что если ВСНХ во всеоружии науки не может подобрать соответствующего рациона и не может дать надлежащих директив производству, то как же сумеет это сделать обыватель? Но последнему никакая наука не нужна, он чувствует состояние своего желудка и своего организма и, следуя своему инстинкту, говорит, что ему что-то очень хочется мяса, или яиц, или творога, или молока. А инстинкт его не обманывает. И при наличии рынка эти запросы на нем суммируются, и получают надлежащие директивы производству, гораздо более правильные, чем может дать физиология со статистикой вкусов.

Но задача определенная потребности в пищевых продуктах не самая трудная. Кто возьмется вычислить, сколько нужно населению Петрограда дров для избавления его от страданий от холода? Если мы воспользуемся старыми нормами, то они явно неприменимы теперь, когда приходится согревать отдельные квартиры и даже отдельные комнаты в опустевших домах или в домах, которые по всей своей конструкции приспособлены к центральному отоплению. Новых же норм нет, да и как социалистическое обще-

49
свое может вывернуть свои эприорные нормы, когда нет механизма, выражающего напряженность потребности обитателей в дровах?

С определением норм для одежды обстоит еще хуже, ибо, сколько бы мы ни настаивали ввиду тяжелого положения республики на том, что граждане вправе от нее требовать удовлетворения лишь своих минимальных потребностей, в этой области невозможно отделить необходимых потребностей от условных, конвенциональных. Пусть уже мы, мужчины, помиримся бы на самой элементарной одинаковой одежде, но могучий инстинкт не позволит женщинам помириться с таким положением. В условиях свободного и нового хозяйства женщина женана урезает себя в пище, чтобы придать известной эстетический оттенок своей одежде. Вправе ли иная республика даже в том тяжелом положении, в каком она сейчас находится, подавить этот инстинкт? Мы думаем, что нет. Но производством какого количества необходимых предметов республика должна пожертвовать для удовлетворения минимальных потребностей женщин в украшениях?

Нам скажут: но разве государство и при капиталистическом строе не берет на себя по определенным нормам удовлетворять потребностям известных групп населения, и разве оно с этой задачей не справляется вполне удовлетворительно? Перед нами самый разительный пример — содержание городских армий. Но в данном случае задача до чрезвычайности упрощена. Мы имеем здесь комплекс людей одинакового пола и возраста, исполняющих однородную работу, и размещенных вместе. Вся эта масса обзрима, с ней поддерживается тесный контакт, и последствия того или другого способа ее содержания — на виду. В момент, когда коммунизм находился у нас в эпоху своего развития, у нашей государственной власти мелькала мысль, что в столь же однородные условия могут быть поставлены все граждане. Отсюда опыты создания домов для рабочих, практика механических вселений и уплотнений, коммунальные столовые. Однако прошедшие опыты были мало удачны. Свою программу провести до конца, ибо ее предпосылкой должно было быть отмена многобрачия, чего последовательно требовала гр. Ноддонт, но на что наша власть не шла.

Итак, даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребности своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству. Но все же не в этом заключается величайшая слабость самой слабой стороны социалистического хозяйства, — она заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции.

В условиях свободного менового хозяйства каждое предприятие непрерывно оттаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме возобновления ак-

вивалента. На вырученные деньги он сам приобретает материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие доказало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, позволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него *memento mori*, — народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый — продукт предприятия поступает в "общий котел", а второй — из "общего котла" предприятие получает необходимые ему средства для дальнейшего производства. И круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных закономерных актов купли-продажи, не зависящих от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а на определенных рыночными конъюнктурами. В головах некоторых служащих ВСХ акт поступления продуктов в "общий котел" и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть привязаны в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство предложило служащим ВСХ руководиться соответствием этих двух актов, то они не в состоянии ее констатировать по указанной уже причине, — ее отсутствием в социалистическом хозяйстве — неимением учета. Давний совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, мешков удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прокопачки, топила и т.п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономики сельского хозяйства А.В.Чаяновым, не состоялась, — таково мнение не только наше, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах совхозного хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если бы даже служащие ВСХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, если бы даже они имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, с которыми они имеют дело, то, в конце концов, мы не могли бы им дать объективного критерия для оценки этих предприятий. Все будет зависеть, и не может не зависеть, от их усмотрения. А вместе с тем, большое пространство открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находясь в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться не такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вынуждаются иными соображениями власти.

А между тем и положительная оценка ВСНХ того или другого экономического здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведывание распределением отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям, — Главкам. Перед каждым из них конкурирует целый ряд предприятий, и все они конкурируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства комплектуются, только вкупе они делают продолжение производства возможным, и надо, чтобы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения и о соответственном количестве их выработке. Задача это бесконечно более сложна, чем она была в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства. Неудивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи нянек дитя без глазу... Единогласно признано, что Троицкий нефтяной район функционирует лучше других, и наличие такого убеждения не помешало району остаться без продовольствия. Кто сомневается в том, что астраханские рыбные промыслы в России — разорение? Тем не менее они остались без сетей, и миллионы пудов рыбы пропали, так как нижегородским кустарям, искони изготовляющим сети, не был предоставлен материал для их плетения. Скажут, что это неважность. Но может ли что-нибудь подобное случиться в совершенно неналаженном, разоренном капиталистическом обществе? Конечно, нет. Имея такой драгоценный продукт как нефть, предприниматель, конечно, всегда найдет хлеб для тех, кто его вырабатывает. Точно также скупщик сетей всегда найдет для своих кустарей материал; в худшем случае он заплатит лишний золотой рубль за пуденьки, который астраханский промышленник ему, конечно, возместит.

Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди, чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различны. Оказывается, что у социалистического хозяйства, в действительности, нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством.

Отсюда и получилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивая своих связей с волевым рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов эти предприятия, не питавшиеся государством из "общего котла", давали и государству больше, чем состоявшие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замечаются тенденции к централизации?

Ведь социализм в сущности делает дальнейшие шаги в том же направлении, в каком развивался и капитализм. Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей североамериканской нефтяной промышленностью, а стальной трест — всей металлургией. Недаром, в подражание американцам,

слово трест стало теперь излюбленным в нашей социалистической практике. Однако между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест все-таки ориентируется на рынок, социалистический же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар на рынке и в порядке свободной конкуренции с другими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т.п. Он отличается от других капиталистических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются односторонне, по произволу треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и, следовательно, повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предвещает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают ценные нормы, наиболее выгодной для них в данный момент, чтобы привлечь более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкурирующего продукта. Итак, тресты не только по своим целям, но и по своей экономической организации имеют мало общего с социализмом...

Мы могли бы на этом месте закончить наше исследование. Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть "анархию капиталистического производства", социализм может повергнуть народное хозяйство в "суперанархию", по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии. Но мы могли бы на этом остановиться лишь в том случае, если бы марксизм представлял из себя научную теорию и больше ничего. В действительности же марксизм в качестве экономической программы стал преобладающим лозунгом величайшего общественного движения современности... Это обязывает нас рассмотреть марксизм и с других точек зрения.

VI. Проблема распределения и социализм

Прочтя настоящее заглавие, каждый социалист скажет, что проблема распределения имеет интерес только в обществе, в котором владеющие классы под видом ренты и прибыли присваивают себе продукт чужого труда. Но такой проблемы нет и не может быть в пределах социалистического общества, ибо рабочий получает в нем полный продукт своего труда.

Однако действительно ли социалистическое общество может выплачивать рабочему полноценный продукт производства без всяких отчислений в счет используемых им в процессе труда природных сил, поскольку они даны в ограниченном количестве, и капитала? Не приведет ли такой порядок к нелепостям и даже... к несправедливостям? Исследуем.

Социалистическое общество посылает две группы рабочих на два рудника. Обе они трудятся одинаково усердно и искусно и нелепывают одинаковое количество руды. Но из одной руды добывают железо, а из другой платину. И в социалистическом обществе платину будут ценить выше, чем железо. Будет ли социалистическое общество платить каждой группе в соответствии с произведенными ими ценностями?

Нам сразу приходит в голову, что платиновый рудник должен получить больше, чем железный.

Возьмем другой случай. Социалистическое общество предоставляет

двум равночисленным группам сельскохозяйственных рабочих два участка. Они проработали год с одинаковым усердием и искусством, а в результате, вследствие разнокачественности участков, на одном из них получили в 1,5 раза больше продуктов, чем на другом. И в социалистическом обществе 1,5 пуда зерна ценятся выше, чем 1 пуд. Будет ли социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с произведенными ими ценностями?

Нам возражат, что платиновый рудник следует использовать интенсивнее, чем железный, и плодородный участок — интенсивнее, чем малопродуктивный, и тогда предельной затрате труда будет соответствовать продукт одинаковой ценности. Но ведь это не меняет элементарного факта, что группа рабочих на платиновом руднике в целом вырабатывает больше ценностей, чем группа рабочих на железном руднике, и что группа рабочих на плодородном участке в целом вырабатывает больше ценностей, чем на малопродуктивном. В связи с этим в пределах капиталистического общества при одинаковой оплате труда и капитала на платиновом руднике осажается большая рента, чем на железном, а на плодородном участке — большая, чем на малопродуктивном.

Вернемся теперь к уже использованному для другой цели примеру производства канатов на фабрике и в кустарных мастерских. На фабрике группа рабочих произведет больше канатов и, может быть, лучшего качества, чем такая же группа рабочих, трудящихся столь же усердно и искусно в кустарных мастерских. И в социалистическом обществе канаты ценятся пропорционально их количеству и в соответствии с их качеством. Будет ли и в данном случае социалистическое общество выплачивать ценность полного продукта производства обеим группам рабочих?

Ответы на поставленные вопросы не возбуждают сомнений. Очень последовательные социалисты могут, пожалуй, отмахнуться от поставленных нами вопросов заявлением, что они вообще не считают нужным ставить вознаграждение рабочего в зависимость от результатов производства. Однако последовательное проведение этого принципа невозможно. И русский коммунизм первоначально сильно тяготел к принципу "работать по способностям, а получать по потребностям". Но на власть скоро признала губительное влияние этого принципа на интенсивность труда и вынуждена была перейти к системе премиальной оплаты труда, а затем и к системе коллективного снабжения, им уже целью привести оплату труда в ~~еще~~ более строгое соответствие с его результатами. Но если социалистическое общество, подобно капиталистическому, вынуждено дифференцировать вознаграждение трудящихся, то очевидно, что оно будет это делать в соответствии с продуктивностью труда лишь постольку, поскольку последняя определяется его интенсивностью и проявленным искусством, а не постольку, на нее влияют природная о-становка и большее или меньшее обилие оплодотворяющего труд капитала. Но тогда и в пределах социалистического общества в продукте производства приходится различать долю, которая должна быть... вынуждена /нельзя не согласиться с П. А. Струве, что соответствующий термин австрийской школы, "zufolge", чрезвычайно удачен / труду, и доли, которые должны быть вынуждены природной обстановке и капиталу. В капиталистическом обществе последние

две доли именуется рентой и прибылью; если эти два термина неприятно звучат для социалистического уха, то можно было бы придумать какие-нибудь новые термины, но ведь существо дела от этого не изменилось бы. Нам приходится вспомнить тот вывод, к которому мы уже пришли при изучении проблемы трудового учета: "тот факт, что производство представляет собой всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, — имеет свое значение и при социалистическом строе и не позволяет себя игнорировать". Итак, прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства.

Мы чувствуем, что в этом пункте наши экономические воззрения коренным образом разошлись с воззрениями не только коммунистов и социалистов, но всей мыслящей русской интеллигенции, которая вся воспитана на традициях научного социализма. Ведь и покойный Туган-Барановский, который первый на столбах марксистского органа "Современный мир" по-звонил себе развить теорию предельной полезности, в этом отношении остался верным научному социализму, — прибыль и ренту он признал историческими категориями капиталистического хозяйства. Ввиду этого мы опасаемся, что наши читатели не легко примирятся с нашими выводами и будут чутко прислушиваться к возражениям против них. Это обязывает нас войти в их рассмотрение. Попробуем проследить возможные зигзаги экономической мысли, направленные к тому, чтобы провать цепь наших умозаключений.

Для защиты концепции научного социализма, вероятно, выдвинуто будет такое его толкование. Маркс, будто бы, совсем не утверждал того, что ценность данного продукта определяется именно трудом тех рабочих, которые участвовали в его создании. Маркс утверждал только, что все ценности, произведенные в определенный промежуток времени в народном хозяйстве, должны быть рассматриваемы как продукт труда рабочего класса в целом. В связи с этим и каждого рабочего следует считать производящим при нормальном усердии и умении известную среднюю ценность, независимую от природной обстановки и от степени оплодотворения труда капиталом. Мы могли бы из I-го тома "Капитала", в котором товар всегда фигурирует как "кристаллизованный труд", привести достаточно цитат в пользу более реалистического истолкования экономической теории Маркса, а мои оппоненты, наверно, сумели бы из II-го тома "Капитала" привести достаточно цитат в пользу своего более абстрактного истолкования теории Маркса. Нам представляется, что, хотя экономические концепции I-го тома теперь устарели, но они отличаются большой отчетливостью, последовательностью, и потому имели большое значение для развития науки. Наоборот, концепции II-го тома "Капитала" менее ясны, и более расплывчаты, а потому имеют меньшую научную ценность. Они являются выражением того, что под конец жизни Маркс поколебался в своей реалистической концепции I-го тома, пытался ее смягчить, но не был уже в состоянии коренным образом переработать своих воззрений, а потому, надо полагать, не мог закончить разработки своего труда. Но, впрочем, я не начетчик в Марксе и готов полагаться на своих оппонентов, что абстрактная концепция более соответствует общему духу марксизма. Однако это несколько все же колеблет наших выводов.

Рабочие двух социалистических республик трудятся с одинаковым усердием и умением, но труд в одной республике мало оплодотворен капи-

47
твом, а в другой им обильно оплодотворен. Результаты труда, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности труда?

Рабочие двух социалистических республик трудятся одинаково усердно и умело, и труд их в одинаковой степени оплодотворен капиталом. Но одна республика располагает только залежами посредственного бурого угля, бедными металлами, железными рудами, мало плодородными супесчаными почвами, и совсем не располагает хорошими естественными даваниями, а другая республика располагает прекрасными антрацитами, богатыми металлами, железными рудами, плодородными суглинистыми почвами и прекрасными естественными даваниями. Результаты труда будут в обеих республиках, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности народных хозяйств обеих республик?

Наши теоретические конструкции могут воплотиться в жизни в очень конкретных фактах, и мы можем быть поставлены перед задачами весьма актуального порядка.

Представим себе, что всемирное торжество социализма совершилось. Но и после этого, конечно, останутся народы бедные капиталом и богатые капиталом. Представим себе, что разоренный русский рабочий обратится к английскому с просьбой дать ему паровозы, машины, орудия, удобрения и с обещанием через 25 лет вернуть весь этот капитал или соответствующий эквивалент. Процент на капитал есть результат эксплуатации. И может быть, русские рабочие, горячие марксисты, убедят не любящих теорию англичан, что пролетариат брать проценты, да еще о пролетариате, — нехорошо. Однако такая победа русской точки зрения могла бы иметь для русского рабочего класса весьма печальные последствия. Мы опасаемся, что тогда английские рабочие скажут своим русским товарищам: "Конечно, капитал вам нужнее, чем нам. Но и мы лишимся капиталом не располагаем. Вот американские товарищи имеют каждый по автомобилю, а у нас автомобильные фабрики не оборудованы. Мы начали расселяться в городах-садах, и это дело еще очень далеко от своего завершения, и приходится жить в старых мрачных городах, напоминающих горькие времена капитализма. Неужели нам отложить на целое поколение удовлетворение этих наших нужд? Ведь не забудьте, товарищи, что это ведь капиталы не буржуазии, а наши пот и кровь". Мы предоставляем марксистам найти возражения против этих слов английского рабочего народа, но мы ничто возразить против них не умеем. Очевидно, что после всемирной социальной революции будет одно из двух: или международная перекулация капитала прекратится — к громадному ущербу не только для производительных сил человечества, но и для успехов его культуры, — или в международных отношениях категория процента на капитал пришлось бы признать преволерной, что бы о ней ни говорил учитель Маркс.

Теперь мы можем себе представить и другую картину. Будет день, и английский рабочий народ обратится к русскому с такими словами: "Вот у вас, товарищи, есть сибирские леса. Использовать их, как следует, вы не можете, — у вас нет ни капиталов, ни квалифицированных рабочих, ни организаторов. Разрешите нам эти леса использовать!" И с большим правом, чем в предшествующем случае русские рабочие, англичане могли бы прибавить, и даже не ссылаясь на слова великого учителя: "Не вы, русские товарищи, эти леса растили, сами выросли, и, пожалуй, не пристало вам и требовать вознаграждения за их использование". Но вероятнее всего, что практичным англичанам, еще не излечившим глубоко в них теоретиче-

иных традиций капиталистического строя, такие мысли в голову не придут, и они попросту предложат своим русским товарищам определенное рентное вознаграждение за использование лесов, от которого последние, по всей вероятности... не откажутся.

Итак, тот метод исследования, на который мы вступили ввиду возможных возражений со стороны наших оппонентов, оказался особенно плодотворным, ибо он дает возможность отвлекаться от классовых отношений, которые своим влиянием на нашу эмоциональную сторону обычно затемяют вопрос. Логический характер ренты и прибыли как категорий всякой хозяйственной деятельности в интернациональных отношениях выступает с особой отчетливостью.

Если бы мои предполагаемые оппоненты из лагеря научных социалистов не нашли достаточных доводов против выдвинутых нами здесь положений, то применительно к прибыли они наверное сказали бы, что если она есть логическая категория хозяйства, то в конце концов она должна быть отчислена труду, ибо ведь капитал есть продукт труда. Однако мы не можем согласиться и с этим утверждением научного социализма.

Отвлекаясь опять от затемяющих вопросов социальных отношений. Две социалистические республики, в одинаковых природных условиях, с одинаковыми запасами капитала, с одинаково усердным и умелым рабочим классом. Между ними только одно отличие. Рабочий класс одной республики сохранил, в качестве наследия от капиталистического строя, столь распространенное в последнем качество — предусмотрительность. Благодаря этому оказывается, что в каждый новый год он вступает не только сохранив старый капитал, но и приумножив его. Рабочий класс другой республики, наоборот, страдает некоторой непредусмотрительностью. В связи с этим к концу года его капитал оказывается не только не приумноженным, но даже сократившимся. Если так будет продолжаться несколько лет, то рабочий класс первой республики будет богатеть: он будет и лучше удовлетворять своим потребностям, и ему все легче будет приумножать свой капитал. Наоборот, рабочий класс другой республики, трудясь столь же усердно и умело, будет беднеть; и даже если нужда его обучит благоразумию, то вследствие низкой производительности обедневшего капиталом народного хозяйства поправить его состояние будет очень трудно. Конечно, богатая, но мирная социалистическая республика не придет с дредноутами, пещелинами и дельнобойными пушками, чтобы империалистически подчинить свою бедную соседку, как это нередко случалось при капиталистическом строе. Надо полагать, что, насытив капиталом свое собственное хозяйство, она его избытки предложит за известный процент своей обнищавшей соседке и... пушкинскими процентами капиталом она выручит из бедн дружественный народ, вставший к бедности по собственному легкомыслию.

Приведенный пример, который мы намеренно поставили так, чтобы отвлекаться от социальных отношений, нам с отчетливостью показывает, что хотя труд, конечно, является необходимым фактором всякого производства, а следовательно и производства капитала, все же само по себе производство, а следовательно и труд, капитала не творит. Для создания и даже сохранения капитала необходимо еще что-то... может быть, воздержание? Но термин этот остроумно высказан Лассалем с помощью всемирноизвестных анекдотов картины толпы капиталистических аскетов с Ротшильдом во главе, которые

своим "воздержанием" теоретические массы капитала. Для тех, кто на-
стоятельно настаивает на необходимости дохода, этот акт действительно требует
воздержания, но чем доход обильнее, тем термин этот становится менее
подходящим, ибо в этих случаях для накопления капитала требуется
только благоразумие, расчетливость. Английские экономисты пустили в
обращение более объективный термин — "ожидание" /waiting/. Но дело не
в термине, нам важно было показать, что капитал есть особая категория
хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к труду, —
к производству.

Очевидно, что в своем протесте против индивидуального присвоения
ренты и прибыли научные социалисты зашли слишком далеко, отрицая рен-
ту и прибыль как логические категории хозяйства, а вместе с тем отри-
цая особое от труда и производства происхождение капитала. Между тем
никакая национальная организация хозяйства невозможна без распределе-
ния произведенных ценностей на три категории: заработную плату, прибыль
и ренту. Мы сделали длинный теоретический экскурс. Но мы вернулись из не-
го к основным выводам, конечно, не для марксистской доктрины, но для
практического социализма. Уже небольшой опыт русской революции доказы-
вает, что попытка коммунизма сделать вознаграждение за труд независи-
мым от его результатов приводит неминуемо к параличу энергии трудящих-
ся. В настоящее время наша республика стремится привести вознагражде-
ние за труд в возможно строгое соответствие с результатами труда. В
этих условиях совершенно невозможно держаться той точки зрения, что
трудящиеся в данном производстве могут претендовать на весь его продукт.
В особенности же с того момента, когда не в республика, провозгласив марк-
систскую концепцию социализма, разрешает отдельным фабрикам реализовать
свой продукт на рынке /"разбазаривать" их, как ворчат твердочаменные
марксисты/, вопрос приобретает актуальное значение. Вправе ли рабочие
национализированной табачной фабрики реализовать на рынке в свою поль-
зу весь продукт за вычетом, конечно, той его части, ценность коего
должна покрыть амортизацию капитала, или нет? С марксистской точки зре-
ния ответ должен быть утвердительный, с развиваемой нами точки зрения
ответ должен быть отрицательный. Если капитал принадлежит республике
как совокупности трудящихся, если производительность труда зависит от
капитала, то она вправе требовать от рабочих вознаграждение за то, что
она предоставляет им возможность использовать свой труд на фабрике...
она вправе требовать процента на капитал. А если бы республика предо-
ставила рабочим землю, то она вправе за нее требовать ренту.

Еще яснее выступает практическая несостоятельность марксистско-
кой доктрины в условиях нашей новой экономической политики, — при сда-
че в аренду национализированных фабрик. Если рабочим по праву должен
принадлежать весь продукт производства, то достаточно того, что им по-
садили на его эксплуатирующего их предпринимателя. На каком же основа-
нии республика требует еще от предпринимателя арендных платежей, который,
конечно, ограничивает возможный заработок рабочих? Для рабочих являет-
ся еще недостаточным утешением тот факт, что наша республика рабочая,
ибо фонд рабочего класса не есть все-таки доход данной группы рабочих.

С нашей точки зрения, взимаемая арендных платежей с предпринимателя,
республика рабочих несколько не обижает. Но чтобы ближе разобраться в

размерах этого платежа, нам необходимо расчленить капиталистическую прибыль. С точки зрения современной политической экономии она не представляет из себя склада "прибавочной ценности", она делится на следующие довольно определенные элементы: вознаграждение за капитал, вознаграждение за риск, субъективный и объективный, и предпринимательский доход. Очевидно, что республика имеет право на вознаграждение за капитал и за субъективный риск, а частью и за объективный риск; предпринимательский доход и отчасти вознаграждение за объективный риск должны быть предоставлены предпринимателю. Марксизма в такой организации, конечно, нет ни крупицы, но элементы социализма, в более широком смысле, имеются, ибо общество сохраняет за собой нетрудовые доходы, к которым предпринимательский доход не может быть целиком причислен.

А надо признать, что и рента, и проценты на капитал очень и очень пригодятся социалистической республике. Прежде всего социалистическое государство ведь фактически несет на себе главный риск производства, и при малейшей непредусмотрительности она свой капитал может загубить. И еще важнее то, что вся конструкция социалистического общества такова, что она убивает у его членов всякий интерес к сбережениям; этим она подрывает в корне столь могучий при индивидуалистическом строе процесс капиталосоздания. Таким образом, социалистическое общество должно взять на себя тяжелое, может быть, непосильное, бремя расширенного воспроизводства. И само собой разумеется, что социалистическое общество обязано удовлетворять коллективным потребностям своих граждан, в особенности их культурным нуждам, во всяком случае в более широком масштабе, чем они удовлетворяются в капиталистическом обществе, где культурные нужды в значительной части удовлетворяются за частный счет и по частной инициативе. Не из одних налогов же собирать нужные для всего этого средства. Налоги легче собирать в капиталистическом обществе, где значительная часть доходов концентрируется, и их труднее собирать в обществе, где они равномерно распределены.

Наши выводы о природе прибыли и ренты имеют значение также и для родственного социализму кооперативного движения. Кооперация пока еще живет теориями научного социализма, и это при соприкосновении с рабочим вопросом ставит ее в весьма двусмысленное положение.

Одной из важнейших очередных задач для потребительской кооперации, а отчасти и для других ее видов, является широкое развитие собственного производства. Эта задача имеет большое значение не только для кооператоров, но и для рабочего класса, ибо кооперативное производство, конечно, будет предпочтительно строиться на экономии высокой заработной платы и будет оказывать благоприятное влияние и на положение рабочих в капиталистическом производстве. Но идеология современного социализма до крайности запутывает отношения кооперации к работающим и в ее предприятиях наемным служащим и рабочим.

В этом отношении очень характерны рассуждения покойного М.И. Туган-Барановского, кооператора и социалиста "... "Весь продукт, производимый на фабрике потребительного общества", говорит он в полном со-

гласии с учением Маркса, "создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительское общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта, и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу. Но если так, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно". Вывод Туген-Барановского из сделанной марксистской посылки не только в основе правилен, он даже смягчен. Эта фабрика несомненно вредна для потребительного общества, ибо отвлекает его средства и подвергает их риску. Противоречие здесь получается неизбежное, и в конце концов Туген-Барановский приходит к довольно грустному для кооператора и научного социалиста выводу: "Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта". После этого довольно жалким является самоутешение автора, что кооператив будет применять высшие из норм вознаграждения труда, практикуемых в капиталистических предприятиях, т.е. что он будет лишь умеренно эксплоатировать трудящихся у него рабочих и служащих. Согласно взглядам современной политической экономии, потребительское общество имеет уже во всяком случае полное право оставить за собой и процент на капитал, и вознаграждение за риск, и предпринимательский доход; и, прибавим, на доходы потребительного общества, полученные от капитала, действительно, сколоченного воздержанием скромных тружеников, меньше всего вправе претендовать не только рабочие, но и общество как целое. Если, таким образом, и в социалистическом обществе продукт производства должен быть распределен на заработную плату, на которую могут претендовать рабочие, и на прибыль и ренту, которые должны быть отчислены в пользу заменившего капиталиста государства, то практическое разрешение этой задачи при отсутствии рынков на предметы потребления и на средства производства в пределах марксизма невозможно. В капиталистическом хозяйстве эта задача разрешается в стихийном процессе конкуренции предпринимателей на рынке средств производства. Притом дело идет ни для земли, ни для капитала, ни для труда о выработке каких-то средних. Для каждого участка назначается своя рента, для каждой вещной формы капитала — своя quasi-рента и для каждой формы труда соответствующая данным условиям заработная плата. Каждое средство производства при совершенной конкуренции оценивается в соответствии со своей предельной производительностью. В социалистическом обществе, если бы даже мы опирались на действующий рынок потребительных благ, чего в данном случае нет, мы все же не сумели бы выполнить эту задачу. Мысль о том же совершенстве, как она выполняется в стихийном процессе.

Другое дело — условия, создаваемые новой экономической политикой. Раз воссоздается рынок продуктов потребления, а государство воссоздает и рынок на средства производства, то, хотя и в недосовершенной форме, но все же стихийный процесс вменения опять восстанавливается. Задача положения о ренте и прибыли как логических категориях всякого хозяйства, и о специфическом происхождении капитала, мы не хо-

тели бы взяли на себя ответственности за вывод, который делают из них многие экономисты, — о полной и безусловной правдивости индивидуального присвоения земли и капитала, бесконтрольного ими распоряжения и индивидуального присвоения ренты и прибыли. И после признания выдвинутых положений этот вопрос еще подлежит особому рассмотрению. Против приведенных выводов могут быть выдвинуты и после принятия новых положений серьезные возражения. Пусть теперь наше распределение дохода является следствием указанных нами объективных фактов, определяющих производительность труда, но самое это распределение исходит из данного крайне неравномерного распределения собственности, которое имеет свои исторические корни не только в экономической жизни, сколько в политическом преобладании высших классов, а в глубине веков, прямо в насилие и грабеже. А затем производительность земли и капитала есть результат политического и культурного развития общества, а не волею землевладельцев и капиталистов. Ведь совсем не далеко от нас то время, когда земля без притрапленного на ней населения не имела никакой цены, а капитал не только не давал дохода, а требовал расхода для своего сохранения. Вот почему в известной мере общество как целое может смотреть на землю и на капитал как на свое достояние, а может претендовать на известное участие в оторосиваемых этими факторами доходах. Эта превозная идея выношена 19-м столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на целесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно, не направлена против этой идеи, выстраданной 19-м веком, мы не защищаем принцип "laissez faire, laissez passer", мы боремся только против учения, которое желало бы с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации, — принцип хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит теперь перейти.

УИ. Хозяйственная свобода и социализм

"Социализм есть скачок из царства необходимости в царство свободы", — так утверждают Энгельс и Маркс.

Для того чтобы попасть в католический рай, приходится пройти через чистилище; для того чтобы вступить в социалистическое царство свободы, надо пройти через диктатуру пролетариата. Таким образом, скачок социального переворота приводит нас пока что к диктатуре.

В каком отношении стоит диктатура пролетариата к принципу личной свободы, явствует из самого понятия диктатуры и иллюстрировано русским опытом. Совершенно безнадежны попытки Каутского и русских меньшевиков связать этот простой и ясный вопрос сближением марксистской диктатуры пролетариата с демократией. Маркс, конечно, умел различать эти два понятия, и если он применил термин "диктатура" для характеристики политического режима эпохи, переходной от капитализма к социализму, то он сделал это не "по гера ег е бо тосо", — он для этого слишком серьезен.

Но режим диктатуры, по марксистской концепции, только временный. Правда, Н. Бухарин в своей "экономике переходного времени" нас убеждает,

это дело перестройки общества на новый лад потребует не отдельных лет, а десятков лет, и русский опыт как будто говорит за то, что этой перестройки не следует делать слишком стремительно.

Но, как бы там ни было, рано или поздно, когда диктатура пролетариата окончательно уничтожит классовое расчленение общества, она себя самое упразднит. Мало того, согласно учению Маркса, тогда начнет-ся и отмирание самого государства. Научный социализм утверждает, что государство есть организация классового господства — и только. В демократии через государство осуществляется власть буржуазии над пролетариатом, подавление первым классом второго; при диктатуре пролетариата с помощью государства осуществляется обратная задача. Но раз классов больше нет, то становится излишним и государство. В социалистическом обществе нет больше власти людей над людьми, остается только организация производства — власть людей над вещами, над природой. Социализм, хотя совершенно иными путями, ведет общество к тому же блаженному безгосударственному состоянию, к которому призывает его и анархия.

Вся эта конструкция безгосударственного состояния, однако, при ближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. Действительно ли в социалистическом обществе осуществляется только власть человека над вещами, над природой?.. Скажем, что в пределах буржуазного общества мне принадлежит дом. Не ясно ли, что речь здесь идет не об отношении моем к физическому телу, к дому? Речь здесь, очевидно, идет о юридических отношениях меня и моих сограждан по поводу дома. "Мне принадлежит дом", — это значит, что никто из моих сограждан без моего разрешения им пользоваться не может. Но ведь совершенно такой же правовой характер сохраняют аналогичные отношения и в пределах социалистического общества. Вместо домовладельца здесь выступает общество как целое, которое через свои правомочные органы распоряжается домом, и отдельные граждане помимо этих органов распоряжаться им будут не в праве.

Точно так же и организация производства не обнимает только отношений людей к природе. Если нечто подобное можно сказать об изолированном крестьянском хозяйстве, то такое утверждение является чрезвычайно странным по отношению к социалистическому хозяйству. Последнее строится на крупном производстве, оно предполагает сильнейшую дифференциацию и обширную интеграцию труда граждан, оно предполагает строжайшее координирование всех отраслей народного хозяйства. Очевидно, социалистическое общество требует от своих сограждан во всяком случае не меньшей дисциплины, чем капиталистическое. И в нем устанавливаются весьма сложные взаимоотношения между гражданами на почве неизбежной между ними иерархии в процессе производства. Затем нет оснований рассчитывать, что в сознании каждого гражданина его интерес отождествится с интересами общества. А раз общество связано сложными правовыми отношениями, раз возможны антагонизмы, если не между классами, то между гражданами, и между ними и обществом в целом, то должна существовать и принудительная организация — государство, которое бы своим авторитетом поддерживало данный строй правовых отношений. Если только люди после утверждения социализма не претворятся в ангелов, то наш вывод едва ли можно оспаривать. Таким образом, и для социалистического общества

ицей безгосударственного состояния является мечтой. Конечно, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь к этому стремятся, и не совсем безуспешно, и современное демократическое государство. Мы не бросим социализму упрека за то, что он не в состоянии осуществить обетования Маркса о безгосударственном бытии. Но зато мы не можем просто положиться и на обещания научного социализма осуществить царство свободы; мы должны рассмотреть, имеются ли ~~какие-либо~~ для этого в социализме соответствующие экономические предпосылки.

Рассмотрим, насколько социализм совместим с принципом хозяйственной свободы, и остановимся на трех ее элементах: на свободе хозяйственной инициативы, на свободе организации потребления и на свободе труда.

Свобода хозяйственной инициативы имеет ценность для личности, но едва ли не большую ценность она имеет для общества. Исключительно широкое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом хозяйственной свободы, с принципом свободной конкуренции. В условиях свободного менового хозяйства никакая производственная организация не имеет монополии на исполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соответствующие функции совершеннее, дешевле. И на этом строится прогресс народного хозяйства.

Нетрудно видеть, что условия для проявления свободной инициативы в социалистическом обществе гораздо менее благоприятны. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимулов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприимчивости. Конечно, научные открытия делаются не из корыстных мотивов, а из неутолимого устремления человеческого духа к истине. В изобретениях научный интерес уже отодвигается на задний план, и практические мотивы имеют большее значение. Но непосредственно хозяйственную жизнь двигают ведь не ученые, ни даже изобретатели, — ее двигают организаторы-практики. Их задача состоит не в научных открытиях, не в изобретениях и обычно даже не в практическом использовании последних. Их задача состоит в том, чтобы найти самую удачную комбинацию факторов производства для создания того или другого продукта с наименьшими затратами; она состоит в том, чтобы отыскать новые более дешевые или совершенные средства для удовлетворения потребностей, или чтобы изобрести вновь совершенно новую потребность и найти дешевые способы ее удовлетворения. Иная дело в большинстве случаев с материальными потребностями людей, предприниматели не могут сами руководиться идеальными устремлениями, — их плечет к деятельности жажда обогащения.

Этот интерес в социалистическом обществе отпадает, — он противоречит его аскетическому духу. Но если бы даже предприимчивость в социалистическом обществе все-таки не заглохла, ей все же трудно было бы добиться каких-нибудь результатов, ввиду полной бюрократизации общественной жизни. Скажут, что социалистическое общество поставит во главе своих предприятий возможно более талантливых организаторов, которые будут с величайшим вниманием относиться ко всем предлага-

своим новшествами. Однако ведь и социализм не может гарантировать от капитализма, а отсутствие ценностного учета до крайности затруднит оценку вольных должностных лиц. Но даже при самом удачном вращении вольных постов большую опасность представляет то, что каждое новшество должно быть оценено только в определенном месте. И во сколько раз капиталистическое хозяйство является в этом отношении более сильным, благодаря тому, что капиталисты конкурируют друг с другом, и их взаимная конкуренция заставляет их с надеждой хвататься за каждую удачную новинку. Да и новатор может сам обладать капиталом или может достать кредит для осуществления своей идеи.

Социалистическая организация хозяйства, если бы ей наконец удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества социалистическое общество не представляло бы.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то в еще меньшей степени он в состоянии обеспечить свободу в сфере потребления. Уже из того, что социализм организует производство не руководясь проявлением воли потребителей на рынке, вытекает его тенденция к авторитарному распределению хозяйственных благ. Правда, значительная часть марксистов противопоставляет себя как социалистов в специальном смысле сторонникам авторитарного распределения хозяйственных благ как коммунистам. Однако можно показать, что между социализмом и коммунизмом в рассматриваемом смысле имеется тесная внутренняя связь. Маркс и Энгельс недаром называли свой знаменитый манифест коммунистическим, и действительная русская социал-демократическая партия недаром к моменту социального переворота переименовалась в коммунистическую.

Марксисты, наподобие коммунистов, представляют себе, что социалистическое государство будет платить своим гражданам за труд бонами, в обмен на которые они могли бы себе свободно выбирать хозяйственные блага. Однако, раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия. Не одни хозяйственные блага цены будут слишком низки, и спрос на них превзойдет предложение, а на другие хозяйственные блага цены будут слишком высоки, и спрос на них отстанет от предложения. Очевидно, что было бы нелепо, первыми предоставить тем, кто их случайно раньше захватит, а вторые оставить гнить на складах. И те и другие остаются авторитарно распределить.

Могут сказать, что такое несоответствие между спросом и предложением будет только кратковременным, что в последующих производственных циклах производство приспособится к спросу. Однако в капиталистическом обществе, в котором такое приспособление составляет живучий интерес предпринимателей, равновесие спроса и предложения достигается только путем постоянного и подчас значительного колебания цен. Как же можно надеяться, что гораздо более тяжеловесное социалистическое хозяйство сумеет устанавливать равновесие спроса и предложения при неизменных ценах? Авторитарное распределение хозяйственных благ является, таким образом, необходимой чертой социализма как системы, отрицающей рыночное

регулирование цен. В Советской России имела еще и другая добавочная причина, вынуждавшая скрупулезное распределение хозяйственных благ, — это крайнее истощение страны, в которой средства существования имелись в обрез. Но при сохранении социалистического строя этот порядок распределения пришлось бы сохранить и в том случае, если бы стране удалось выйти из состояния крайнего истощения; только папки стали бы тогда не столь скудными.

Авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей. Авторитарное распределение хозяйственных благ — это значит, что я обязан есть то, пусть прекрасно изготовленное, блюдо, которое мне предлагает наша коммунальная столовая, — это значит, что я не вправе выбрать ту мебель, которая мне по душе, — это значит, что молодая барышня обязана надеть не ту шляпку, которая ей к лицу.

Но авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате. И здесь необходимо подчеркнуть, что тот социализм, который себя от коммунизма отторгает, будь он даже осуществим, в лучшем случае мог бы обеспечить свободное удовлетворение элементарных потребностей, но никак не высших. Если все известное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать интересующие гражданина произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государственная власть относится к религии отрицательно.

Авторитарное распределение хозяйственных благ точно также, как и бюрократизация хозяйственной жизни, не только ограничивает по крайности свободу граждан, оно понижает также производительность народного хозяйства. Если мы известное количество хозяйственных благ распределим авторитарно среди определенной группы людей, то их потребности будут хуже удовлетворены, чем в том случае, если бы им предоставили возможность свободно распределять эти блага между собой, сообразно своим дифференцированным потребностям. Хозяйственные блага являются тесновыми в конце концов не сами по себе и даже не в меру того, сколько на них затрачено труда, как полагают марксисты, а единственно постольку, поскольку они удовлетворяют наличным потребностям людей. Раз данная организация распределения плохо обеспечивает удовлетворение этих потребностей, то это равнозначительно понижению производительности народного хозяйства.

К этому остается добавить, что наш русский опыт с достаточной ясностью доказал, что авторитарное распределение хозяйственных благ это самая провозная, самая дорогая система распределения, какую себе только можно представить.

Если русские социалисты-большевики в момент социальной революции правильно уловили связь между социализмом и коммунизмом, в указанном смысле слова, то внутренняя связь социализма с принудительной организацией труда осталась для них неясной до конца. Необходимость прибегнуть к принудительной организации труда возникла для господствующей партии

совершенно неожиданно в процессе строительства социализма, и она сложилась бы, считая эту организацию временной мерой, связанной с военными условиями. Только один из наиболее реальных и последовательных вождей русского коммунизма интуитивно уловил указанную связь и принял ее. А между тем нетрудно видеть, что связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда необходимая, а не случайная.

В свободном рыночном хозяйстве при недостатке товара цена на него повышается, а при избытке — понижается. Движение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено административному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но, так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Трудармия является, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма.

Надо ли в XX-м столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?

Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, но он после указанного и без того ясен. Научный социализм утверждает, и по моему мнению с полным основанием, что публично-правовые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкуренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таится фактическое отрицание, насилие экономически сильного над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именно на этом основании современные демократии от буржуазного принципа "laissez faire, laissez passer" отреклись; в свободный рыночный строй введено много корректив, усиливающих позицию экономически слабых, и еще много корректив предстоит ввести. Но, конечно, дело личной свободы не выиграет от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу!

I/ Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не только известные противники социализма, Герберт Спенсер и Евге-

НЕМ остается рассмотреть, в чем заключается смысл слов Энгельса и Маркса о социализме как "царстве свободы". Ведь это не случайно обретенная фраза, это одна из основ их учения об обществе будущего.

Смысл слов Энгельса и Маркса таков. Процесс развития капиталистического общества стихийный. Каждый член общества участвует в формировании отношений капиталистического хозяйства, и тем не менее они выступают и перед обществом, и перед личностью как нечто объективно данное, независимое и от воли личности. И рабочий (фабрикант) в периоды промышленного оживления участвует в подготовке промышленного кризиса, который в свое время больно ударит его самого, и тем не менее он ничего не может изменить в своем поведении. И капиталистическое общество в целом не в состоянии предупредить грядущего промышленного кризиса. Поэтому капиталистическое хозяйство есть царство необходимости.

В социализме общество берет свою судьбу в свои руки. Оно организует свое хозяйство по единому рациональному плану; в нем действуют не стихийные силы, а воля общества. В нем нет неожиданностей, ибо процесс хозяйственного развития регулируется волей общества. Поэтому социализм есть царство свободы.

К сожалению, Маркс и Энгельс не занимались более углубленно исследованием того строя, к революционному осуществлению коего они призвали. Таким образом, и идея "царства свободы" осталась ими не разработанной. Попробуем ее проанализировать.

Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество свободно располагало своей судьбой. Но через какой же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытии социалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно в социализме государство является во всемогущество и политической, и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, но современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглотит личность.

Но если социалистическое государство настолько всемогуще, то проблема организации власти, которой научный социализм совсем почти не занимался, имеет первостепенное значение для социализма. В настоящее время коммунизм ползает, что он, в согласии с некоторыми идеями фран-

цузский Рихтер, но к такому же выводу, к огорчению и себе, и с оных читателей, пришел и горячий апологет социализма, прогнавший ему свою лебединую песню, М.И. Туган-Барановский. "Централизация социалистического государства", говорит он, "предполагает строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу небольшой свободы личности". "Социализм как положительное учение", стр. 83. Конечно, апологет социализма выражается далеко.

узкого синдикализма, имел новые принципы организации власти, которые дадут возможность правильнее выявлять народную волю, чем она выявляется в западных демократиях. Пылуший эти строки не специалист в государственном праве и не решается высказывать по этому вопросу каких-либо суждений. Но одно ему известно: вожди революции от 1789 по 1848 год относились к задаче создания государственной власти, точно отображающей народную волю, с величайшим пафосом, которого коммунисты в проблеме организации власти не вкладывают. От этой власти они ждали тех "miracles de la république", о которых любил говорить Робеспьер. И в процессе творчества этой власти оказалось, что проблема выявления народной воли оказывается гораздо сложнее, чем ее себе сначала представляли. На этом поприще человечество уже перенесло много разочарований. Давно ли социалист Фердинанд Лассаль возлагал самые пылкие надежды на всеобщее избирательное право? А теперь государственное устройство, основанное на этом принципе, подвергается со стороны коммунистов самым жестоким нападкам; власть, основанная на всеобщем избирательном праве, по их мнению, оказывается не властью народной, а властью финансового капитала.

Личная личность всех ее прав и отдав ее в полное распоряжение государства, пытаются ли социалисты, с своей стороны, уверенность, полную уверенность в том, что проблема народной власти ими решена? Ведь они поставили ставку гораздо более серьезную, чем современная демократия. Последняя, организуя по-своему государственную власть, не приносила ей в жертву личности, наоборот, она стремилась возможно скорее обеспечить ее права. Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической власти через испытания истории еще не прошел.

Уверенность коммунистов основывается, впрочем, не на механизме конструкции власти, а на характере социальной среды, на которой она строится. Раз классы уничтожены, то нет опасности, что привилегированное меньшинство захватит власть над большинством. Наоборот, если классовое расчленение общества реально, то никакой механизм вплоть до всеобщего тайного голосования не предупредит вырождения демократии в олигархию.

Но существует ли у коммунистов уверенность в том, что в социалистическом обществе, в верхах всего экономического властью над производственными силами народа достигает максимальной концентрации, существует ли у них уверенность, что в таком обществе возникновение классовых противоречий невозможно? История ведь знает столько случаев, когда в среде экономически недифференцированного общества, возникшего на развалинах прежней иерархии, эта дифференциация все-таки наступала. И если олигархия завладеет подобной всемогущей властью, то какова же будет судьба социалистического общества? И эта ставка ставится во имя осуществления единого плана социалистического хозяйства, принципы которого, как мы показали, в сущности, не известны.

Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к глухой стене. Есть два мировоззрения, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них, человечество стремится к конечному блаженному состоянию, стремление этого блажен-

ного состояния известно, и соответствующий механизм остается только осуществлять идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором идеал уже осуществлен, свобода личности не нужна, ибо ей нечего творить в совершенном обществе. Зачем нужна свободная личность блаж. Августу в его "civitas Dei", и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое мировоззрение. Нет никакого конечно блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Человечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое его достижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкой новых задач.

Счастье человечества заключается именно в конечном устремлении. Источником векового движения вперед человечества является творческая человеческая личность. И великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед сияющим могуществом светских и церковных властей произнес свои великие слова: "So denke ich, und anders kann ich nicht". Для тех, кто стоит на почве такого мировоззрения, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации.

Интеллигенция в истории Европы естественно являлась первым борцом за свободную человеческую личность, за нее она выходила на костры, принимала муки и гибла в тюрьмах. Если подумать в те психологические слои, которые толкали и русскую интеллигенцию, слои ли не в большей своей части дворянского или буржуазного происхождения, но интуитивно самоощущая, то мы найдем, что и здесь в основе ее порывов была, но всегда осознанная, тоска по личной свободе, негодование против рабства. В погоне за свободой она опиралась то на то, то на другие социальные слои, слои которых определяли ее поражения и ее победы. Та часть интеллигенции, которая в силу борьбы по своим интересам определенного класса отказывается от принципа свободной личности, изменяет своему назначению. Пусть решит история, даст ли она этой жертве народу счастье.

Мы далеко отошли от нашей основной экономической темы. Таков уж вопрос об экономической свободе, — он неразрывно связан с общим вопросом о свободе человеческой личности.

УШ. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве

Многие социалисты утверждают, что при социализме социалистического хозяйства необходимо считаться с чрезвычайно повышенной производительностью труда его рабочих, являющейся следствием устранения антагонизма между ними и эксплуататорами. Сам Маркс предусматривал влияние нового строя на психологию рабочих, хотя не представлял себе этого влияния конкретным. Но в будущем он предвидел, что граждане социа-

листического общества станет настоящим социальным существом, что от-
кажется от требования того, чтобы его вознаграждение соответствовало
его труду, он примет истинно коммунистический принцип: "каждый /рабо-
тает/ по способностям, каждый /получает/ по потребностям". С этой со-
циальной психологией Маркс связывал и идею государственного бытия
общества.

Однако нет никаких оснований полагать, чтобы социальный перево-
рот сам по себе мог благоприятно повлиять на интенсивность труда ра-
бочего. Предшествующая социальному перевороту обостренная классовая
борьба может иметь свои положительные психологические влияния на ра-
бочий класс, вызывая чувства классовой солидарности и даже самопожерт-
вования, но она не может усилить внимания и любви рабочего к его
производственной деятельности. Если социальный переворот устраняет в
производстве антагонизм между предпринимателем и рабочим, то с пере-
ходом производства в руки общества ^{еще} не достигается отождествления в
сознании рабочего его интересов с интересами общества. "Рабочий на
государственной фабрике", говорит М.И.Туган-Барановский^{1/}, "не имеет
никаких мотивов развивать более чем среднюю энергию труда и давать
более среднего количества трудового продукта". Социальная революция,
сметая прежнюю иерархию, не может не разстроить прежней трудовой дис-
циплины. Социалистическому государству приходится затрачивать немало
усилий на то, чтобы эту дисциплину восстановить, и для этого ему, в
общем, придется вернуться к той же иерархической организации крупного
производства. Попытка навязать рабочему классу немедленно после рево-
люции коммунистический принцип "каждый по способностям, каждому по
потребностям", может лишь самым пагубным образом повлиять на произво-
дительность труда; наша республика имеет в этом отношении достаточно
горький опыт, и сейчас она всячески стремится к тому, чтобы устано-
вить самое строгое соответствие между вознаграждением за труд и его
интенсивностью.

Но не только немедленно после социального переустройства нельзя ожи-
дать коренных перемен в психологии трудящихся, но и принципиально в
процессе экономического строительства необходимо исходить из того,
что человек в своей экономической деятельности руководится эгоистиче-
скими мотивами. Наша республика немало потерпела от того, что она хо-
тела этот принцип игнорировать. Поддерживая силу этого основного
принципа классической политической экономии и в пределах социалисти-
ческого общества, мы совсем не отрицаем значения альтруистических
чувств в социальной жизни. Но бескорыстие и даже самопожертвование
люди проявляют в высшей творческой работе, в борьбе за ценности, ко-
торые они признают истинными /хотя бы другие со стороны и считали их
факциями/, и, наконец, в своей интимной жизни. Но ошибочно ожидать от
людей, чтобы они бескорыстно изо дня в день пекли хлеб, тачали сапоги
и шили платья и даже не для близких, а для дальних, которых они, мо-
жет быть, не знают и не видят. Русский пролетариат проявил исключи-
тельный запас героизма в борьбе за свой общественный идеал, но за стан-

^{1/} Социализм как положительное учение, стр.83.

ком он работал с напряжением, соответствующим получаемому вознаграждению. И герои человеческого духа не иначе регулировали свою экономическую деятельность. Спиноза писал свои трактаты из глубокой душевной потребности, он написал бы их и в том случае, если бы ему грозила за это тюрьма, но стекла он, конечно, гравил за вознаграждение. И я не задаю ничего религиозного чувства, если скажу, что создатель религии любви за свою проповедь принял крестную смерть, но, если он раньше был плотником, то плотничьи работы он выполнял за вознаграждение — это так, если в нем было человеческое естество. Только отрицая основные законы человеческой природы, можно строить экономическую жизнь не исходя из указанного положения политической экономии. Прогресс культуры выражается еще в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества, и достижимо, конечно, и в пределах социалистического общества.

После того как экспансивные надежды на то, что социалистическая организация производства вызовет громадный подъем производительности народного хозяйства, не только не оправдались, но выяснилось обратное, многие и правые, и левые социалисты, с довольно легким сердцем, готовы ответственность за неудачу сложить на рабочий класс, — не то он оказался неподготовленным, не то его захлестывает окружающая мелкобуржуазная стихия, на которую в социалистической литературе обязательно все собаки вешаются. Однако мы позволяем себе усомниться в том, чтобы неудачи нашего социалистического строительства можно было поставить в счет психологии рабочего класса. Конечно, после социального переворота никаких чудес не случилось, но вполне было их ожидать. Если же производительность труда рабочего класса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условиям — полной дезорганизации народного хозяйства и, в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за станком капиталиста.

Но если строительству социалистического хозяйства грозит опасность в субъективных моментах, то она лежит не в психологии рабочего класса, а в психологии организаторов производства.

Характерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в капиталистическом обществе марксизм совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признает он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по отначиванию прибавочной ~~вещности~~ ценности. И даже роли технического организатора производства марксизм недооценивает.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь многих экономических и даже технических организаторов его была после русской социальной революции весьма печальна. Технические руководители предполагалось заменить коллегами сознательных рабочих, а прежних экономических организаторов — интеллигентами, более или менее знакомыми с "Капиталом" Маркса. Только на горьком опыте власть убедилась, что дело не так просто. Изгнанные были экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены специалистами и возвращены

63
на свои посты.

Тем не менее, мы не можем уйти ни от старых, ни от новых специфически полезных работ, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источников сырья и подходящих рынков сбыта, — и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он переносит выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется — он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, но что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это дополнительное вознаграждение не имеет значения для стимулирования его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало страдает от неудачи и ничего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изымает его из контроля. Он добросовестно отбывает свои 6 или 8 часов в конторе и считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества нужна не формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами в психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгнили; привезли дрова, — их разворовали. Можно быть уверенным, что если предприниматель в пределах капиталистического общества возьмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгниет, и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-за которой он хлопотет, и зубами он будет отбивать покушение на свой капитал. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плохой. Представитель Внешторга объяснял, что мы пролетария, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие относились к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знает: купец, который позволяет себя надувать, не должно протаргует, и нет для него извинения.

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности; даже для такой, казалось бы, более простой задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же неспособной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовываются материалы.

Если для строительства социализма имеются трудности объективного характера, то они лежат никак не в психологии рабочего класса, они лежат в психологии его экономических организаторов. Стимулы, которые им может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А потому

45
84

тем при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе воистину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе.

IX. Социализм и сельское хозяйство

Мы до сих пор исходили из того предположения, что еще до наступления социального переворота, в процессе естественного развития капитализма, произойдет объединение всего производства в очень крупные предприятия, которые и будут национализированы. В обрабатывающей промышленности, действительно, проявляется сильная тенденция к концентрации производства, и относительное значение мелкого производства падает. Тем не менее абсолютное значение мелкой промышленности повсюду еще весьма значительно, а национализация мелких предприятий, как показывает наш опыт, ведет к их гибели, — к немалому ущербу для народного хозяйства.

Если, таким образом, и в промышленности процесс национализации производства встречает затруднения, то в сельском хозяйстве он сталкивается с непреодолимыми трудностями. Ничего подобного быстрому процессу концентрации промышленного производства в сфере сельского хозяйства не наблюдается. Существует только одна страна, Англия, в которой сельское хозяйство организовано капиталистически; и этот результат получился как продукт эволюции аграрных отношений в минувшую эпоху, в условиях коренным образом отличных от современных. Но и в Англии все же имеется около 1/2 миллиона хозяйств, и там хозяйство в 100 део. считается очень значительным, и никаких тенденций к дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства там не замечается. На континенте Европы и, в частности, в России, почти повсюду первенствующее значение имеет мелкое производство, основанное преимущественно на использовании труда крестьянина и его семьи. Даже в Социалистических штатах, где промышленный капитализм достиг такого колоссального развития, даже в этой стране трестов и миллиардеров господствует мелкая форма сельскохозяйственного производства, в которой наемный труд играет лишь второстепенную роль. Правда, площади американских ферм больше площадей крестьянских хозяйств Европы, но это объясняется экстенсивным характером американского сельского хозяйства.

Экономисты спорят о степени дифференциации крестьянства, о том, происходит ли нивелировка его или дальнейшая дифференциация. Спор этот представляет большой интерес для выяснения вопроса о том, имеет ли социальная революция почву в деревне. Марксисты доказывают, что на сторону социальной революции можно привлечь не только сельскохозяйственных рабочих, которые слишком многочисленны и рассеяны, а также и беднейшие слои крестьянства. Действительно, в русской социальной революции массы крестьянства играли самую активную роль, хотя мы думаем, что это не результат его сильной дифференциации, а общинного уклада его жизни, и мы думаем, что в деревне собственников идея социальной

46
65
революции будет иметь под собою гораздо менее благодатную почву.
Но для нас сейчас важнее ее значение имеет вопрос о результатах
социальной революции. А в этом отношении не может быть двух мнений.
Обаяние собствен ного хозяйства у беднейших крестьян; с одной стороны и
у сельскохозяйственных рабочих, настолько велико, что целью этого
крестьянства может быть только расширение своего хозяйства за счет
арендного. Таким образом, результатом социальной революции в деревне
может быть только разрушение капиталистического сельского хозяйства и
полное расширение производства.

Что же может сделать социалистическое государство с этими миллио-
нами мелких хозяйств? Как оно может эту мелкобуржуазную стихию
усложить в рамки планового хозяйства? Подтолкнуть их возможно скорее
слиться в крупные коллективные хозяйства? Если бы этот процесс шел
без всякого успеха, то он во всяком случае потребовал бы громадного про-
дукта времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на успех?
Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной кооперации она
нигде на свете еще не привела к возникновению коллективных хозяйств.

Полная производительная кооперация не может похвастаться успехами
в сфере промышленности, хотя усилый в этом направлении сделано доста-
точно. Можно даже с известным основанием утверждать, что идея государ-
ственного социализма родилась в связи с неудачами производительной ко-
операции. Потому ли производительная кооперация в сельском хозяйстве
должна иметь особенный успех, что самые выгоды крупного производства
в сельском хозяйстве сомнительны? Или потому, что кооперирование сель-
скохозяйственного производства требует и кооперирования домашнего хо-
зяйства, что в свою очередь связано с своеобразными трудностями? Идея
искусственного создания колхозов, конечно, не могла дать ниче-
го положительного.

Остается для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматри-
вать их как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных
вести хозяйство под диктовку власти и обязанных сдавать весь продукт
государству. Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его сла-
бых чертах и лишить его единственного преимущества — личной заинтересо-
ванности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убеждены в том, что социалистическое государство в состоя-
нии организовать промышленность, но овладеть ею оно может, это пред-
сказывал Маркс, а это подтвердила наша революция. Совершенно иначе об-
стоит с сельским хозяйством. Социальная революция в деревне не содер-
жит в себе ни крупицы социализма, она не только не приближает сельско-
го хозяйства к социалистическому идеалу, наоборот, она отбрасывает его
от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой "мелкобуржуазной стихией",
если удовлетворить ее органическому требованию свободной обмены, то,
в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического
хозяйства, — система планового распределения хозяйственных благ в го-
сударственном масштабе, — взрывается.

Мы стоим перед удивительным зрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ни перед чем не останавливались для торжества своей идеи, собственными руками уничтожают плоды своего творчества и, заменяя строй гармонический, чуждый эксплоатации, строем анархическим, построенным на эксплоатации, ждут именно от последнего увеличения ресурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, как социалисты усиленно приглашают в страну иностранных капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную ценность, уничтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?

Прежде всего социализма на это отвешивает: "Тут нет ничего удивительного. Этот печальный результат мы предвидели. Маркс говорил, что социальная революция может иметь успех только тогда, когда все предпосылки для социалистического строя готовы, а в России, в стране крестьянского хозяйства, этих предпосылок не было".

Такая точка зрения может быть оправдана буквой учения Маркса, может быть подкреплена кое-какими нитатами из него, но едва ли она соответствует его общему духу.

Промышленный капитализм получил в России умеренное развитие, он не превратил к себе на службу значительной части населения страны. Но, поскольку русская промышленность существовала, она, в смысле учения Маркса, созрела для социальной революции. Благодаря тому что русская промышленность не развивалась столь органически, как промышленность на Западе, благодаря тому, что она насаждена в течение последних двух столетий правительством, дворянством, иностранным капиталом, она представляла собой картину поразительной концентрации и, вконец, в смысле комбинирования последовательных стадий переработки продукта с различными подсобными производствами. Русские заводы: Путиловский, Обуховский, Бранский, Малышевский, русские мануфактуры являлись колоссами не только на русский масштаб, но и на международный. И трости овенне и объединение русской промышленности заложили кануны революции совсем далеко. Русские столицы представляли собой громадные центры с оплеченным промышленного пролетариата, организованного в недрах предприятий-колоссов. Отсутствие демократического режима, невозможность легальной защиты своих экономических интересов поддерживали боевое настроение пролетариата и подготавливали социальный взрыв. Концентрация промышленности соответствовала концентрации богатства в тонком слое крупной буржуазии. Но то же причина, вследствие неорганического характера развития русской промышленности, в России не имелась та широкая масса мелкой городской буржуазии, которая в европейском городе стоит между пролетариатом и крупной буржуазией, смягчая их столкновения. Противоположность между роскошью верхов и бедностью низов была в русском городе разительнее, чем где бы то ни было. Итак, русский город вполне созрел для предусмотренного научным социализмом "Zusammenbruch" а.

Правые социалисты нам, конечно, возразят, что если относительно русского города можно спорить о том, созрел ли он или нет для промышленного Марксом социального переворота, то социально-экономический облик русской деревни к схеме Маркса уже во всяком случае не подходит. А Россия страна аграрная, и, следовательно, если русская деревня не созрела для социальной революции, то, значит, не созрела и вся страна. Но если зрелось Россия для социализма определять с точки зрения ее деревни, то позволительно спросить правых социалистов: когда же при таком буквальном толковании учения Маркса такая аграрная страна как Россия созреет для социализма? Ведь пределы индустриализма ограничены, — даже для двух менее многолюдных стран, чем Россия, для Англии и Германии, мир оказался тесен. Русской промышленности придется в будущем рассчитывать почти исключительно на собственный внутренний рынок, и владея 1/6-ой частью земного шара, Россия останется страной аграрной. А между тем никаких заметных признаков концентрации сельскохозяйственного производства в России не было заметно. Если держаться буквы учения Маркса, то придется признать, что ни Россия, ни какая бы то ни было аграрная страна для социальной революции в обозримом будущем не созреет, и, следовательно, схема научного социализма к аграрным странам вообще не относится. Общезначимость схемы Маркса этим отрицается.

Да и самая политическая позиция правых социалистов вызывает глубокое недоумение. Если правые социалисты признают страну незрелой для социальной революции и совершенно не в состоянии предусмотреть, когда она даже в отдаленном будущем для нее созреет, то какой же смысл имеет их социалистическая пропаганда в массах? Нельзя же в самых черных красках рисовать правовое демократическое государство, объявлять его ведущим к обнищанию трудящихся, нельзя же в самых розовых красках рисовать социалистический строй, чтобы заканчивать свою проповедь предложением трудящимся сидеть смирно и "годить", когда общество созреет для социализма. А когда разогитированные народные массы откажутся пассивно ждать этого лучшего будущего, то нельзя, умытая руки, заявлять, что мы, мол, тут ни при чем, мы предлагали "годить". Конечно, и Маркс не благословлял каждого илтема рабочих, но вся его пропаганда освещена твердой верой в близкое торжество социализма, и никакими случайными цитатами из трудов Маркса нельзя замаскировать этого несомненного, глубокого революционного характера его учения.

Если же правые социалисты считают себя призванными бороться за конкретные интересы рабочего класса, то для этой цели нет нужды ослеплять их социалистическим идеалом. О том, что ждет нас в далеком будущем, можно писать в ученых книгах, но об этом пусть не говорят на митингах. В политике "довлест дню злорада его". Ведь английские традиции в истории английского рабочего класса кое-что значат, а они даже не ходят под красным флагом.

С духом революционного марксизма, по моему мнению, согласны не правые, а левые социалисты. Только у них слово с делом не расходится. Если социализм есть великое благо, то о нем следует не мечтать, а

спасает строить. Творческие силы нового строя проявятся и преобразят мир, даже если действительность и не во всех частях подходит под предусмотренную схему. Даже величайший гений не может предусмотреть всего многообразия эволюции человечества. Самая возможность социальной революции, наличие у пролетариата силы для ее осуществления, согласно учению Маркса, свидетельствует о том, что "время пришло", ибо политическая сила класса строится на экономических предпосылках. Так, и только так, по нашему мнению, могут думать истинные последователи учения Маркса. И надаром виднейший представитель научного социализма на Западе, Маринг, благословил русскую революцию.

Но в таком случае почему же русская революция, начавшись в городе, сумела увлечь в свой круговорот деревню, одержав блестящие победы в борьбе с контрреволюцией и во внешней политике и в конце концов оказалась столь несчастливой на фронте экономического строительства?

Официальное объяснение таково: крепость и капитализм взята слишком стремительным штурмом. Может быть, под крепостью следует разуметь мировой капитализм, который пока что еще стоит? Однако вопреки общему представлению мы не усматриваем того, чтобы необходимой предпосылкой успешного строительства социализма в России была всемирная социальная революция. Если бы речь шла о такой чисто индустриальной стране как Англия, то действительно трудно было бы себе представить там социальную революцию без того, чтобы подобная революция не произошла если не во всем культурном мире, то по крайней мере в английских колониях. Существование Англии без внешней торговли невозможно, а она, конечно, будет совершенно дезорганизована, раз в торгующих странах правовые нормы окажутся диаметрально противоположными. С прекращением же своей внешней торговли Англия в первый же год после социальной революции вынуждена бы сгореть. Таким образом, вопреки господствующему мнению, опыт строительства социализма должен быть предпринят в первую очередь не в странах одностороннего высокого развития индустриализма, а в странах более или менее самоодончающего хозяйства. К числу их относятся прежде всего Соединенные Штаты, а затем и Россия.

Действительно, разве наше народное хозяйство настолько зависимо от Европы, чтобы блокада сама по себе могла нас погрузить в пучину бедствий, если бы только мы умели изладить свое хозяйство. Продовольствия у нас всегда было в изобилии. Из прядильных материалов мы одни /лен, ленку/ вывозили в громадных количествах, а недостатку в других /хлопке, шерсти/ могли бы легко пополнить расширением собственного производства. Лес у нас имеется в громадном избытке, несть того, а мы можем этими видами топлива и торфом покрыть недостаток в каменном угле. Руды у нас имеются. Рельсы наши заводы прокатывали, паровозы — строили. Если же некоторые сложные машины у нас не производились, то если социализм действительно способен поднять производство на высшую ступень, эти небольшие дефекты удалось бы собственными средствами пополнить. Когда у нас говорят, что Россия голодает вследствие блокады, то вспоминается ироническое замечание англичан: Нью-Кастль /главный город экспорта английского угля/ замерз оттого, что блокада отрезала

ому подвоз топлива. Именно в России, в стране почти самообеспечения, опыт строительства социализма должен был иметь шансы на успех.

Но мы знаем, что действительность этих чаяний, правильно основанных на марксистской доктрине, совершенно не оправдала. Нельзя указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процветала. И полная очевидность результата вынудила убежденных коммунистов идти к улучшению от частичного возврата к свободному обмену и капитализму.

Итак, объяснения, которые нам дают и правые, и левые социалисты, причины неудачи социалистического строительства представляются нам одинаково несостоятельными. Все наше предыдущее изложение, сием мы думать, дало нам истинное объяснение этой неудачи.

Мы не беремся судить об успехах всемирной революции на Западе. Нестойкий экономический кризис, в который ввергнута Европа в результате мировой войны, еще не лжжит, и это положение грозит социальными катаклизмами. Но мы не имеем никаких оснований усматривать в социальной революции средство для преодоления этого кризиса, и русская революция нас в этом не убедила. Подобные сомнения зарождаются в умах весьма авторитетных ученых социалистов. "Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану"... "У нас сейчас нет готовых утопий, которые можно воплотить народным решением"... Так осторожно теперь выражается Карл Каутский, который во всей предыдущей научной и политической деятельности утверждал как раз обратное.

В одном, однако, мы можем вполне согласиться с современным коммунизмом: если мы не признаем социальной революции средством для преодоления экономического кризиса, то мы не усматриваем его и в персальском мире. И если флагом современного коммунизма станет борьба против агрессивного империализма, то он найдет опору не только в классе промышленников, который пока не оказался в этом вопросе особенно стойким, но и в других классах современного общества. Для того чтобы быть противником современного агрессивного империализма, социалистическая идеология нам не представляется необходимой.

Примечание к статье Б.Д. Брушуса:

Данная статья перепечатана составителями из журнала "Экономист", выходившего в СССР в 1922 году. Первая часть этой статьи была опубликована в сборнике ЭЭС № 8. Однако, в связи с тем, что ЭЭС № 8 стал библиографической редкостью, составители воспроизводят статью полностью.

10-78

Н. Горчаков

РЕЦЕНЗИИ-ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ ЛАСЛО САМУЭЛИ "ПЕРВЫЕ МОДЕЛИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ПРИНЦИПЫ И ТЕОРИИ", БУДАПЕШТ, 1974

С общей точки зрения эта книга, написанная венгерским автором, является попыткой доказать, используя опыт первых лет Советской власти, совместимость социализма и методов рыночной экономики. В теоретическом плане эта проблематика является, конечно, весьма актуальной и нынешней в Венгрии.

В книге анализируется экономика Советской России 1917-1928 гг., включающая военный коммунизм, НЭП и, наконец, период перехода от НЭПа к нынешнему типу социализма. Экономическая история раскрывается в книге главным образом через высказывания ведущих экономистов и политических деятелей того времени. В тексте рецензии почти все цитаты даны в обратном переводе с английского.

1. Идеология Военного Коммунизма /ВК/.

Хронологически изложение в книге начинается с высказываний Маркса и его последователей - немецких социал-демократов.

Автор пишет, что если не считать оговорок Маркса и Энгельса о невозможности научного предвидения форм будущей социалистической экономики /Маркс поясняет свою мысль следующей фразой: "Черты животного высшего организации в животном низшей организации можно понять только если эта высшая организация уже известна"; 13 /, из отдельных отрывочных заявлений следует, что Маркс и Энгельс представляли себе социалистическую экономику как строго централизованное распределение средств производства, рабочей силы и потребительских товаров. Защищая Маркса, автор отмечает, что эта сторона марксизма, неопределенно изложенная в трудах Маркса, приобрела вполне определенный вид только в трудах его последователей - немецких социалистов, например, Каутского. Автор цитирует раннего Каутского и Эрфуртскую программу 14, и из этих цитат возникает образ того самого социализма, который пытались построить во времена ВК и который в основных чертах существует в настоящее время в СССР.

Основной идеей этого социализма является превращение общества в единое предприятие. В этой связи думается, что социалисты, как пророки, чувствовали тенденцию к монополизации, но как пророки не очень большие, не предвидели, что в течение столетия эта тенденция угаснет. /Последние 30 лет монополизация, по мнению проф. П. Самуэльсона, не возрастает/.

Поскольку при слиянии предприятий и образовании монополий необходимость в товарно-денежных отношениях внутри монополий отпадает, из ос-

72
новой идеи следует, что необходимость в товарно-денежных отношениях отпадает в социалистическом государстве.

Отсюда получаются любопытные следствия, которые теперь кажутся совершенно однозначными. Например, что именно товарно-денежными отношениями обусловлено в значительной степени разделение труда, и что после их отмены общество будет состоять из относительно небольших самообеспечивающихся сообществ, обменивающихся только излишками производства. Правда, поздний Каутский писал, что деньги придется сохранить, пока не придумано что-нибудь лучшее, однако настаивал, что деньги нужны для оборота, а не для управления экономикой. /Нечто близкое к современной советской экономике/. Эти концепции — всего лишь видоизменения основной идеи общегосударственного предприятия, идеи, которая прошла через всю экономическую историю Советской власти, давая мощные ростки в развивавшихся странах, а также на какой-то период смутила некоторых умов на Западе, включая Дж. Гелбрайта.

Идея превращения всей экономики в большое предприятие нашла свое воплощение в политике военного коммунизма /ВК/, с которой и начинается предприятие, автором изучения советской экономической мысли. Автор опирается на известную работу Бухарина "Экономика переходного периода" 18 как на основную экономическую работу этого времени. Я попытаюсь кратко изложить высказывания Бухарина, приведенные в рецензируемой книге.

В общей тенденции к слияниям и, в особенности, в событиях первой мировой войны, вызвавших рост государственно-монополистической организации, Бухарин усматривает выражение общего направления экономической истории. Он пишет: "Математическим пределом этого направления является переход экономики всей страны в абсолютный монополистический объединенный трест, в котором все индивидуальные предприятия прекратят существование и превратятся в цехи, отделенные треста, внутри которых, следовательно, социальное разделение труда превратится в техническое и вся экономика превратится в совершенно однородное предприятие, принадлежащее группе буржуазии".

Этот же процесс произойдет и при социализме, но уже в интересах всего общества. Иррациональная экономика, построенная на слепых силах рынка и конкуренции, превратится в общественную, управляемую по тщательно разработанному плану. Такие категории как стоимость, цена, прибыль и др. отомрут и вместе с ними отомрет теоретическая экономика /последнее есть и у Маркса/. Отомрут деньги, товарно-денежные отношения вместе с товарно-денежнымfetishизмом, заслоняющим реальное содержание каждого продукта. Отомрут и зарплата, поскольку рабочие будут получать не деньги, а общественно-трудовой чек.

Следует подчеркнуть, что изложенные выше взгляды не были точкой зрения одного Бухарина, а выражали линию партии. Автор цитирует партийную программу большевиков, принятую в 1919 году 4, стр. 127: "В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение про-

дуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать оставшиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих отмену денег..."

В книге приводятся аналогичные высказывания Оболенского /Осинского/ 21 — управляющего государственным банком, а позже первого председателя ВСНХ, Ларина /Дурье/ 27 — позже члена ВСНХ, Преображенского 19 — экономиста. Такой же точки зрения придерживался и Ленин, который, прочитав книгу Бухарина, не сделал никаких критических замечаний по поводу экономики социализма.

Мы коснулись первой важной черты коммунистической организации хозяйственной жизни — натурализации экономических отношений. Л. Самуэли подробно останавливается на второй важной идее русского и нерусского социализма, оказавшей чрезвычайно разрушительное воздействие на жизнь в СССР, — идее "принуждения".

Эта идея является простой и по-своему правильно". При капитализме рабочий не свободен, ибо рыночные силы направляют его на нужное экономике место. При социализме, до тех пор, пока общество не охватила всеобщая сознательность, роль экономического принуждения будет выполняться сила. Бухарин пишет о необходимости принуждения по отношению к непролетарской части общества и сознательной части пролетариата по отношению к несознательной. Это принуждение осуществляется государством. Оно постепенно отмирает по мере роста сознательности и приближения к коммунизму.

Еще более откровенно эти взгляды высказывались Троцким в выступлении на IX съезде партии в марте 1920 года, одобренном съездом 28. В Большой Советской Энциклопедии, 1927 г., указывается, что имеется экземпляр книги Бухарина "Экономика переходного периода" с пометками Ленина. Если судить по заметкам на полях, то, по-видимому, наиболее понравилась Ленину глава XI "Внеэкономическое принуждение в переходный период". Вся она испещрена его пометками: "верно!", "Оч. хорошо!", "с'е", "е", "о", "вот именно", а в конце ее Ленин отмечает: "вот эта глава превосходна".

В связи с обсуждаемой здесь ролью сознательности в управлении обществом автор рецензии хочет напомнить вопрос, заданный П. Самуэльсом в его знаменитой книге "Экономика": "Если все члены общества будут социально ответственны и будут стремиться к наилучшему выполнению своей работы, будет ли этого достаточно для рационального управления хозяйственной жизнью?" Нетрудно видеть, что ответ отрицателен. Приведу грубый пример. В условиях нерыночного хозяйства руководитель предприятия не сможет решить, какой из двух альтернативных дефицитных продуктов использовать в производстве, не опросивши всех потребителей этих продуктов.

Заканчивая этот обзор идеологических оснований НК, следует при-

вести неоднократно поднакриваемую автором мысль о том, что ВК не был просто вынужденной мерой, а был вызван влиянием социалистической идеи и потребностей военного времени.

В наибольшей целостности социалистические взгляды проводились в жизнь в период 1918-1920 гг. Автор отмечает три основных принципа, лежащих в основе ВК.

Во-первых, это максимальное расширение государственной собственности и центрального управления. В 1920 году 13,9 % государственных предприятий состояли из одного рабочего, 66,7 % — от 2 до 15 рабочих, 10,9 % — от 16 до 30 рабочих. На государственных предприятиях работало 53,3 % работающих, но и остальные работники, частные и кооперативные предприятия находились в режиме военного времени под прямым государственным управлением. 5. Аналогичное положение было на транспорте и в связи. Частная легальная торговля была запрещена. Тем не менее 33-48 % хлеба, 70-89 % крупы, 95-97 % картофеля, 75-81 % калорий покупалось на свободном рынке 11, 12. В декабре 1920 года была принята Ум съездом Советов резолюция, не проведенная в жизнь, подчинявшая крестьян насильственному прямому плановому управлению 4, 191-196 /см. также ниже/.

Централизованное управление осуществлялось ВСНХ, находившимся под прямым контролем правительства. Управление производством проводилось через главки, подчиненные ВСНХ и его отделам, однако на практике чрезвычайно независимым /возник даже термин "главкизм"/. Централизованным распределением продукции занималась Комиссия Исползования, подчиненная ВСНХ. Номенклатура распределяемой продукции все время расширялась — от 19 наименований в 1918 году до 352 в 1920, охватив к концу ВК весь официальный товароборот.

Усиление централизованного управления сопровождалось стремлением подорвать рыночное хозяйство. Государство проводило огромную эмиссию денег, преследуя этим многообразные цели. Во-первых, оно расширяло денежную основу товарных отношений. Во-вторых, эмиссия денег позволяла государству и части общества, которая получала зарплату, осуществлять изъятие ценностей у другой части населения. Следует подчеркнуть, что эмиссия денег осуществлялась в то самое время, когда торговля была запрещена, т.е. как бы специально для нелегального рынка! 7, стр. 122-123. Идея неограниченной эмиссии привела к краху практически одновременно с крахом ВК. К 1921 году доходы от эмиссии денег даже не покрывали расходов по их печати.

Вторым принципом ВК Д. Самуэли называет насильственное распределение рабочей силы. Сюда включается как прокламированная обязанность каждого работать, так и огромная, судя по описанию автора, мобилизация людей на принудительные работы, создание трудовых армий из частей Красной Армии, например, Сибирской, донецкой, кавказской, Украинской трудовых армий общей численностью 280.000 человек 4, стр. 32, 122-123, 151-152, 6, стр. 53-54.

Третьим принципом был классовый и социальный метод распределения. Первую группу паёв получали рабочие, занятые на опасных для здоровья

производствах, вторую — занятые на тяжелых работах, третью — занятые на легких, ручных, административных, умственных работах или домохозяйки, четвертую — люди свободных профессий, живущие на доход с капитала и др. Отношение паев было 4:3:2:1 9 .

II. Переход к НЭПу

История обозначила с большой точностью момент перелома и перехода от прямого к рыночному управлению. Голод резко обострил продовольственную проблему. К концу 1920 года сформировалось мнение, что продовольственную проблему можно решить применением насильственных методов к сельскохозяйственному производству. 28 декабря 1920 года на XIII съезде Советов была принята резолюция по посевной кампании, предусматривающая планируемые повинности индивидуальным крестьянам, обязательный сев в соответствии с центральным планом /где сеять, сколько, какими методами/, централизованное накопление, хранение и распределение семян, осуществляемое посевными комитетами 4, 191-196 . Выступая 4 февраля 1921 года на Московской конференции рабочих-металлургов, Ленин твердо заявил: "Отменить посевную кампанию все равно что прыгнуть из окна пятого этажа". Однако 4 дня спустя, 8 февраля 1921 года, на заседании Политбюро уже обсуждался вопрос о замене разверстки налогом. Л. Самуэли отмечает, что решение круто повернуть экономический курс было принято под нажимом внутренних обстоятельств, а не вследствие появления новой концепции. Крестьянские волнения, мятежи, беспрецедентный голод вынудили перейти к разумной политике в области сельского хозяйства. /Автор настоящей рецензии выражает надежду, что пересмотр нынешней сельскохозяйственной политики будет предпринят в менее критических условиях/. 17 марта 1921 года делегаты X съезда партии единогласно одобрили предложения о замене продразверстки продналогом и разрешении свободной торговли сельскохозяйственной продукцией.

Л. Самуэли отмечает, что идея продналога не была новой. 30 октября 1918 года Советским правительством было даже принято решение о введении продналога, но оно не выполнялось. В феврале 1920 года Троцкий предлагал продналог на пленуме ЦК, но предложение было отклонено 29 . Л. Самуэли ставит Ленину в заслугу то, что предложение о продналоге было сделано им в момент, когда партия созрела для него, и в то же время раньше, чем от государства ничего не осталось.

III. Идеология НЭПа.

После поворота к НЭПу стали появляться работы, критически оценивающие период ВК и теоретически объясняющие необходимость НЭПа 31-44 . Основная их логика заключалась в том, что в России в то время не было условий для прямого перехода к коммунизму. Во-первых, отсутствовал в готовом виде тот социальный экономический регулятор, который должен был заменить по марксистской концепции рыночное управление и вместо которого использовалась сила. Во-вторых, Россия являлась страной с неравными производительными силами, самым большим сектором ее экономики

был мелкотоварный сельскохозяйственный сектор. В-третьих, надежды на всемирную революцию и приход к власти пролетариата ~~в Европе~~ в Европе не оправдались. /В случае победы революции во всей Европе значение отсталости России было бы гораздо меньше/.

Это привело Н.И. Ленин. Относительно того, какую ценность представлял НЭП, существовало две точки зрения. Одни считали НЭП чисто политической уступкой под влиянием тяжелого момента. Другие считали НЭП конструктивной фазой переходного периода от капитализма к коммунизму. С этими двумя точками зрения были связаны и мнения относительно глубины и широты охвата общества НЭПом. Одна концепция, высказываемая Лениным в начале НЭПа, объясняла НЭП как необходимую связку между индустриальным и мелкотоварным сельскохозяйственным производством. Вторая концепция, также высказываемая Лениным, но позже, утверждала НЭП как чрезвычайно полезный метод управления всей экономикой в переходный период.

"Вы мне сказали, что некоторые не в тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно о том, чтобы мы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть прилежательны к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы /может быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения/, конфискацией всего имущества и т.д." - Ленин, Письмо к Г. Сокольникову. Полное собр. соч., т. 54, стр. 150.

"Новая экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет только подход к его осуществлению". - Ленин, Письмо к Г. Крижановскому. Там же, стр. 101.

Хотя все экономисты одобряли НЭП, его развитие вызвало размышления, актуальные, как мне кажется, и сейчас для тех, кто обдумывает пути развития советской экономики. Они /И. Ковалевский, А. Ракин, Л. Красин, Л. Крицман, В. Смирнов/ отмечали, что хозрасчет не привел к гармоничной записи экономической структуры общества. Два из довода надо считать особенно важными, сравнивая капиталистическую и НЭПовскую экономические структуры. Во-первых, они писали о безответственности руководителей самостоятельных хозрасчетных государственных предприятий в условиях, говоря нашими словами, централизованно-бюрократического управления экономикой. /В капиталистической экономике роль контролера выполняет либо довольно искусственный совет директоров, избираемый собранием акционеров, либо собственник - но нельзя же советского руководителя делать собственником/. Во-вторых, НЭПовская структура не стимулировала капиталовложения, особенно долгосрочные, ни в государственном, ни в частном секторе. /Для самонапущенности необходимо право собственности и уверенность в долгосрочной перспективе/. Процитируем статью Смирнова в журнале "Красная Новь" 34: "...даже при ее технической отсталости, в условиях свободного рынка мелкая промышленность имеет огромные пре-

77

имущества перед крупной. Таким образом, имея в виду существующую нехватку в сфере и продовольствии, мелкая промышленность может лучше удовлетворять потребности этого рода на местном рынке, который в то же время является рынком сбыта. Исследствие разрухи на а экономику, оставленная на произвол рыночных сил, пойдет по пути уничтожения крупной индустрии и медленного появления ее из молкай".

Для решения этой проблемы Смирнов предлагает использовать иностранный капитал, но сомневается в надежности этой возможности.

В преодолении этих недостатков НЭПа возникли две линии, от имени которых в книге выступают Преображенский 41 и Бухарин 42-44.

Бухарин отстаивал позднюю ленинскую точку зрения, что дальнейшее развитие хозяйства будет определяться конкуренцией социалистического сектора экономики с другими секторами, в результате чего последние будут вытеснены. Этот постепенный процесс может протти без обострения классовой борьбы.

Преображенский писал, что необходима более решительная политика роста социалистической крупной индустрии за счет остальных секторов экономики. По мере экономического роста государство должно с помощью налогов, монополии внешней торговли, эмиссии денег и национализации осуществлять перекачку излишков из не социалистических секторов в социалистический сектор. Этот процесс будет происходить тем быстрее, чем быстрее экономический рост, и приведет к ожесточению классовой борьбы, в которой противники социализма — мелкая буржуазия и кулаки — будут разгромлены. Произойдет стремительный рост индустрии, электрификация, рост колхозов и совхозов, приток квалифицированных рабочих из заграницы и т.п.

Заключая этот обзор взглядов периода НЭПа, я хотел бы пропитировать некоторые любопытные высказывания экономистов того времени, приведенные в книге.

Троцкий, выступая на XI съезде партии 30, говорил о том, как трудно централизованно управлять экономикой, даже такой концентрированной отраслью, как железнодорожный транспорт. В его докладе есть слова, в которых он рекомендует европейцам сохранить товарно-денежные отношения и не централизовывать экономическую жизнь после захвата власти. Его точка зрения тем интереснее, что Троцкий был одним из идеологов ВК и инициаторов создания трудовых армий.

Крижан, отстаивая гармоничное планирование, писал в то же время об экономических робытиях, подобных вышесказанному, в главе "Анархия пролетарско-натуральной экономики" своей книги 39. Он считает, что причина кризисов как при капитализме, так и при социализме лежит в неспособности общества координировать работу хозяйственных единиц. Аналогично капиталистическому кризису перепроизводства, приводящему к появлению излишков у производителя, социалистический кризис приводит к появлению излишков у потребителя, которому данный товар поступил в количестве, не соответствующем поставкам других товаров, нужных для производства /при общей нехватке данного продукта/. Аналогично, в социалис-

ком обществе возникает невидимая безработица, связанная с несоответствием размеров сил поставкам сырья для производства и с плохой организацией производства. "Перебои в снабжении, связанные с этими чертами анархии пролетарско-натуральной экономики, являются не менее постоянными, чем трудности товарно-капиталистического общества; если в последнем случае периоды зстоя и кризиса сменяются периодами бумов, в экономике пролетарско-натурального типа трудности снабжения проявляются то в одном месте, то в другом, и усиливаются все время, переходя в общий кризис".

В целом II-II и переход от него к директивной экономике описан в книге недостаточно обстоятельно, что вызовет, вероятно, чувство сожаления и у читающих эту рецензию.

Заключение

Рецензируемая книга, не являясь оригинальной, новой или фундаментальной работой по поднятым вопросам, заслуживает интереса освещением уже забытой идеологии настоящего социализма, хорошо описывает экономику ВК, а также содержит интересные высказывания политических деятелей и экономистов первых 10 лет Советской власти. Недостатком книги, может быть, связанным с условиями, в которых она написана, является попытка навязать идею рыночного социализма, который, с моей точки зрения, может быть лишь неустойчивым состоянием между экономикой прямого управления и смешанной экономикой. Тем же причинами, наверное, следует объяснить желание сохранить социалистическую идею и приписать Марксу и Ленину одобрительное отношение к рыночной экономике.

Л и т е р а т у р а . . . к . к н и г е

1. И. Ковалевский. "3 лет экономической политики пролетариата". Плановое хозяйство, 1926, № 10, 20-21.
2. Политическая экономия. Учебник. М., 1954, 330-331.
3. И. В. Сталин. Программа Коминтерна. Речь 5 июля 1928 г. М., 1954, 152-153.
4. Директивы ВЦИК и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 годы. М., 1957, т. I, 27, 32, 52-54, 83, 91, 114-115, 122-123, 127, 151-152, 191-196, 206-207, 214-215, 264-268.
5. "На новых путях" /под ред. В. Милутина, С. Струмилина, Л. Крицмана и др./ . М., 1923, ч. 3, 176.
6. Л. Гродский. "Безденежная политика Советской власти. 1917-1927". М., 1928, 53-54, 61-63, 71-75, 88.
7. Л. Крицман. "Единый хозяйственный план и Комиссия Исполнения". Народное хозяйство, 1920, № 18, 28-35, 118, 122-123.
8. А. Гордон. "Система плановых органов. СССР". М., 1929, 13.
9. П. Леменко. "История народного хозяйства СССР", т. 3. М., 1956, III-IV.
10. С. Зак. "Товарооборот и торговая сеть в Российской империи и в СССР". Плановое хозяйство, 1927, № 11, 95.
11. С. Сельнер / / . "Проблемы теории и практики эмпирического хозяйства". М., 1924, 152.
12. Статистический ежегодник. 1918-1920, часть I, с. 8, 16, 24, 25.
13. К . . .
14. . . .
15. . . .
16. . . .
17. . . .
18. Н. Бухарин. "Экономика переходного периода". М., 1920, ч. I; 7, 10-11, 14-15, 27-28, 30, 34, 73, 101-102, 124-126, 134-136, 138-140, 144-145, 157.
19. Е. Преображенский. "Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры". М., 1920, 29.
20. Г. Сокольников в книге 30 .
21. Л. Оболенский. "Безденежные расчеты и их роль в финансовом хозяйстве". Народное хозяйство, 1920, № 1-2; 8-9.
22. Е. Варга. "Исчисление стоимости производства в безденежном хозяйстве". Экономическая жизнь, 1920, № 224, 259.
23. Х. Креве. "Учет трудовой ценности предметов и очередные задачи хозяйственного строительства". Народное хозяйство, 1921, № 1-2.
24. С. С. Струмилин. "Проблемы экономики труда". М., 1925, 202-233.
25. М. Мит / / . "К вопросу об измерении трудовой стоимости". С. Клепиков. "Опыт построения системы хозяйственных измерителей в промышленности". Народное хозяйство, 1921, № 3.
26. А. В. Чаянов. "Метод безденежного учета хозяйственных предприятий". М., 1921.

27. О. Ларин, Л. Кришман. "Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России". М., 1920, 47-51.
28. Девятый съезд Российской Коммунистической Партии. Стенографический отчет. /29 марта - 4 апреля 1920 г./ М., 1920, 79-81, 84.
29. Протоколы I съезда РКП/б/. М., 1933, 81, 352, 436, 437, 448.
30. Протоколы XI съезда РКП/б/. М., 1936, 118-119, 142, 153-155, 285-288, 313.
31. М. Ольминский. "О книге Бухарина". Красная Новь, 1921, № 1 /июнь/, 249, 251.
32. И. Смилга. "Пять лет новой экономической политики". Плановое хозяйство, 1926, № 3, 48-52.
33. О. Ларин. "О пределах приспособляемости нашей экономической политики". Красная Новь, 1921, № 4, 148-151, 154-155, 159-160.
34. В. Смирнов. "Наша экономическая политика". Красная Новь, 1922, № 1, 199-207.
35. Л. Б. Красин. "Государственный хозяйственный план и монополия внешней торговли". Плановое хозяйство, 1925, № 5, 7-8.
36. Л. Б. Красин. "Вопросы внешней торговли". М., 1920, 18-19.
37. "К четвертому году". Плановое хозяйство, 1928, № 1, 7.
38. Кактин. "Развитие элементов плановости во внутренней и внешней торговле СССР". Плановое хозяйство, 1926, № 3, 84.
39. Л. Кришман. "Героический период Великой Русской Революции. /Эссе о так называемом Военном Коммунизме/." 68, 77, 97-104.
40. А. Стетский. "О героической поэме тов. Кришмана". Большевик, 1925, № 2, 94, 99-100.
41. Е. Преображенский. "Перспективы новой экономической политики". Красная Новь, 1921, № 3, 201-212.
42. Н. Бухарин. "Новый курс экономической политики". Госиздат, Петроград, 1921.
43. Н. Бухарин. "О новой экономической политике и наших задачах". Большевик, 1925, № 8; 3-14, № 9-10; 3-15.
44. Н. Бухарин. "О ликвидаторстве наших иде". Большевик, 1924, № 2.

81

13. К. Marx "Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie", Dietz Verlag Berlin, 1953, p. 26
14. К. Kautsky "Das Erfurter Programm", Dietz-Vorwärts, Stuttgart-Berlin, 1922, 100, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 145-146, 151.
15. К. Marx, "Capital", vol. I, Foreign Language Publishing House, Moscow, 1961, 79, 751.
16. Kautsky, "Die Soziale Revolution", Vorwärts, Berlin, 1906, 81, 83.
17. Kautsky "Die Proletarische Revolution und ihr Programm", Dietz, Berlin-Stuttgart, 1922, 340.

СВОБОДНЫЕ СТРОИТЕЛИ В СССР

И - свободный строитель, "шабашник". По договорам подряда работаю с 1964 года, в качестве бригадира вольно-наемной бригады с 1970 года. Начал работать на стройке в качестве постоянного рабочего в том же 1964 году. Место работы: СУ-5, Боровского СМУ, Кустанайской области. Статус постоянного рабочего регламентирован трудовым законодательством. Это законодательством может быть введено в одну фразу.

Человек работает и отдыхает так, как нужно центральной власти, получая за труд столько, сколько считает нужным ему дать центральная власть.

Подобная регламентация отрицает человека-созидателя. То же законодательство оставляет "шабашника" за границей государственной регламентации труда. "Шабашник" остается вне режима государственной строительной организации, оставаясь спонтанным.

Работа по свободному договору подряда представляет следующее:

- а/ заключается договор в письменном виде на определенный объем работ;
- б/ устанавливается вознаграждение за выполненную работу;
- в/ для ускорения работы перечисляются взаимные обязанности организации и бригады свободных строителей;
- г/ договор утверждается начальником организации, гл. бухгалтером и прорабом, при согласовании с вышестоящей организацией, с одной стороны, и бригадиром с тремя выборными от бригады с другой стороны;
- д/ на место строительства выезжают 2-3 разведчика для организации быта и работы подсобных производств;
- е/ телеграммой или по телефону вызывается бригада;
- ж/ вознаграждению выплачивается два раза в месяц.

По такому договору я работал в качестве бригадира вольно-наемной бригады с 1972 по 1979 год. С 1964 года по 1971 год выполнял частные подряды.

Для лучшей ориентировки и последующего анализа результатов работы в государственных строительных организациях по договору подряда представляю по схеме:

- а/ время работы, состав бригады;
- б/ место работы, объект;
- в/ сметная стоимость работ по договору;
- г/ вознаграждение за выполненные по договору работы;
- д/ препятствия при строительстве;
- е/ методы преодоления препятствий;
- ж/ выводы.

1972 год. Бригада из 4-х студентов при двух строителях-специалистах.

Перестройка разваливающейся конюшни в новый гараж на 8 мест в совхозе, с.Бродокальжак, Южный Урал.

Сметная стоимость работ 20 тысяч рублей.

Заработная плата по договору 5 тысяч рублей.

Смету и договор составлял и утверждал прораб совхоза, но промешивая недодел он подсчитал нашу зарплату и установил, что она составляет 70 рублей в день. Сметная стоимость и вознаграждение были уменьшены на 25 %. После выполнения самых грязных работ: уборка более 500 куб.м. навоза, разборка старых стен, возведение новых, оштукатуривание стен, кладка кирпичных столбиков - поставка материалов нам была прекращена. Самая выт.дней работа: монтаж ригелей, плит перекрытия, установка дверных и оконных блоков - осталась совхозу; как потом выяснилось, была выполнена бригадой, знакомой прорабу. При расчете в бухгалтерии нас поставили в известность, что мы должны отдать "подоходный" налог в количестве 20 % заработка. Мы сослались на Постановление Совета Министров СССР о том, что со студентов подоходный налог не берется. Узнали, что это постановление касается тех студентов, которые работают в Строительных отрядах.

По поводу произвольного изменения сметы и договора я аннулировал к дирекции совхоза. Мне объяснили, что всеми строительными работами в совхозе занимается прораб, и он один решает все связанные со строительством вопросы. По поводу задержки с поставкой материалов результат был тем же. Относительно задержки 20 % заработной платы, как выяснилось, нужна справка, что мы являемся членами ССФ. Я вылетел в Москву, обратился в бюро ВЛКСМ МГУ с просьбой дать такую справку, ввиду того что теряем по 160 рублей зарплаты /а для студента это очень большие деньги/. Получил резкий и категоричный отказ.

По внутреннему бригадной договоренности мы обязались работать в меру возможностей при равной заработной плате. Это стало препятствием в работе: я замечал, что не все работают добросовестно. На мои замечания отвечали, что, что бы я ни говорил, деньги выдает бухгалтерия.

Выводы:

а/ бригадная организация позволила выполнить каждым человеком работы сметной стоимостью в 3,5 тыс.рублей при окончательной заработной плате 640 рублей за период 25 рабочих дней;

б/ для дисциплинирования бригады и контроля за выполнением работ вознаграждение на бригаду должен получать и распределять бригадир;

в/ смета по объекту должна составляться и утверждаться вышестоящей инстанцией, договор подписываться дирекцией при согласовании с вышестоящей инстанцией;

г/ простой бригады по причине непоставки материалов или техники организацией должны оплачиваться;

д/ договор и все сопроводительные документы должны быть максимальны о выгоды строителя и делаться до начала работ.

1973 год. Молодежная студенческая бригада из 12-ти человек при 4-х специалистах-строителях.

Строительство 16-квартирного дома в Северском МСО Краснодарского края.

Сметная стоимость работ 70 тысяч рублей.

Вознаграждение по студенческому договору, сделанному задолго до начала работ, 16 тысяч рублей.

Ошибки прошлого года были учтены. Бригада выработала свой бригадный устав, регламентирующий работу, отдых, при равной оплате труда.

Оплата труда в МСО производилась по ЕНиРам /Единым нормам и расценкам/. Наряд-задания на работы несколько раз переделывался, причем сумма оплаты каждый раз была различной.

Организация труда по коллективному типу не оправдывала себя, замечался недобросовестность. Разбил бригаду по звеньям с дифференцированной оплатой труда. Это позволило выполнить работу в срок.

Выводы:

а/ орган ведения работ по коллективному принципу не оправдывает себя при ускоренном строительстве. Разделение бригады на звенья с определением объема работ и оплаты труда до начала работ ускоряет строительство;

б/ во избежание пьянок в процессе работы необходимо бригаду лишать "карманных" денег;

в/ ЕНиРы не могут служить основой оплаты труда при договорных отношениях, единственной гарантией нормального расчета является добропорядочность руководства организации;

г/ организация работ этого года позволила выполнить не каждого человека объем в 6 тысяч рублей при зарплате в 1 тысячу /средней/.

1974 год, август. Молодежно-студенческая бригада из 12-ти человек при четырех специалистах-строителях.

Строительство нескольких объектов общей сметной стоимостью 90 тысяч рублей в Славянском МСО на Кубани.

Вознаграждение по студенческому договору, сделанному задолго до начала работ, и по аккордному наряду-заданию 21 тысяча рублей.

Рабочие, распределение мною по звеньям, не всегда работали с желанием, часто не слушали звеньевых.

В процессе работы в МСО сменился главный инженер, новый инженер Наостров отказался считать действительным наш наряд-задание и договор. Этот договор и наряд-задание начали свое путешествие по отделам организации, пока не были кем-то украдены.

В конце срока работы была составлена комиссия по приемке работ, а прорабу поручили составить наряды по Единым нормам и расценкам.

Обо всех этих безобразиях я информировал райком партии и прокуратуру.

Снабжение материалами было настолько мизерным, что основную часть своего времени я тратил на то, чтобы "выбить" их из организации.

Выводы:

а/ не договорядность организации при расчетах с людьми рассчитывать не приходится; необходима денежная заинтересованность основных социальных узлов организации;

б/ образование звеньев должно быть естественным, людям, не желающим работать в звеньях, или плохо в них работающим, работу предоставлять отдельно, с индивидуальной оплатой;

в/ основной обязанностью бригадире является: снабжение материалами и получение вовремя заработной платы;

г/ ни партийные органы, ни прокурорский надзор не гарантируют от обмана при расчетах администрации строительных органов с работающими у них свободными строителями;

д/ организация работы 1974 года позволила выполнить строительный объем на каждого человека в сумме 7,5 тысяч рублей при заработной плате в 470 рублей.

1975 год. Июль-Август. Молодежно-студенческая бригада из 8 человек при трех специалистах-строителях.

Строительство Кипеловского кирпичного завода НК-3 Роговского Облмелколхозострой.

Сметная стоимость выполненных работ 240 тысяч рублей.

Вознаграждение по студенческому договору, составленном задолго до начала работ, должно было составить 30 % от выполненного объема, т.е. 72 тысячи рублей.

Работа была организована с учетом всех ошибок предыдущих лет:

./ по приезде на место была устроена "привальная", т.е. обычная пьянка, на устройство которой ушла все деньги, взяты с собой;

./ звенья организовались естественно, кто хотел работать сам, работал;

./ низовая администрация была заинтересована в выполнении работы;

./ материалы и техника выделялись по первому требованию;

./ быт бригады был организован на аванс, взятый в организации.

Казалось, все было учтено, но забыли выстоящие инстанции. Заработная плата за июль составила по 3 тысячи рублей на человека при 15 тысячах выполненной сметы на человека. Навелились комисси. Их было несколько. Они проанализировали наш труд, проверили наш социальный статус, установили, что мы как строительный отряд не зарегистрированы в областном штабе СОО, начали грозить санкциями вышестоящих органов. Бригада уехала с объекта, отказавшись от августовской заработной платы.

Выводы:

а/ высокая заработная плата вызывает недовольство у выстоящих инстанций и желание ее уменьшить; люди, не получая своего заработка, теряют интерес к строительству, - дело рухнет. В сложившихся условиях

для получения всего заработка необходимо либо растянуть время выплаты таким образом, чтобы сумма зарплаты не вызвала сомнений, или же расплачивать деньги на вымышленных лиц, предварительно оформивших в той же бригаде, а затем бригадир по получении денег отдает их ее старшему.

1975 год. Сентябрь-октябрь. Молодежно-студенческая бригада из 12-ти человек работает по приглашению Верховяжского МХО Вологодской области на строительстве животноводческого комплекса.

Выполнено работ на сумму 150 тысяч рублей.

Вознаграждение согласно договору должно было составить 52 тысячи рублей.

Главный инженер был поставлен в известность, что мы работаем по студенческому договору, ибо он наиболее выгоден для работающих, он согласился и подписал договор вместе с гл. бухгалтером и начальником.

Работа была организована с учетом ошибок всех предыдущих лет.

При оплате труда в октябре месяце главный инженер уменьшил зарплату более чем в два раза. В ответ на мою апелляцию к начальнику он заявил, что возбудит против меня дисциплинарное дело о фактивных документах /студенческий договор/, это было заявлено даже несмотря на то, что гл. инженер был заинтересован. Я апеллировал в райком КПСС /стройка была областного значения/, беседа у первого секретаря вынудила администрацию МХО дать обещание выплатить недоплаченные согласно договору деньги /более 17 тысяч/. Мне предложили составить бригаду из 50 человек. Такая бригада выехала работать в декабре-январе. Снабжение материалами было неудовлетворительным, а я согласился помочь МХО. Взяв 2600 рублей /из денег, которые МХО была должна/, выехал в Вологду и Москву за материалами. Отослан был из Москвы срочной телеграммой. Оказалось, гл. инженер со своим ставленником, который работал в нашей бригаде, взбунтовали бригаду и разогнали ее, уплатив людям только на дорогу. Здесь, также как и в 1972 году в Бродокалмаке, людей заставляли сделать самую грязную работу, а монтаж железобетонных изделий оставили своим людям. Дождавшись меня людей из бригады я уехал в другое место на оставшихся от поездки деньги.

Выводы:

а/ ни откровенные отношения с администрацией, ни денежная заинтересованность не гарантируют от подлости и недобропорядочности;

б/ поручение руководства бригадой некомпетентным лицам разрушает отношения и вредит строительству;

в/ функция поставки материалов в случае неможной организации должна принадлежать бригаде, но не бригадир, для поставки материалов бригада выделяет часть средств из своей зарплаты, чтобы оплачивать погрузочно-разгрузочные, транспортные и другие работы.

1976 год. Июль-август. Строительство жилищно-коммунальных 12-ти квартирных деревянных домов в колхозе "Красный Каучук" Шацкого района Рязанской области ведет вольнонаемная бригада из 18 человек.

Сметная стоимость выполненных работ 240 тысяч рублей.

Заработная плата по договору подряда должна составить 72 тысячи рублей.

В колхоз была одужена директивная зарплата для вольнонаемных бригад в 800 рублей.

Колхоз не имел возможности поставить вовремя материалы.

Заработная плата людей была от 1,2 тысячи до 2,5 тысяч в м сян, это вынудило представить списки, в которых наряду с работающими были и фиктивные люди.

Поставкой материалов в колхоз занимался я и люди из бригады. Потом появился некий человек, бывший начальник одного из строительных управлений Госстроя СССР, однажды уже отсидевший тюремный срок. Этот человек представил смету на поставку материалов, взял деньги, организовал три машины грузов, а потом исчез.

Выводы:

а/ порядочные отношения с уголовными и полуголовными ~~лицами~~ людьми невозможны;

б/ в мое отсутствие в бригаде некоторые работы были выполнены некачественно, это заставило производить оплату с людьми учитывая качество исполнения;

в/ оплату за поставку материалов необходимо производить после доставки материалов на место работы;

г/ поставкой материалов должен заниматься специальный человек, с оплатой его труда за счет бригады.

1977 год. Июль-август. То же строительство. Бригада в количестве 20 человек.

Сметная стоимость выполненных работ 150 тысяч рублей.

Вознаграждение по договору подряда 30 тысяч рублей.

Ошибки всех предыдущих договоров были учтены. Работа началась споро и организованно. Материалы поступили беспрепятственно, мне как бригадиру делать было нечего, все делалось само, я работал по своей строительной специальности: столяром.

Спустя две недели после начала работ бригаду посетила комиссия из Строительного управления Районного исполнительного комитета. Она заявила, что, по их мнению, нам была переплачена зарплата.

Через неделю после этой комиссии появилась еще одна во главе с начальником местного ОБХСС. Нам было сказано самим начальником, что он здесь для того, чтобы нас не обманули при расчете. Интересовалась эта комиссия тем, какую зарплату получили люди в прошедшем сезоне.

Еще через две недели пожаловала комиссия из КГБ /по доносу трех человек, отработавших в бригаде/ с конкретной направленностью: изъятие нелегальной литературы.

Выводы:

а/ вознаграждение за этот год не выплачено по сегодня, обращение в партийные инстанции вплоть до обкома КПСС, к прокурорам вплоть до Прокурора РСФСР, не помогло;

б/ в одной и той же организации нельзя работать два го с подряд

по одному и тому же договору;

в/ большой коллектив при работе по договору подряда в большей степени и уязвим;

г/ там, где появляются карательные органы, нужно прекращать все работы и переезжать на новое место;

д/ максимальный срок работы в одном месте — месяц;

е/ о тайном указе не выплачивать денег, поступающему от карательных органов, можно судить по явному нежеланию руководства встретиться для решения спорных вопросов, возникающих при расчетах; комиссия по приемке работ в этих случаях архипристрастна.

1978 год. Государственный Комитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам и Секретариат Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов принял Постановление № 168/16-23 об утверждении Типового договора для работы по вольному найму. Этот договор является попыткой отменить свободно-договорные отношения и создает ряд новых социальных связей, подпадающих под контроль карательных органов.

Первый пункт типового договора обязывает администрацию оформлять свободных строителей по приказу на работу, как это следует в трудовом законодательстве.

По этому договору каждый свободный строитель должен иметь Трудовую книжку или любой документ, подтверждающий, что данное время у него рабочее свободно, что и дает ему право работать в другом месте.

Бригадир не избирается свободно бригадой, но назначается администрацией по приказу.

Каждый член бригады ознакомливается с режимом предприятия и коллективным договором администрации с профсоюзом этой же организации... и т.д.

Уже из вышеприведенного видно, что данная попытка есть не что иное, как отмена свободно-договорных отношений. Строители, согласившиеся работать по такому договору, автоматически превращаются в постоянных рабочих, т.е. теряют основное свое социальное качество: спонтанность, свободу строить по своему желанию.

Карательные органы, контролирующие эти новые связи, вынудят свободного строителя уйти из сферы государственного строительства в частный сектор.

Основное отличие свободного строителя от государственного то, что первый не входит в режим предприятия и ему не подчиняется, предприятие только оплачивает его работу.

1979 год. Июнь-июль. Бригада из пяти человек. Учитывая выводы всех предыдущих лет, заключили ряд краткосрочных договоров с колхозами и совхозами Архангельской области.

Совхоз "Чедьковский". Монтаж, пуск и наладка агрегата витаминной муки АВМ-0,65Ж. Сметная стоимость работ 30 тысяч рублей.

Вознаграждение, полученное по договору подряда, 8 тысяч рублей.
Строительство велось 15 дней.

Совхоз "Ижемский". Монтаж, пуск и наладка АВМ-0,65Ж.

Сметная стоимость работ 28 тысяч рублей.

Вознаграждение, полученное по договору подряда, 7,2 тысячи рублей.
Строительство велось 10 дней.

Совхоз "Ижский". Монтаж, пуск и наладка АВМ-0,65Ж. Сметная стоимость работ 32 тыс. рублей.

Вознаграждение, следовавшее по договору подряда, 8,5 тысячи рублей.
Получена 1 тысяча рублей. Строительство велось 20 дней.

Далее все развернулось по знакомой схеме: администрация избегает встреч, архипристрастная приемная комиссия из совершенно незнакомых лиц /много позже директор совхоза объяснил, что пришла установка из райкома партии о выплате не более одной тысячи рублей/.

Выводы:

а/ карающие органы настигают нас на месте работы, если она продолжается более 15 дней.

1979 год. Август-сентябрь. По приглашению главного инженера и начальника ПМК-3 Производственного объединения "Ухтатранстаз" для работы на газопроводе "Уренгой" - Западная граница СССР /участок между КС-15 и КС-16/ была приглашена бригада в количестве 25 человек на срок более одного месяца и 40 человек на срок до одного месяца.

Выполнены работы сметной стоимостью 550 тысяч рублей. Согласно договорному фонду заработной платы - 20 % от выполненного объема - зарплата должна составить 110 тысяч рублей.

Администрация уведомила нас, что директивная зарплата по ПМК-3 для работающих по договору подряда 500 рублей в месяц.

Чтобы получать зарплату на бригаду, меня оформили временно, про- разом на строительный участок ПМК-3 КС-15 /Компрессорная станция № 15/.

Прием на работу происходил по элементам нового типового договора.

Реальная зарплата была более 1 тысячи рублей в месяц. Чтобы получить всю зарплату, каждый работающий написал кроме своего заявления еще 2-3, подписав их несуществующими именами. Администрация не возражала и оформила их по строительному участку ПМК-3 на КС-15.

Приступив к работе, я изучал трассу газопровода между КС-15 и КС-16 и поставил администрацию в известность, что имеется 36 оголенных трубопроводов с изгибом в 12-ти местах. Наиболее опасным местом является Тальянское болото, где трубопровод изогнулся и отшел от оси на восемь метров. Авария, там назревавшая, грозит вывести весь газопровод и нефтепровод из строя как минимум на 10 дней, ибо три нити газопровода и нефтепровод в этом месте оголены. Главный инженер приказал заготовить 1 тысячу кубических метров леса для гачения болота, технику для укладки бревен так и не дал.

На строительном участке числилось 12 постоянных рабочих, после получения аванса их не было на работе две недели. Я предложил им лично

уволиться, либо работать по договору подряда, чтобы получать деньги за выполненную работу, — они уволились.

К концу первого месяца бригада выполнила объем 360 тысяч рублей. Такое выполнение было встречено неодобрительно.

Далее все развернулось по знакомой схеме: начальник ПК-3 назначает комиссию, которая, проверив заявления о приеме на работу, "устанавливает" поддельность многих из них. Потом появляются еще две комиссии, теперь уже из вышестоящих инстанций. Они устанавливают, что еще до нашего приезда перерасход фонда зарплаты по ПК-3 составлял 70 тыс. рублей, что оплата труда нашей бригаде произведена неправильно; они приказывают депонировать уже полученные мною бригадные деньги, увольняют начальника.

Выводы:

а/ новый типовый договор позволяет администрации: ./ увольнять неудобных людей из вольнонаемных, я был уволен после первого же месяца работы, более двадцати человек отработали без оформления и, оказывается, не имеют права на получение своей зарплаты ввиду непредоставления справок о том, что они находились в отпусках; ./ погашать перерасход зарплаты, не выплачивая денег по оформленным заявлениям на взыскание денег;

б/ администрация не заинтересована в выполнении больших объемов строительства;

в/ администрация не заинтересована в быстром выполнении работы, свободные строители обычно используются для выполнения самой трудной и грязной работы;

г/ постоянное расхождение не хотят работать, не отказываясь в то же время от заработной платы.

Параллельно с этой работой мы продолжали монтировать АБМ-065М, делая десанты в близлежащие колхозы и совхозы, при этом четко дифференцировав задачу каждой десантной группы. Два АБМ были построены нормально. Третий АБМ, находившийся в одном районе со вторым, был построен, но оплачен наполовину. Все развернулось по той же классической схеме: кто-то прятался, кто-то был слишком пристрастен.

Выводы:

а/ параллельное строительство сразу нескольких объектов в различных организациях позволяет остаться с зарплатой;

б/ две объекта в одном районе строить нельзя, ибо в общем времени бригада пребывает в районе больше двадцати дней, а этого достаточно для появления карательных органов.

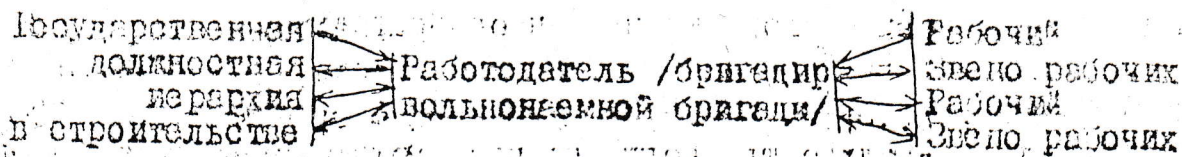
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Десятилетний опыт работы бригадиром "шабашников" и пятнадцатилетний "лабазный" опыт позволил понять:

а/ социальная созидательная схема должна быть простой и краткой:

РАБОТОДАТЕЛЬ — СТРОИТЕЛЬ.

Поскольку государственная строительная иерархия слишком многозначна, я уединял все нити работодателя на себе, оставляя экономическую связь с рабочим прямой:



б/ рабочая единица: звено; должно естественно образовываться. Найдучий же результат в работе получается, если рабочий трудится индивидуально и знает заранее вознаграждения за каждую единицу выполненной работы;

в/ единственным способом оплаты труда является договорная сумма за выполненную работу. "Единые нормы и расценки" служат лишь для оправдания договорных сумм, причем постоянным рабочим для выплаты заработной платы приходится многое выдумывать, в свободном строителем для урезания зарплаты приходится многое "забывать";

г/ работодатель должен быть финансово независим и бесконтролен;

д/ строитель при выполнении работ должен быть независим, в его ведении должны находиться все строительные функции /так, в Кеверино бригада строила дома по собственному проекту и смете, что позволило при экономии материалов в 2,5 раза увеличить полезную жилую площадь в 1,5 раза/;

е/ между работодателем и строителем отношения должны строиться на принципах общественного договора или сотрудничества. Намеваемым здесь может быть лишь невыполнение договорных обязательств;

ж/ повторение одних и тех же разрушительных действий со стороны государственной должностной строительной иерархии и карательных органов указывает на то, что сама общественно-политическая обстановка в стране создала условия для процветания подлости, лицемерия, обмана, т.е. атмосферы паразита-разрушителя;

з/ чем изощреннее общественные разрушительные силы, тем разумнее и общественные созидательные, если вовремя удавалось распознать очередной подвох, свободные строители давали чудеса выработки при фонде заработной платы в 1,5-2. раза ниже, нежели тот, что выплачивалось постоянным рабочим;

и/ из всей строительной государственной иерархии истинно заинтересованным в строительстве является свободный строитель, ибо его благосостояние прямо зависит от выполняемой им работы.

+ + +

В силу специфики работы по вольному найму мне приходилось ездить по России. Я видел, как работают постоянные рабочие, служащие и "шабашники" в сельском хозяйстве, промышленности, добывающих отраслях. Все трудности и их преодоление, описанные для строителей, соответ-

вуют "мабашникам" и других отраслей.

Созидательная и разрушительная сущность вызывает соответствующее поведение людей.

Развитие — созидание. Преграда — конец и разрушение.

Как же обстоит дело с теми задачами, которые выдвинули центральные органы власти?

Очевидно: рост благосостояния человека улучшает благосостояние и всего общества. Благосостояние человека в обществе растет, если рост зарплаты превышает рост прожиточного минимума. Директивания зарплаты и рост цен ухудшает благосостояние людей, а именно это и происходит у нас в стране.

Строить быстро и качественно можно, если работодатель и строитель независимы и автономны. Государственная регламентация этих функций изменяет лозунг на обратный: т.е. работать как-нибудь от зарплаты до зарплаты.

Можно ли за 20 лет построить общество всеобщего благоденствия и такой потенциально самой богатой стране как Россия? Да! Если социальные условия в стране будут изменены на обратные, т.е. максимально благоприятные для созидателя.

Преграды, которые преодолевает свободный строитель у нас в стране, можно классифицировать на три типа: а/естественные, б/ спонтанные, в/ узаконенные.

Естественные: противодействие местных жителей. В Верховьях, например, кочегар 8 раз размораживал отопление пропарочной камеры, бетонно-растворного узла, бани. В особенно морозные ночи он перекрывал шнители трубопроводов, трубы ломались. Кто-то из местных жителей срубил столб электролинии, подающей энергию на комплекс. В Канерино привозимые нами строительные материалы разворовывались, если в течение двух недель не использовались. В пос. Озидельном /ПМК-3/ в магазине отказались продавать продукты для того, чтобы кормить людей на стрессах, и т.д.

Преодолевались эти трудности естественным путем, т.е. естественным насилием.

Спонтанные: препятствия администрации. Они уже хорошо описаны.

Узаконенные: эти препятствия наиболее трудно преодоляемы, ибо состоят из законоположений, регулирующих социальную жизнь людей. Вот некоторые примеры:

Статья № 434 Гражданского Кодекса РСФСР устанавливает, что "...граждане могут заключать договор о совместной деятельности лишь для удовлетворения своих личных нужд /бытовых/. Договоры о совместной деятельности между гражданами и социалистическими организациями не допускаются".

Статья же № 351 ГК РСФСР говорит: "Гражданин может принять на себя выполнение работ по договору подряда лишь при условии выполнения этой работы своим трудом".

В объяснении к статье № 153 Уголовного Кодекса, п. 1, говорится о том, что "...если лицо выступает от своего имени /или от имени группы лиц, объединившихся в рабочую бригаду/ и на свой страх и риск выполняет по договорам какие-либо работы, хотя бы и по завышенным расценкам, состава занятия частнопредпринимательской деятельностью не будет. В таком случае правомерно ставить вопрос лишь о взыскании неосновательного обогащения..."

Т.е., договор подряда заключается на свой страх и риск, т.е. пол-

ностью свободен от защитных гарантий государства.

Если работа оплачивается не по ЕНПРам, то зарплата взыскивается. Это в какой-то мере объясняет то, что бригада частенько оставалась без зарплаты вообще. Что представляют собой ЕНПРы, можно судить из следующего. ЕНПР № 3 в § 3-3 для сложной кирпичной кладки узаконивает оплату 3 р. 8 к. за один кубический метр. В 1970 году я вместе с тремя "мабешниками" выкладывал дом частнику в ст. Курганской Краснодарского края, кладка была сложной, облицовочный кирпич обтачивался; он оплачивал нам по 100 руб. за каждый квадратный метр облицовки и по 25 руб. за кубометр обычной кирпичной кладки. В 1975 году мы зарабатывали по 25 руб. за каждый кубометр кладки на строительстве Кинешловского кирпичного завода. Большую нужно иметь фантазию мастеру или прорабу, чтобы 3 рубля превратить в 25! А что нужно писать в нарядах для того, чтобы выплатить зарплату постоянному рабочему? Коммушник, при двух подсобниках, за месяц кладет 25-30 кубометров кирпичной кладки. А зарплату каждому нужно выписать по 170-200 рублей /с налогами/. Как ни жаль, но это все так же "неосновательное обогащение".

Статья № 174 УК. Дача взятки. Ч тобы заставить администрацию работать, иногда приходилось заинтересовывать какую-то часть деньгами. При порядочных отношениях это не сказывалось на нашей зарплате, ибо работа выполнялась быстро и споро. Но нарушалась статья, а наказание от 3 до 15 лет лишения свободы.

Попытка получения своей зарплаты через оформление фиктивных заявлений или списков волеет быть расценена как попытка к хищению через мошенничество, или же подделка документов с целью хищения. Здесь наказание от 1 года до 5 лет лишения свободы. И т.д., и т.п. Изучение кодексов — это другая тема и другое исследование.

Вот в такой социальной обстановке приходится работать свободному строителю.

Т.о., строительство как созидательная функция постоянно наталкивается на функцию разрушительную. Развитие социального мира возможно благодаря взаимодействию этих двух тенденций. Люди, несущие в себе эти крайние начала, ценностически различаются, проблема регулирования общественной жизни, создания гармонического общества разрешима.

Советское гражданское, трудовое и уголовное законодательство играют роль ингибиторов созидания, ибо главное их направление — государственная регламентация труда, а это не оставило места индивидуальной созидательной инициативе. В обществе накопился исполнительный и паразитический тип людей. Если сегодня где-то выявляется тип человека, индивидуализирующегося к созиданию, все силы общества устремляются на поиски способов его изоляции, ибо этот человек, контролируя на себе монофункции, указывает на ненужность многих исполнителей, более того, на их вред.

Отсюда следует: системой запретительных законов, сдерживающих созидательную функцию человека, построить коммунистическое общество всеобщей гармонии нельзя.

ОПЯТЬ ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ ЧАСТНИКИ

Статья "История с арбузами", появившаяся на страницах "Комсомольской правды" /от 20 сент. 1979 г./, заставила меня придумать и взяться за перо. Многие читатели, наверное, помнят, что в ней рассказывается о том, что частники-арбузники на период уборки нанимают работников, в основном школьников, и платят им за их работу в 30 раз больше, чем на колхозно-совхозных бахчах. При этом автор статьи В. Имашев отмечает, что возмущение родителей вызывает тот факт, что заработанные деньги не все школьники и не всегда отдают своим родителям, и подчеркивает, что, независимо от того, отдадут ли школьники деньги родителям или нет, имеются все основания для общественной обеспокоенности и тревоги. Статья заканчивается призывом ко всем читателям газеты задуматься, как быть дальше, — т.е., какие принять административные меры к тому, чтобы запретить школьникам работать на частников, — а точнее, чтобы частники платили школьникам не больше, чем на колхозно-совхозных бахчах, что, несомненно, лишило бы большинства школьников стимула работы на частника.

А на сегодняшний день положение таково, что трудовые объединения при школах, по признанию самого журналиста, "не конкуренты в соревновании с личным сектором: ни так платить, ни так четко организовать работу педагоги не могут". Действительно, "если у частника школьник зарабатывал в среднем 25 р. в день, то на пришкольно-колхозных бахчах — тоже в среднем 25 рублей, но в месяц". Следовательно, эффективность частной бахчи, по самым грубым подсчетам, минимум в 30 раз выше.

Много недоуменных вопросов и горьких размышлений вызывают следующие места статьи: "Тут ведь никто не следит за КЗоТ. Сколько хочешь, столько и работаешь". /Точнее, сколько хочешь, столько и зарабатываешь/. Если следовать логике автора статьи, то получается, что при строгом соблюдении духа и буквы статей КЗоТ никак нельзя работать столько, сколько хочешь? Скажем, если я хочу поработать вместо 8 часов 15 минут 5 часов 00 минут, то этого мне КЗоТ не позволит. Также он не позволит работать сверх установленной нормы /41 час в неделю/. А уж совсем не работать ни КЗоТ, ни правовые кодексы государства мне и подавно не позволят. Между тем, когда колхозники работают весь летний световой день, а работники промышленности задевлени систематическими сверхурочными, то никому из журналистов как-то даже и мысль не приходит возмущаться о запретах КЗоТ. А вот когда дело касается частника, то не вспомнить о регламентирующих жизнь документах, конечно же, было бы просто грешно.

Мне представляется, что применение статей КЗоТ без учета особенностей конкретной ситуации существенно ограничивает свободу хозяйст-

венных проявлений человека. Следует сразу же сделать оговорку — я не против законов о труде, ограничивающих продолжительность рабочего дня. Такое законодательство является великим историческим достижением наемных работников. И выступаю только против механического и одностороннего применения этих законов, подчас извращающего их первоначальный смысл.

Однако вернемся к теме статьи. "Школьники сами ко мне идут, а я плачу им ровно столько, сколько они заслуживают", — говорит журналисту Ароуэник, — "на. больше, но и не меньше. А если им никто не может по столько платить, так это уже не моя проблема". Дело в том, что за два месяца школьник зарабатывает в среднем 1500-1600 рублей! При этом сам журналист признает, что школьники этим весьма довольны. Но именно это и вызывает в нем тревогу. Особенно тот факт, что многие из них даже предпочитают не тратить деньги на пустякам, а приобрести мотоцикл, автомобиль и прочие "серьезные вещи". Возникает вопрос: должны ли подобные факты вызывать тревогу у здравомыслящего человека? Не вызывает ли тревогу сама тревога журналиста по такому поводу?

Следует отметить, что, с одной стороны, автор признает и положительные факторы: хорошо, что "подростки не слоняются летом без дела, а работают"; хорошо, что "они за свой труд получают ровно столько денег, сколько заработали"; хорошо, что "на личных подсобных участках растут арбузы, лук, помидоры ... и т.д.". И даже "в том, что люди, которые все это выращивают, продают свои овощи на базаре, тоже, разумеется, нет ничего плохого". /Правда, последняя заявка вызывает определенное недоумение: если выращивание продуктов на своих участках — это очень хорошо, то почему же естественное завершение этого процесса на рынке — это всего лишь отсутствие чего-то плохого?/

Но, признав сквозь зубы хорошее, на другую чашу весов автор ставит только тот, один-единственный, аргумент, что "ни в каких деньгах не измерить урон, нанесенный таким частично-собственным и несомненным воспитанием". Аргумент, в котором заключена, на мой взгляд, причина тревоги тех сил и кругов нашего общества, мнение которых журналист и выражает.

И вот эта чаша весов на наших глазах перевесила все то хорошее, что было признано даже самим журналистом. Ведь какие могут быть подчас "за и против", когда наносится урон "и физический", и моральный, и какой угодно!!!

Здесь уж впору обратиться... в прокуратуру, как считает зав. одним из отделов Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам Г.С. Блохина. Судя по всему, автор статьи согласен с безвестностью и безответственностью ретивой начальницы.

Но... Разберем все по порядку, чтобы очистить здравый смысл от тумана демагогии.

Статья явно осудила существующую практику, как принято теперь выражаться. А поскольку зачастую приговор суда уже содержится явно или неявно еще до суда в газетах, то дело вполне даже может дойти до прокурора. Это делается очень даже запросто и оперативно. Запретить! Закрыть! Ограничить! — это всегда пожалуйста! А вот "внедрить!", "открыть!", "разрешить!" — это уже труднее.

Не знаю, чего здесь больше: то ли полного немыслия и тупости, то ли "пиничного, лицемерного конформизма, то ли искренне дремучего неважества и апломба, но в связи с этим хотелось бы задать только один вопрос: "А арбузики-то небось любите, покупаете, кушаете?!" — который и был задан одним из арбузников автору статьи. "Учить нас присехали?" — продолжал арбузник, обращаясь к журналисту почти как к представителю власти. /Такое отношение простых людей к представителям прессы вполне оправдано. Если журналист и не представитель власти в узком смысле слова, то уж по меньшей мере ее выразитель/. Ведь и то правда, что доучили в свое время сельское население страны до того, что возникло у многих из них стойкое отвращение к своему труду, земле, а у горожан соответственно "стойкое отвращение к мясу и мясным продуктам" /иначе как же цензурно объяснить факт существования городов-вегетарианцев?/.

Несмотря на реверансы журналиста в сторону частных производителей продуктов питания, — "Мы этим людям благодарны", — его отношение к ним явно негативное, на что указывают и весь тон статьи, и выбранные автором "выразительные средства".

Так, автор упорно, где только представляется возможность, вместо слова "школьники" пишет "дети". Но ведь ясно, что речь идет о парнях-акселератах: рослых и физически крепких, привыкших к физическому труду. Они в свои 14-16 лет несравнимо выносливее взрослого журналиста, в чем он сам и признается. Словом "дети", вызывающим безотчетную эмоциональную реакцию защиты беззащитных и слабых, он создает в сознании читателя образ эксплуататора-частника, на "плантациях" которого под палящим южным солнцем работают не негры, а наши советские д е т и. Правда, вместо шетки у частника кошелек, но кошелек-то ведь полон "желтым дьяволом", который действует на души стовосьмидесятисантиметровых "малюток" хуже, чем шетки на рабские спины.

"А то, что ребята рвутся к этому сами, так это не столь важно". Это у них от неразумности.

А то, что они приучаются "своим горбом" зарабатывать деньги, правильно с ними обращаться; то, что воспитывают в себе хозяйское, расчетливое начало, а не растратчика; то, что не приучаются к лени, пьянству и разбою, — это все тоже неважно!!!

Статья "История о арбузах" вызвала во мне желание несколько глубже заглянуть в проблему частнопредпринимательской деятельности в нашей

97
стране, в частности, связанные с производством и реализацией тех
самых арбузов так называемыми "частниками".

Преимущества производства. Человеку, желающему выращивать и
продавать арбузы, прежде всего нужна бахча — т.е. участок плодородной
земли в соответствующем климатическом районе. В среднем оптимальный
участок имеет размеры более одного и менее тридцати га. А размер лич-
ного приусадебного участка равен 1 га. Следовательно, землю нужно
брать в аренду у колхоза-совхоза. К счастью, они ее пока еще сдают
частным лицам. Плата за аренду обычно невелика, примерно 20 рублей
с 1 га в месяц.

Вот здесь-то и лежит первая трудность, могущая встретиться ар-
бузнику. Большинство предпринимателей преодолевает этот барьер "с
ходу", но семейно-родственными кандалами. Эти люди, как правило, — жи-
тели сел и поселков тех колхозов, землю которых они берут в аренду.
Но если вы из других мест, дело может и не решиться, даже и при на-
личии "свободных" участков.

Производство. Но вот бахча арендована. После этого арбузный
предприниматель сталкивается пока с естественными, общими для всех
времен и народов, трудностями. А именно: что и как посадить, как
правильно ухаживать и как собирать урожай. Сюда же включаются погод-
ные и почвенные условия.

По основным трудностям начинаются для арбузника на этапе сбора.
О них вскользь упоминалось в разбираемой статье. Дело в том, что со-
бирать арбузы надо быстро во избежание порчи и для того, чтобы боль-
ше времени оставить на их реализацию. Одному или вдвоем собрать уро-
жай площадью более 1 га за короткий срок — невозможно. Следовательно, поневоле надо нанять сборщиков.

Возможная трудность здесь заключается в том, что люди могут не
разрешить нанять, рассматривая это как эксплуатацию чужого труда.

Мы не будем вдаваться в подробный анализ значения и смысла тер-
мина "эксплуатация", а сосредоточимся на определении, которое дается в ЕСО
/изд.3, т.3 0, 1973/: "эксплуатация — это присвоение результатов чуж-
ного труда собственниками средств производства...", "эксплуатация —
это негативное, несправедливое явление, предполагающее "систему при-
нуждения к труду".

Если учесть сугубо добровольный и ненасильственный характер
труда сборщиков, то безапелляционное, энциклопедическое осуждение наемного
труда на частника, мягко говоря, не совсем справедливо.

Если все же согласиться с мнением возможных оппонентов, что
наемный труд на частника, в частности, на Арбузника, — это эксплуата-
ция, то следует заметить, что эксплуатация бывает большая и меньшая.
Грубая степень эксплуатации ~~выражается в том, что сборщики~~
— т.е. в каком случае
вознаграждение за труд менее справедливо и тем самым где присвоение

результатов чужого труда больше - можно установить сравнением почасового заработка людей разных профессий.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству составила в 1978 году 160 рублей, или 0,92 р./час. А по категориям это выглядит примерно так:

1. Участковый врач-терапевт, работающий на 1,5 ставки /примерно 245 рабочих часов в месяц/, зарабатывает 218 рублей - или 0,89 р./час.

2. Старший инженер с месячным окладом в 155 р. зарабатывает за 1 час 0,89 р.

Если же ст.инженер регулярно получает месячную либо квартальную премию из расчета 30 % от месячного либо квартального оклада, то его часовой доход будет равен 1,15 р. /201,5:174,66/.

3. Грузчик на гос.предприятии с месячным заработком в среднем до 180 рублей получает за час работы - 1,03 рубля.

4. Колхозник, в пересчете на год, работает в среднем в месяц до 217 часов+ и зарабатывает примерно 107 р. 35 коп.++, что составляет 0,49 р./час.

5. Сборщик арбузов у частника, работая от "зари до зари" /примерно 12-14 часов/ зарабатывает 25 рублей в день, что составляет 2,08 руб. в час.

Данные о почасовой оплате труда перечисленных выше категорий работников систематизированы нами в следующей таблице:

Профессия, род занятий	Денежный доход без вычета налогов, р./час
Сборщик арбузов у частника	2,08
Старший инженер, получающий премию /ежемесячно, ежеквартально/ в размере 30 % к соотв. окладу	1,15
Грузчик гос.предприятия	1,03
Участковый врач-терапевт	0,89-0,9
Ст.инженер, не получающий премии	0,89
Колхозник /не механизатор/; 1978 г.	0,49

Анализ приведенных данных позволяет нам сделать следующий вывод: сборщик арбузов у частника обменивает результат своего часового труда

+ Я.Капельюш /ИГ, № II от 12.03.80/; баланс недельного расхода времени колхозников: работа в колхозе - 50,6 ч.; труд в личном хозяйстве - 11,3 ч.; сон, еда, уход за собой - 62 ч.; домашний труд - 26,1 ч.; свободное время - 17,4 ч.

++ Данные о расходах колхозников взяты из источников: а/ "Советский

в 1,8 раза дороже, ст. инженера, получающего премию, в 2,02 раза дороже участкового врача-терапевта и в 4,25 раза дороже колхозника - механизатора.

А если учесть, что стоимость производства рабочей силы у врача и ст. инженера выше, чем у сборщика, грузчика и колхозника, то различия в эффективности обмена, с точки зрения наемных работников, будут еще сильнее.

Поскольку здесь сравниваются как совершенно разные виды труда, так и разные системы оплаты, то выводы о степени неэквивалентности обмена без дополнительных расчетов могут быть очень неточными. Все же если принять такие предпосылки как: а/люди предпочитают больше работать и соответственно больше получать за свой труд; б/ работники многих профессий не хотят, а в подавляющем большинстве случаев и не могут просто имитировать деятельность, отбывая свое рабочее время, а вынуждены самим содержанием своей деятельности, системой контроля и оплаты труда интенсивно работать и уставать в каждый час своего рабочего дня, то проведенное выше сравнение имеет определенный смысл и служит иллюстрацией относительной неэквивалентности обмена результатов труда представителями рассмотренных профессий.

Эта иллюстрация может также послужить ответом журналистам и пропагандистам, а также усредненным от регулярного чтения передовиц читателей газет, в сознании которых любая работа наемного работника оценивается как "эксплуатация". Но дело может обстоять не всегда так, как мыслится по пропагандистскому стереотипу.

Реализация /объём/. Сборщики все же наняты, арбузы собраны, и надо организовать доставку товара на рынок.

А это уже совсем непросто, поскольку для перевозки арбузов нужен как минимум 5-тонный грузовик. Но подавляющее большинство арбузников предпочитает 10-12-тонные грузовики с холодильной камерой. Такие машины находятся в ведении организации "Международные перевозки". Частнику заказать там машину для перевозки арбузов, естественно, - точнее, противоестественно, - невозможно.

И все же частники заказывают там машины, но не у диспетчера, а непосредственно у самого водителя. Перевозка 10-12 тонн арбузов на расстояние до 2000 км обходится арбузнику до полутора тысяч рублей. Зато груз доставляется на место за очень короткое время. Как избежать неприятностей контроля на дорогах - это забота водителей. Они, как правило, имеют нужные путевки и прочие документы. На худой конец в

"Союз", политико-экономический справочник, М., 1977, стр. 220: среднемесячный денежный доход колхозников в 1975 г. был равен 93 р.; б/ Ежегодник БСЭ, изд. 3, за 1977 г.: в 1976 г. доход колхозников увеличился на 6 %; за 1978 г.: в 1977 г. рост дохода составил 9,3 %; за 1979 г.: в 1978 г. доход вырос на 4,4 %; из всего этого нетрудно вычислить, что среднемесячный денежный доход колхозников в 1978 г. был равен 107 р. 35 к.

армане водителя всегда лежит до 500 рублей наличными, которые можно предложить властью имущему на дорогах. "Не подмажешь — далеко не уедешь". Эти деньги, если нужда заставила их отдать, платит также арбузник.

Наконец товар привезен в районный, областной, республиканский и пр. город.

Продавать арбузы можно только в специально отведенных для этого местах, т.е. только на рынке, называемом почему-то "колхозным". В кооперативные магазины частники идут не очень охотно по ряду причин, да и не очень-то их туда и приглашают. Кстати, ни ассортиментом, ни качеством товаров эти магазины не лучше государственных, разве что цены там выше в 1,5-2 раза. Это доказывает, что просто повышение цены в условиях дефицита товаров и отсутствия свободы инвестиций с последующей конкуренцией мало что дает для потребителя. В наших условиях повышенная цена приводит в какой-то степени отсекает наиболее неплатежеспособных покупателей, которые все же, потратив побольше времени, смогут купить то же, зачастую гнилье, в гос.магазине. "А если уж платить деньги", — думает покупатель, — "то за качественный товар, который бывает только на рынке и в валютной "Березке"".

Но вот наш частник уже стоит у ворот рынка города Н. Ранний час. Августовским утром небо всегда бывает голубым и располагает к созерцанию и покою. Но созерцает он увесистый висячий замок на воротах, а покой ему только снится, если ему удастся немного поспать. Приближается решение почти что гамлетовского вопроса "пан или пропал?..." И пока он созерцает, как кажется со стороны, замок на воротах, он на самом деле продумывает варианты разговора с директором рынка, чтобы на се" раз все обошлось дешевле. Но как скептик он уже давно знает, что, думай не думай, а 200 рублей отдать придется. Точнее даже, с поклонами и лобызанием директорских ягодиц никак не просить его взять на мелкие расходы сотню-другую. Как реалист он знает, что иначе место в торговых рядах и разрешение на продажу он не получит.

Конечно же, все 10-12 тонн арбузов на рынок не повезешь. Чаще всего арбузники кооперируются и снимают дом, где есть сарай, либо дом с участком, на котором строят навес. Все это тоже расходы, да и не всем удается вступить в сообщество. Некоторые привозят все прямо на рынок, но тогда партия весит не 10, а 1-2 тонны. Вариантов бывает много. Все они хлопотные и негладкие...

Но так или иначе арбузы доставлены на рынок, и нужно поскорее сориентироваться в ценах. В Госкомитет по ценам наш частник не бежит, а просто сообразуясь со спросом и предложением назначает цену. А вот и покупатели. "И odchодите, покупайте, арбузы — красавцы..." и т.п. А людям что надо? Было бы качество, да и цена чтоб не морозом по коже обдавала.

Но вдруг... подходит товарищ милиционер! "А ну-ка, дорогой, покажи разрешение на торговлю!"

То да се, но, хотя разрешение сть, придраться к чему-нибудь всег-

да можно. Частник не ребенок, говорить-то он говорит, но рублей 50 для милиционера уже давно припас. Он умоляет его взять эти "гроши" как сувенир и не обижать отказом.

"Чего не сделаешь для хорошего человека..." - говорит милиционер и не обижает арбузника отказом.

Вслед за милиционером или в другой последовательности приходят сотрудник ОБХСС, врач санэпидстанции, главварь местной милиции и т.д., и для всех нужно иметь свои "слова". Потому что обижать отказом хорошего человека никто не хочет.

Однако и солиду пора уже отдыхать, рынок пустеет, закрывается, но арбузник неспокоен. Он либо ночует на рынке при арбузах, либо, если остатки невелики, запирает их в ящика-сотке и ночует в другом месте. Но чаще всего они ночуют при арбузах, на рынке. Оставаясь на рынке на ночь, он нарушает какой-нибудь пункт каких-нибудь правил и платит за это. Чаще всего сторожу.

Работать в одиночку невозможно. Одному человеку даже и в туалет отлучиться нельзя. Поэтому торгуют вдвоем-втроем. Помогают либо родственники, либо участники сообщества.

Дни идут, и арбузов остается мало - зато денег появляется много. Теперь стоит задача - охранять деньги. Конечно, они стараются спрятать деньги в сберкассе, пользоваться аккредитивами и т.д., но все равно опасность быть ограбленным остается. А арбузники имеют при себе холодное оружие, которое нужно им только и только для защиты. Обычный посетитель рынка и не подозревает, как много там крутится всяких жуликов, воров и хулиганов. Они тоже хотят денег, они тоже требуют, угрожают, а иногда и нападают с целью ограбления. Так что частник-арбузник иногда и кровь свою пролить может, защищаясь. В общем, арбузник старается всегда быть начеку, быть всегда с кем-то и не расслабляться.

Кроме бандитов, вокруг него крутятся всякого рода перекупщики-фарцовщики и те из уголовников, которые работают без "мокрых дел". К нему идут как к покупателю. Предлагают обычно купить оптом товар по ценам гораздо ниже рыночных. При перепродаже по рыночным ценам прибыль может достигать 200-300%. Дело это все же хлопотное, небезопасное, и редко кто из арбузников за него берется. Но именно так, через это, реализуется принцип "деньги делают деньги".

Когда привезенная партия арбузов близится к концу, один из 3-х компаньонов едет за очередной партией груза. Трое или двое других остаются продавать остатки предыдущей партии.

Всего за летне-осенний период делается 3-5 поездок, в зависимости от объема дела и удаленности от бахчи выгодного рынка.

Конкуренция между арбузниками есть, но она влияет только на цены и качество. До личных козней по экономическим мотивам дело не доходит.

Я встретил его в купейном вагоне поезда "Черновцы-Одесса". В купе вошел, хотя и крепкого сложения, нервный молодой еще человек. То и дело почти матерные выражения произносились его устами. Это были отголоски его довагонной суеты и его проблем.

Вскоре выяснилось, что он частник-арбузник, и мы разговорились по поводу статьи В. Юмашева в "Комсомольской правде". Почувствовав доброжелательное с моей стороны к нему отношение, и, может быть, еще и оттого, что кроме нас двоих в купе никого не было, он начал подробно рассказывать о своей жизни Арбузника.

После окончания института физкультуры он три года работал тренером. Его родные, переехав из Средней Азии на юг Украины, занимались выращиванием лука для государства. Но в неравной борьбе с гос. органами, постоянно пересматриваемыми нормами, они начали терять в прибыли, — т.е., рентабельность производства неслышвенно и искусственно постоянно понижалась.

И хотя фермеры /большинство из них по происхождению корейцы/ постоянно повышали производительность и плодородность своих участков, и прибыль была еще хороша, но перспектива была туманна, ибо резервы почвы и труда не беспределены. Поэтому семье пришлось задуматься о выращивании другой культуры. Бросить дело и выйти из колхоза они не могли, ибо, с одной стороны, был все же гарантированный сбыт и доход, а с другой стороны, можно было на льготных условиях взять землю у колхоза в аренду как приусадебный участок, для выращивания арбузов. Вообще-то приусадебные участки даются размером до 1 га, но в случае с арендой бахчи они только оформляются как приусадебные, на самом деле, как правило, превышают установленную норму в 20-30 раз. Вот и согласился мой новый знакомый по купе временно стать арбузником.

Мы ехали, фермер открыл бутылку коньяка, немного выпили, продолжая разговор. В вагоне заглох вечерний свет, и проводник предложил нам традиционный набор постельного белья. Я вышел в коридор за чем-то, а когда через минуту вернулся, то увидел, что мой арбузник спал в одежде, как-то поджав ноги и согнувшись в пояс и положив под голову вместо подушки свою модную спортивную сумку. Подушка и сложенные квадратиками две простыни, полотенце и наволочка лежали рядом с ним. Я понял, что дело было не только в усталости, но и в привычке спать не раздеваясь при самых разных обстоятельствах. Я не стал его будить, ибо со мной — важнее всего, даже если и не на простынях.

ЗОЛОТЫЕ РОССИИ

"Не переписывать, случайных людей не информировать". С таким предисловием я подарил два перечня работ своим друзьям, и друзья твердо выполняли просьбу. Одного "случайного" человека зашел в их квартиру и забрал эти списки /а с ними - и пишущая машинка/ как материалы, подрывающие советский государственный и общественный строй. И вполне возможно, что общественно полезный труд подрывает диктатуру "пролетариата", - я с этим спорить не буду - не имею права, - но то, что граждане социалистического лагеря могут быть охвачены коммунистическими лозунгами - в этом я весьма и весьма сомневаюсь /хотя и допускаю, что в этих лозунгах содержится много кал./.. Поэтому я предоставляю всем желающим, кому нужен кусок хлеба, свободное время и хоть какая-то защита от преследования по "тунеядству", эту подборку.

Как выбрать работу. В работе нас интересуют следующие факторы: 1/ возможность бывать /или быть/ дома; 2/ возможность большого заработка; 3/ свобода в выборе режима работы; 4/ свобода в выборе технологии; 5/ свобода в выборе коллег; 6/ юридическая защищенность; 7/ приятность работы; 8/ трудоемкость. Припишем каждому фактору свой вес, т.е. значимость для нас в баллах, например, 5, 7, 8, 3, 2, 9, 1, 1 соответственно. Теперь забудем про веса, а максимально возможное благоприятное значение каждого фактора обозначим через 10 баллов. После этого составляем для себя шкалу ценности по каждому фактору. Например, по первому фактору она будет выглядеть так:

Возможность работать дома.....	10
Возможность уходить с работы на любой срок.....	8
Возможность отлучаться с работы в любое время ненадолго.....	6
Возможность иногда уходить с работы.....	3
Возможность после работы находиться дома.....	2
Возможность иногда приезжать домой.....	1
Полная невозможность приезжать домой за все время работы.....	0

Такую шкалу надо составить для каждого фактора. Для каждого человека эта шкала, как и перечень факторов, - своя. Их можно составить и дробить по своему усмотрению.

Теперь берем конкретную работу и оцениваем для нее каждый фактор. После этого оценку каждого фактора умножаем на его вес и произведения складываем. В итоге мы получим оценку данной работы. Из всех работ самой подходящей будет та, у которой оценка максимальная. Этот способ неоднократно помогал мне в спорных ситуациях.

Переходим к списку работ.

Римские цифры в графах означают: I - вполне возможная дневная зарплата при полной пригодности; II - известные случаи максимальной

1023
 зарплаты /дохода/ в день; II — теоретически возможный уровень зарплаты /дохода/ в день; примечание: в — с воодовством, спекулянтский, р — через рыночную реализацию, ч — с чужими, с — при совмещении; IV — трудность трудоустройства /5 баллов — очень трудно/; V — характер работы: и — постоянный, с — сезонный, в — временный, р — равный; VI — юридическая защищенность /5 баллов — очень хорошая/; VII — вольготность режима /5 баллов — полная свобода/; VIII — физическая трудоемкость на 1 рубль заработной платы /в баллах/. Все работы в перечне даны в алфавитном порядке.

Работа	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Работы с временным или постоянным выездом из Москвы								
асфальтировщик	15	25	35	2	по	5	1	4
бакалавр	3	10	30	4	п	3	4	1
заготовитель корня	15	50	100	1	свр	2	5	3
заготовитель березового сока	10	12	60	4	вр	1	4	2
заготовитель мороженой капусты	10	20	40	4	св	3	4	4
заготовитель сухого корма	10	100	1000	2	свр	2	5	1
исследователь-шофер	8	50	50	5	п	5	4	1
лесник	10	15	100	2	п	5	3	1
лесоруб	15	130	150	1	псв	5	3	5
лесоруб-таксатор	10	15	20	2	св	5	2	4
маляр /мосты/	10	100	150	3	св	4	2	2
метеоролог	6	10	30	5	п	5	4	1
осветитель /лесоруб/	5	30	50	1	свр	2	5	3
песочник	3	30	100	5	пс	3	3	1
пестух	8	20	100	1	о	4	2	1
перегоны автомобилей	8	20	40	5	п	3	2	2
плотник	20	330	330	2	св	4	5	4
подсочка	15	70	100	1	по	4	3	1
приемщик заготовок	10	20	10	5	пс	2	2	1
проводник	5	25	50	3	псв	1	2	1
прочистка /лесоруб/	10	100	300	1	свр	2	5	4
рабочий мясной	10	35	50	5	пс	4	4	1
разделочница рыбы	10	100	100	3	с	3	1	3
сборщик грибов	10	50	200	1	ср	2	5	1
сборщик лекарственного сырья	10	30	100	1	ср	3	5	1
сборщик орехов	20	30	50	4	свр	2	4	2
сборщик ягод	10	200	500	1	р	1	5	1
скульптор по дереву	7	7	50	1	р	1	5	1
оплащик	15	25	30	3	с	5	3	2
старатель /жемчуг/	7	7	20	5	свр	1	5	3
старатель /золото/	20	90	150	4	о	1	5	3
старатель /янтарь/	5	500	7	4	?	1	5	2
турист-инструктор	3	3	3	4	сп	3	4	1
шахматист-строитель	20	400	200	3	ов	1	2	5
Работы в Москве и ближнем Подмосковье								
асфальтировщик	15	25	35	1	пс	5	1	4
бакалавр	3	10	30	4	п	2	2	1
дежурный слесарь, электрик	5	15	20	3	п	5	3	1
заготовитель угля-сырья	5	30	50	5	п	3	4	2
заготовитель корня	15	50	100	2	ср	2	5	3
заготовитель венчиков	10	50	200	1/5	вр	1	5	1
истопник	3	15	20	3	пс	5/2	4	1
книговод	10	30	500	5	п	3	5	1

	Ч	П	В	ТУ	У	УТ	УН	УШ
кочегар	5	10с	10с	2	пс	5/2	3	3
лаборант	3	3	3	4	пв	5	3	1
досник	7	10	50р	3	п	4	4	1
лицензент	10	300	600	5	п	1	5	1
ловца раков	10	7	200	2	р	1	5	1
малар /мачти/	10	45	70	4	пв	4	3	2
малар /телефонные будки/	10	30	60	4	пв	5	3	1
массажист	10	50	100	5	7	1	4	1
матрос	3	10в	10в	4	с	3	4	1
моторист	10	60	100	5	п	4	5	1
надомник /машинистка/	4	150р	1000р	1	-	1	5	1
надомник /окраска тканей/	10	20р	40р	5	п	4	6	2
надомник /сборщик/	10	20	40	5	п	4	5	1
носильщик	10	70	200	5	п	4	5	1
ночной сторож	5	30ч	30ч	5	п	1	4	2
оператор газовой котельной	3	4	4	4	п	2	5	1
обходчик лифтов	4	10с	10с	4	пс	4	5	1
организатор экскурсий	3	4	4	5	п	5	5	1
осветление Улессруб/	6	20	30	5	пв	5	4	1
отгонщик автомобилей	5	30	50	1	свр	2	5	3
откопщик животных	6	50ч	50ч	5	п	1	2	1
оформитель	10	30	100	4	пр	2	6	1
печарник	10	50	100	5	п	3	4	1
пелотар	3	3	3	4	п	4	3	1
приемщик вагоноконторм	3	60	120	5	п	4	4	3
продавец	5	30рв	50рв	5	п	1	3	2
прочистка	4	50в	10в	3	п	1	1	1
псевдодомаработник	10	100	300	7	свр	2	5	4
рабочий театра	-	-	-	4	п	1	5	0
сборщик мебели	4	6	10	4	п	4	4	1
скульптор по гипсу	5	50	50	3	р	1	5	2
слесарь по ремонту автомашин	25р	80р	300р	-	-	1	5	1
статист	25р	100р	300р	-	-	1	5	2
столяр по муз. инструментам	5	5	5	4	п?	2	5	1
сторож-грузчик	20	100	?	5	п	3	3	1
сторож в личном кооперативе	5	8	10	3	п	5	3	3
инспектор в т.п.	3	3	3	5	пс	2	5	1
точальщик	3	3	3	5	п	1	4	1
туристинструктор	3	60ч	150ч	5	пс	2	4	1
узеловник	5	3	5	5	пс	1	4	1
циклещик	5	50ч	50ч	5	п	1	2	2
формовщик скульптур	10	50	100	5	п	1	3	2
экспедитор радиогруза	20	80	300р	5	7	7	6	2
	8	8	8	4	п	5	3	1

Теперь я расскажу о работах более подробно.

1. АСФАЛЬТОВЩИК. Бригада из 4-5 человек /среди них должен быть один укладчик/ заключает договор с колхозом или совхозом.

2. ВАХТЕР. Работа беспокотная. Говорят, лавые доходы /ежедневные и лавные/ вахтера грузовой камеры хранения при Курском вокзале доходят до 500 руб. за смену.

3. ДЕЖУРНЫЙ СЛЕСАРЬ ИЛИ ЭЛЕКТРОМОНТЕР. Должности распространены. Например, на приокзальных почтамтах. Около половины рабочего времени можно читать и писать.

4. ЕПЕРЬ. Жизнь отшельника. Завиду роста браконьерства зачастую опасная. Но чаще живут по принципу "ты - мне, я - тебе".

5. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ УТИШЬСЫРЬЯ. Должность существует при каждой заготконторе, в каждом городе и районе. Довольно свободная. При деловом подходе может давать большой доход.

6. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ БЕРЕЗОВОГО СОКА. Апрель-май. Раскопка во Владимирской области - 3 коп./л. К месту сбора подвозят пустые бутылки. Сок собирают в 3-литровые стеклянные баллоны, которые выдают консервным заводом.

7. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ КОРЫ. Работу без особых трудностей можно найти в лесничествах и заготпунктах, за пределами Московской области. Основные пенки в центральных районах сняты ростовскими мабашниками. Запасы резко сократились, однако выгодные делянки найти еще можно. Ивовую кору собирают непосредственно в лесу /выгоднее сдавать ее в сыром виде/, ивовую заготавливают на низких складах в леспромохозах.

8. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ МОРСКОЙ КАПУСТЫ. Заготовка производится на островах и побережья Белого моря. Существует возможность увеличить производительность труда в несколько раз.

9. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ ВЕНИКОВ. Работу можно найти в лесничествах. Расценка за метлу - 7,9 коп. при диаметре 6-8 см. Сделать 200 метел в день весьма возможно. Расценка за кормовой веник - 3 коп. эту работу оплачивают колхозы и совхозы. Затраты труда на веник раза в 4 меньше, чем на метлу. Но некоторые организации принимают метлы по 20 коп. за штуку. Однако более выгодно изготовление банных веников по 30-50 коп. за штуку. Для из сбора необходимо иметь связи с банщиками. Заготовку веников и метел выгоднее совмещать с осветлением и прочисткой.

10. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ СУХОЮ НОРМА /для аквариумных рыбок/. По-видимому, возможно сезонное и даже постоянное трудоустройство в Управлении торговли: Москва, Б.Козловский, 12, кв. 19 /за ледом/, тел. 221-11-74, м. Лермонтовская. Циклоны и дефли в изобилии водятся в южных реках и водоемах /Донная Украина, Северный Кавказ, Каспийское море/. Самое горячее время заготовки - август-октябрь. Приемная цена около 3 руб./кг. Рыночная цена - 80 коп./стакан. Производительность может быть сколько угодно большой. Для работы желательна машина и необходим первоначальный капитал для покупки халатовой ткани. Профессионалы изыскивают работу в тоннах.

11. ЗАГОТОВЩИТЕЛЬ КИШЕК. При лесничествах, лесосеменных станциях и т.п. Приблизительные расценки: еловые - 12 коп./кг; сосновые - 20 коп./кг, лесовеничные - 34 коп./кг. Время сбора - декабрь-февраль. Расценки зависят от урожайности. Браконьеры дерево велят.

12. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-ЛОСЕР. В некоторых организациях /в частности, во ВНИИМ в г. Пушкино/ бывают такие должности. На данном в полное распоряжение автомобиле исследователь /с лаборанткой/ разъезжает по Соколу и в нужных местах производит некоторые измерения. Оплата - 160 руб. плюс командировочные.

13. ИСТОПНИК. Работа довольно легкая, особенно на малых угольных котлах. Обычно работа через двое суток. Как правило, не препятствуют в совместительстве. Рассказывают, один истопник за свою смену обслужил сразу 7 котельных. При постоянном трудоустройстве возможно получить отпуск за свой счет на все лето.

14. КНИГОТОРГ. Продажа книг с лотка. Зарплата начисляется от 4 до 25 % с выручки в зависимости от магазина и литературы. Профессионалы берутся за работу, если она дает 100 руб. чистого дохода в день. Трудоустройство в М. основные и книготорговых баз.

15. КОММУНАЛЬНЫЙ КОЧЕГАР. Обычно работа тяжелая, но иногда по содержанию приближается к истопнику. Работают тот же.

16. ЛАСОРАНТ. В некоторых местах эта работа довольно выгодна /МУ, ФИАН/.

17. ЛЕСНИК. Можно трудоустроиться даже в Москве. Часто предоставляют служебную площадь. Идеальный вариант: кордон — отдельный домик в лесу. Земельные угодья обычно неограничены. Топливо — бесплатно. Подъем зарплата отсутствует. Условия для большого бизнеса — идеальные.

18. ЛЕСОРУБ. Лучше всего иметь свою бригаду из 4-5 человек /средних — одного тракториста/. Есть возможность сделать месячную норму за неделю, с тем чтобы оставшись три недели не работать. Это предложение было сделано в одном подмосковном лесничестве. В местах сплошных рубок возможны большие заработки. Работа сезонная: сезон в 4-5 месяцев /обычно зимний/ идет за год стаж.

19. ЛЕСОРУБ-ТАКСАТОР. Летне-сезонное трудоустройство в организации "Леспроект" /ул. Кривоголинского/. Работа состоит в прорубке просек и визиров. Экспедиции охватывают весь Союз.

20. ЛИЦЕНЗИЕНТ. Кустарное производство. Гарантировано имеют право на выданные 1-2 групп. Остальные — как смогут. Целом — до 80 % от реализации. В стаж и пенсию работа в счет не идет. Но от "тулунства" спасает.

21. ЛОВЕЦ РАКОВ. Приемная цена в ресторанах — около 2 руб./кг. Возможно заключить постоянный договор. Нужна своя автомашинка.

22. МАЛЯР /окраска мачт и опор линий электропередач/. Работа выполняется на-пару. Нужна хорошая стрижка.

23. МАЛЯР /телефонные будки/. Расценка — около 3 руб. за будку.

24. МАЛЯР /мосты/. Оплата зависит от веса металлоконструкций. Хорошая организация работ позволила трем московским инженерам окрасить большой мост через Обь за 3 месяца и получить на руки по 3 тысяч руб.

25. МАССАЖИСТ. По-видимому, частная практика. Кажется, нужен диплом.

26. МАТРОС. Рабочий лодочной станции. Работа — отдых.

27. МЕТЕОРАЗУТНИК. Бригада состоит из радиста, метеоролога и подсобного рабочего. Для желающих уехать от шума городского.

28. МОТОВАЛИК. В Москве и Московской области всего 70 рабочих

мест. Контора находится у Бисеровского озера /автобусом от м. Идрановская/. Нужны рекомендации. Приемная цена 5 руб./кг мотыля. На черном рынке цена в 5-10 раз выше.

29. НАДОМНИК-МАШИНИСТКА. Работу брать и сдавать раза два в неделю /месяц/. Выгодно совмещать с перепечаткой налево.

30. НАДОМНИК /окраска тканей/. Постоянную работу можно найти на некоторых текстильных фабриках. Обычно это раскраска платных платков. Прием и сдача работ раз в месяц. Средняя зарплата 180 руб.

31. НАДОМНИК-СБОРЩИК. На работу принимают "Артели инвалидов". Сборка на дому брелетов, прищипок, бигудей и т.п. При тайной механизации можно иметь хорошие заработки.

32. НАСТРОЙЩИК пианино. Постоянная работа при музыкальных учреждениях. Имеется возможность для крупных денег заработков.

33. НОСИЛЬЩИК при вокзале. Монопольная должность.

34. НОЧНО И СТОРОЖ. При районных отделах охраны, иногда ставку имеет само учреждение. Работа через ночь, иногда - через две. Желательно, чтобы помещение отапливалось бы.

35. ОБХОДЧИК ЛИФТОВ. Работа состоит в информировании дежурста о неисправности лифта. Рабочее время крайне незначительно.

36. ОРГАНИЗАТОР ЭКСКУРСИЙ. Трудоустройство в экскурсбюро. При организации экскурсий в Кремль рабочий день не превышает 3-х часов.

37. ОСВЕЩЕНИЕ /лесоруб/. Вырубка поросли ненужных пород деревьев. Трудоустройство в лесничествах. Работа производится косой, топором, иногда топором.

38. ОТЮНИК АВТОМОБИЛЕЙ. Помощник продавца в автомашине. Трудоустройство только по рекомендации.

39. ОТКОРМЩИК МИКОТЫХ /в обществе выращивания лабораторных животных/. Работа надомная. Нужен участок с сараем. Кормяки обеспечиваются обществом. Оно же следит за состоянием животных /крошечки, крысы, мышь/.

40. ОФОРМИТЕЛЬ. Помимо московской фирмы данная должность встречается в отдельных учреждениях.

41. НАСТУХ. Зарплата зависит от числа голов скота. Сезонное трудоустройство гарантируется. На Псковщине заработки доходят до 600 руб. в месяц. В некоторых местах /Брянщина/ удастся работать через двое суток.

42. ПЕРЕКОНЩИК АВТОМОБИЛЕЙ по маршруту Москва-Запад. /Не для нас!/.

43. ПОДСОЧКА /сбор сосновой смолы/. Трудоустройство в леспромахозах /к западу, востоку и северу от Москвы/ гарантировано. Летний сезон с 1 мая по 15 октября. В газетах "Лесная промышленность" часто даются объявления о работе. Лучше работать бригадой в 3-4 человека. Возмездны и текущие бригады, группы которой работают по 1 месяцу. Договариваться надо в феврале-марте. Подсочка состоит из двух работ: выдм-щак, который делает на стволе надрезы, и сборщика смолы. Сезонная

норма взвешивания — 6000 доревьев. Ежедневно надо обходить 2000 доревьев. Расценка зависит от конкретных условий и в основном равна 14 коп. за кг.

44. ПОЖАРНИК. Работа через трое суток.

45. ПОЛОТЕН. Трудоустройство на фирму "Заря", а также в отдельных учреждениях. Возможно многократное совместительство. Работа в основном по вечерам.

46. ПРЕЕМНИК ЗАГОТКОНТОРЫ. Группе заготовителей целесообразно иметь своего приемника.

47. ПРОВОДНИК пассажирского поезда, сопровождающий почтовых вагонов. Две недели в пути — затем две недели отдыха.

48. ПРОДАВЕЦ. Только для воров.

49. ПРОЧИСТКА. Работа в любой точке Союза. Трудоустройство в лесничествах. В Западной Сибири идет коэффициент до 1,7.

50. ПСЕВДОДОМАШНИК. Фиктивное оформление домохозяйкой или личным секретарем с целью освобождения времени.

51. РАБОЧИЙ МАЛКА. Трудоустройство в Мурманском и Архангельском пароходствах. Нужны рекомендации. Коллектив из 3-х человек.

52. РАБОЧИЙ ТЕАТРА. Столяр, рабочий сцены, пожарник и т.п.

53. РАЗДЕЛОЧНИЦА РЫБЫ на рыбозаводе. Август-октябрь. Каспийское море, Камчатка, Сахалин. Только в компании.

54. СБОРЩИК КЕДРОВЫХ ОРЕХОВ. Урал, Западная Сибирь. Большие заработки только с браконьерством. Разрешен самостоятельный сбор. Приемная цена — 80 коп./кг. Рыночная цена — от 20 коп. до 1 руб. за штуку.

55. СБОРЩИК ГРЕЧКИХ ОРЕХОВ. Черганская долина. Расценки — 20 коп./кг. Трудоустройство в заготконторах.

56. СБОРЩИК ЛЕКАРСТВЕННОГО СЫРЬЯ. Возможно сезонное трудоустройство в заготконторах и лесничествах. Особо выгодным является сбор: корней папоротника мужского, травы череды и сушеная болотная, листья крапивы, чага, корневища аира. В некоторых заготпунктах сырье принимается в сыром виде.

57. СБОРЩИК ГРИБОВ И ЯГОД. Самые выгодные грибы — чернушка и волнушки. Для беспроblemной приемки приемнику отчисляют 10-20 % дохода. Заготпункты имеются в каждом поселке райцентра и крупном поселке. Большим подспорьем является собственная автомашинка. Из ягод для сбора целесообразны ежевика, брусника, черника. Ручной сбор достигает до 50 кг ягод в день. Возможна беспроблемная механизация. Шерстяная производительность американских комбайнов измеряется тоннами.

58. СКУЛЬПТОР ПО ДЕРЕВУ. Декоративная обработка корней, которые сдаются на комиссионных началах в художественные салоны. По берегам Финского залива усажено 5-метровой полосой подорожников корей.

59. СКУЛЬПТОР ПО ГИПСУ. Производство масок. Сбыт на черном рынке.

60. СЛЕСАРИЙ ПО РЕМОНТУ ЧАСТНЫХ АВТОМАВИН. Девая работа.

61. ПЛОТНИК. Переезд плотов по маршруту Хабаровск-Япония. Работа две недели, 5 тыс.руб. зарплата. Работа опасная. По сезону —

сезон - за год стае. По рекам плоти бунксуются в Сибирь, на Севере и на Западной Украине.

62. СПЛАВЩИК. Молевый сплав. Приятна работа на р. Мете /Калининская обл./: через день, на велосипадах, участок - 20 км, сезонно, зарплата - 220-250 руб. в месяц. Море ягод, грибов, рыб. В Ленинградской области практикуются текучие бригады совслужащих: по 20-30 дней в отпуске. Работа спецсезонная.

63. СПЛОТКА. Составление плотов. Работа спецсезонная. На Камчатке заработки доходят до 70 руб. в день.

64. СТАРАТЕЛЬ /жемчуг/. Кольский полуостров.

65. СТАРАТЕЛЬ /золото/. У профессионалов подготовка занимает год. Требуется огромное капиталовложение. Нужны связи.

66. СТАРАТЕЛЬ /янтарь/. Балтийское побережье. Самая неопределенная работа.

67. СТАТИСТ. При "Мосфильме". Сидишь дома и ждешь, когда пригласят. Говорят, работа постоянная.

68. СТОЛЯР по музыкальным инструментам. Редкая высококвалифицированная работа при музыкальных училищах. Нужны связи и большой срок обучения.

69. СТОРОЖ-ГРУЗЧИК. В магазине. Работа через трое суток.

70. СТОРОЖ в дачном поселке или при ОНЕРДАТЕРЕ. Иногда - в садах /тех и других/. Обычно зимой. Работа отшельника.

71. ТОРГОРАЗРАБОТЧИК. Работа спецсезонная. Бывает летний и зимний сезоны.

72. ТОЧИЛЬЩИК. Трудоустройство в райторгах. Нужны связи. Одна ставка - 80 руб. Работа по 2 часа в день ~~выравниваются~~ 3 раза в неделю, иногда - раз в неделю. Довольно заработок в 40 руб. за вечер - дело обычное.

73. ТУРИСТРУКТОР. Сопровождающий туристские и альпинистские группы. Трудоустройство в турклубах.

74. УПАКОВЩИК при камере хранения. Столяр-плотник. На Курском вокзале часовой доходит до 500 руб. в день.

75. ФОРМОВЩИК СКУЛЬПТУР /для скульпторов/. Левая работа.

76. ЦИРКОВЩИК /при фирме "Заря"/. Необходимы "деловые" качества. И связи.

77. КАБАНИК-СТРОИТЕЛЬ. Нужны прекрасная организация труда и опытный бригадир. Самые выгодные работы - плотничные, кровельные и электротехнические. При слаженной работе 4 человека могут построить 4-квартирный дом за месяц с заработком по 1 тыс. руб. /и даже за неделю - сам видел/. Перестилку полов и кровельные работы можно найти и в Подмосковье. При электрофицировании кооперативных гаражей можно зарабатывать по 25 руб. в день.

78. ЭКСПЕДИТОР радиоэвентивного груза. Говорят, безопасно. 4-часовой рабочий день, ранний выход на пенсию, спецпитание и т.п.

79. ОПЕРАТОР ГАЗОВОЙ КОТЕЛЬНОЙ. Нужно кончать курсы. Работе по 12 часов. Иногда абсолютно безопасная /если стоит домашний АИВ/.

80. ИЗГОТОВЛЕНИЕ МОДНОЙ ПИТОРИИ. Очень перспективное дело. Сбыт
ловный.

81. АКВАРИУМНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

82. РАЗВЕДЕНИЕ КАНТУСОВ.

83. ВЫРАЩИВАНИЕ ЦВЕТОВ /гозы, тюльпаны, гладиолусы/.

84. ПРОИЗВОДСТВО ОРОШЕИ /капусты, репа, редька, хрен, петрушка/.

85. ПАСЕЧНИК. Необходимо кончать курсы. Дело весьма перспектив-
ное. Некоторые пчеловоды Америки производят более чем по 20 тонн /1/
меда в год /не одного работника!/. Умножьте-ка на 8 руб. за кг! 160
тыс. руб. в год! Новизна! И как им только позволяют записывать! То ли
дело наше родине правительству! Оно такого безобразия не допустит!

Вот если бесплатно, то - по жалуйте! Только бесплатно почему-то ни-
кто не хочет. Дайте они.